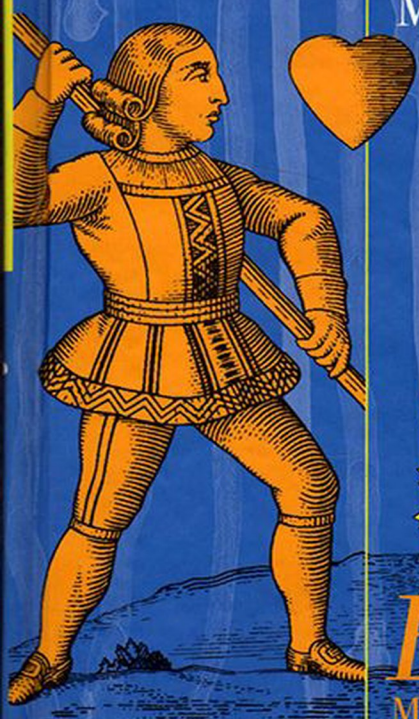
Николас

Блинкоу

Манчестерская тусовка



Nicholas

Blincoe

Manchester Slingback

Английская линия

Манчестерская тусовка
Николас Блинкоу

Аннотация
Николас Блинкоу. Манчестерская тусовка
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая
Глава шестая
Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая
Глава десятая
Глава одиннадцатая
Глава двенадцатая
Глава тринадцатая
Глава четырнадцатая
Глава пятнадцатая
Глава шестнадцатая
Глава семнадцатая
Глава восемнадцатая
Глава девятнадцатая
Глава двадцатая

Глава двадцать первая

Аннотация

«Манчестерская тусовка» — как всегда у Блинкоу, роман очень жизненный, своего рода социальный срез современной субкультуры, предлогом для которого служит детективный сюжет.

Действие происходит в двух временных пластах. Манчестерский следователь Дэйви Грин (этакий Жеглов минус романтика плюс пройдошистость и своеобразное мужланское чувство юмора) приезжает в Лондон и делает Джейку, менеджеру казино, предложение, от которого тот не сможет отказаться. Дело в том, что в начале 80-х Джейк был информатором Грина. И теперь пришла пора отдавать должок.

Пласт «настоящего» перемежается сценками из прошлого Джейка и его друзей. Время и нравы изображены очень выпукло и достоверно, аж дрожь пробирает, но не от детективной интриги, а от мастерского описания язв современного общества, где понятия плохой/хороший переплетены настолько, что не всегда и разберешь.

Николас Блинкоу
Манчестерская тусовка

Благодарю Роберта Блинкоу, Лейлу Сансур, Мартина Деламера, Крис Шаратт, Ричарда Томаса, Лизанну Рэдис, Джейн Грегори и Питера Лэйвери за помощь и добрые советы.
И отдельное спасибо Раиссе Сансур за гостеприимство.

Глава первая

Дэйви Грин стоял с бокалом «Олд-Фешнд»[1] в толчее у барной стойки и раздраженно поглядывал на низкое ограждение, за которым начиналась игровая зона. Табличка на ограждении гласила: «Принимать спиртное за игральными столами запрещается».

Направляясь сюда, Дэйви очень волновался за свой костюм. В номере третьесортной гостиницы в Марилебоне он посмотрелся в зеркало и был так потрясен увиденным, что тут же сформулировал правило: «Никогда не покупай ничего в магазинах, название которых начинается на «Мистер». Его уже успели нагреть «Мистер Носки», «Мистер Огневое Окружение» и «Мистер Hi-Fi». Теперь к списку добавился еще и «Мистер Дерьмовый Костюм». Впрочем, войдя в казино, Дэйви обнаружил, что беспокоился он совершенно напрасно. Здесь вообще никто не парился насчет нарядов: никаких изящных костюмов — одни спортивные куртки и брюки им в тон. Многие вдобавок

[1] Примечания: 1

«Олд-Фешнд» — коктейль (виски с горькой настойкой, сахаром и фруктами).

намотали себе на головы полотенца, которые в приглушенном свете казино сияли такой белизной, что хоть снимай рекламу «Ариэль».

Дэйви прибыл в Лондон два дня назад и в который раз убедился: туда вообще лучше не ездить. И путешествие было фиговым, и из вагона он вышел никакой… Отбыли со станции «Манчестер-Пикадилли» — приземлились на вокзале Юстон. В дороге надрался, понятное дело. Во рту дурацкий жестяной привкус «макэванса»[2] — как вышел с ним из вагона, так до сих пор мутит. Вот уже двое суток…

В Лондоне Дэйви сразу надел непромокаемую куртку с капюшоном и застегнул молнию до самого носа: с неба лило как из ведра. Первым делом нужно было разжиться членской карточкой. Он вскочил в автобус и проехал пару остановок от вокзала до Бейкер-стрит, а оттуда еще долго шел пешком по мокрым улицам, пока наконец не добрался до дверей казино. По закону игрок имеет право сделать первую ставку лишь спустя двое суток после записи, а Дэйви Грин — как раз служитель этого самого закона. Поэтому он заплатил вступительный взнос и в окружении

---

[2] Примечания: 2

«Макэванс» — шотландская марка очень крепкого пива.

ковров и позолоты заполнил анкету. Покончив с этим, он нашел поблизости гостиницу и следующие сорок восемь часов безвылазно проторчал в номере: плевал в потолок и смотрел по телевизору порнуху.

Прислонившись спиной к барной стойке, Дэйви краем глаза поглядывал на бармена. Здесь у всех была своя униформа: у барменов — синие жилетки, у крупье — голубые. Распорядителям по статусу полагался пиджак. Чем больше одежды, тем выше положение на карьерной лестнице казино. На самой головокружительной вершине этой лестницы стоял Джейк Пауэл, старший распорядитель, который дослужился до настоящего костюма-тройки (кстати, довольно неплохого).

Дэйви подозвал бармена и кивком указал в сторону Джейка. Тот переходил от стола к столу, и издалека казалось, что это в полумраке альковов прогуливается принц.

— Вон тот парень, Джейк, ты его знаешь?

Бармен ответил не сразу: он не понял, что это было — вопрос или начало рассказа.

— Вы про мистера Пауэла?

Дэйви многозначительно прикрыл веки:

— Нам с ним есть что вспомнить, сынок.

На бармена слова Грина не произвели ровным

счетом никакого впечатления, да и немудрено: достаточно было только взглянуть на этих двоих, чтобы почувствовать разницу. Дэйви Грин и Джейкоб Пауэл, один выглядит просто дерьмово, другой — как раз наоборот. Дэйви не видел Пауэла почти шестнадцать лет. Попроси его кто-нибудь описать произошедшие с Джейком перемены, он бы отметил несколько лишних килограммов, да и как же им было не появиться: человек, в котором под два метра росту, не может всю жизнь проходить с бараньим весом. В свои почти тридцать четыре Джейк был по-прежнему строен. И к тому же мог похвастать единственным тщательно продуманным костюмом во всем заведении.

Дэйви велел бармену готовить новую порцию.

— Я пока схожу отолью.

Туалет у них был — зашатаешься. Черный мрамор, золотая отделка, и что ни поверхность — зеркальная гладь, да еще расположенная таким хитрым образом, что отражает все твои недостатки. Довольно неслабое количество недостатков. Дэйви внимательно и беспристрастно оглядел себя в зеркалах и решил, что, пожалуй, судит свою внешность слишком строго. Ну да, сорок шесть лет таскаться по улицам — такое даром не проходит, но и паниковать особенно не из-за

чего. Зато с такой внешностью никто сразу не поймет, чего ты на самом деле стоишь: можно по мере необходимости изображать из себя то крутого, то недоумка.

Рядом с умывальниками стоял проигравшийся молодой араб и брызгал водой себе в лицо. У него так сильно дрожали руки, что вода разлеталась по всей уборной. Когда Дэйви подошел к умывальнику, на мраморном полу был уже настоящий потоп, но парень почти не намок и мрачно собирался отчаливать. Однако оказалось, что это еще не конец его злоключений. У выхода из уборной он наткнулся на работника туалета, вооруженного здоровенной бутылью одеколона. До Дэйви донеслось шипение: бедному юноше досталась мощная порция одеколонных брызг. За услугу пришлось платить: вслед за шипением послышался звон монет, упавших на блюдце, — чаевые. Судя по звуку, денег парень оставил не больше, чем на автобусный билет, но едва ли у него в карманах было что-то еще. Разбогатеть в казино не удалось — только потратился, а теперь еще и пах плоховато. Вскоре и Дэйви направился к выходу, но он был уже ученый и театрально скрестил руки перед лицом, чтобы отпугнуть туалетного вампира. Однако на чай все-таки дал.

Новый бокал «Олд-Фэшнд» ждал Дэйви на бумажной подставке с фирменной эмблемой казино. Бокал улыбался ему. Дэйви хлебнул и подозвал бармена.

— Будь добр, попроси мистера Пауэла подойти ко мне. Есть разговор.

В ответ послышалось «о'кей», а за ним — невнятное «сэр». Через несколько секунд Дэйви увидел, как одетый в жилет посыльный проплыл по залу, приблизился к Пауэлу и мотнул головой в сторону той части бара, где стоял Дэйви. Пауэл посмотрел в указанном направлении, но ничего интересного там не увидел. Возможно, расстояние было слишком большое, и он просто не узнал его — своего старого знакомого, инспектора полиции Грина. В конце концов, прошло шестнадцать лет… да и инспектором Грин тогда еще не был.

Пауэл не спешил — ступал все так же медленно и чинно и даже остановился по пути поговорить с кем-то из сотрудников. Наконец он подошел к Дэйви и спросил:

— Чем могу помочь, сэр?

— Джейк, братишка, давненько не виделись, — снисходительно улыбнулся Грин. — Но ты прав, пожалуй, ты снова можешь меня выручить.

Лицо Пауэла не выражало ничего, кроме пол-

ного спокойствия.

— Не думаю, — ответил он с дежурной улыбкой и подозвал бармена. — Первый бокал для новых членов клуба — за счет заведения. Правда, в вашем случае это будет третий. Удачной игры.

Пауэл развернулся и ушел. Этого Дэйви не ожидал — такой вот обходительности с его стороны. По дороге к бару Джейк успел выяснить, что Дэйви — новый посетитель казино и допивает второй бокал. И что еще хуже: Джейк уже знает, что это неофициальный визит — иначе зачем бы Дэйви записываться в клуб?

Обычно Грин полагался на присутствие духа и острый ум. А еще больше — на свое умение до смерти напугать людей вроде Джейка Пауэла. Но тут он немного не рассчитал: решил, что Пауэл остался прежним, так до сих пор и не повзрослел. Грин чересчур поспешно примчался в Лондон и не успел впопыхах все как следует продумать. Надо было догадаться, что, прежде чем доверить парню управлять казино с таким большим количеством посетителей, ему должны были провести пересадку темперамента.

Дэйви двинулся вслед за Джейком и нагнал его у второго стола для рулетки.

— Тебе не кажется, что было бы разумнее от-

вести меня в отдельный кабинет и разобраться, чего я хочу?

— Нет. — Джейк, не замедляя шага, шел дальше.

— А если я устрою скандал?

— Для таких случаев мы и держим охрану.

— Может быть, мне для начала сказать, что ты подставлял мне свою задницу в туалете?

— Обо мне говорили и похуже. Это казино.

Ага, вот он — отголосок северного акцента. Но Дэйви от этого никакого проку, за один только северный акцент к человеку не прицепишься.

Придется сменить тактику.

Джейк смотрел, как Дэйви Грин неуклюже повернулся и вразвалку пошел обратно к бару. Глядя ему в затылок, Джейк поймал себя на том, что и сам начинает сутулиться. К нему обратилась одна из официанток:

— С вами все в порядке, мистер Пауэл?

— Ммм…

— Вы хреново выглядите.

— Место хреновое, как тут еще выглядеть?

В течение следующего часа Джейк еще раз обошел все столы, стараясь не поворачиваться к бару лицом. Выдался один из тех «смешанных» вечеров, когда играть приходит самая разная

публика: посетители выходного дня, азартные игроки-любители, жизнерадостные бездельники и те, кто подсел на игру как на наркотик. Чем разнообразнее публика, тем больше оттенков настроения в атмосфере. Но вот сейчас никакого разнообразия в атмосфере не чувствовалось: все собравшиеся не только дружно проигрывали, но еще и поголовно волновались на этот счет. Воздух был пропитан беспокойством, оно гудело, гудело над самым ухом, отскакивало монотонным звуком от игральных столов и уже становилось похоже на крик отчаяния.

Женщина, которой сегодня определенно не везло, держала жетон на номере двадцать три, а потом вдруг переметнулась на двадцать восемь. Ставка была принята, дрожащие пальцы оторвались от фишки и неуверенно трепетали над этим одним, самым распоследним из всех ее жетонов. Рядом с женщиной сидел толстяк с большой стопкой фишек, его колбасообразные пальцы выровняли стопку и перенесли ее верхнюю половину на игровое поле, в точку соприкосновения четырех номеров. Другую половину стопки толстяк подвинул свободной рукой на вторую дюжину. Раздалось оглушительное: «Ставок больше нет», и крупье вяло, как во сне, крутанул колесо.

В ту секунду, когда он бросил шарик, игрок в белом костюме кинул на стол пять синих фишек, объявив ставку на поперечный ряд плюс зеро.

Джейк быстро посмотрел на старшего распорядителя: слишком поздно сделанная ставка — это еще полбеды, гораздо хуже было то, что от долгого вращения колеса крупье впал в транс. В обязанности Джейка входило вовремя заменять зазевавшихся дилеров, не допускать бесконечного повторения действий. Никакой предсказуемости. Старший распорядитель поймал его взгляд и прищелкнул языком, чтобы привлечь внимание крупье. Юноша вздрогнул, заморгал глазами, назвал номер двенадцать и, распределив выигрыш, покинул стол.

Выигрышный номер еще не успел определиться, а до Белого Костюма уже дошло, что происходит. И вот теперь он кричал, что его так просто не проведешь, что этот крупье, мать вашу, приносил ему удачу, и он желает играть только с ним. Старший распорядитель произнес принятое в таких случаях извинение: у молодого человека перерыв. Костюм плевал на его извинение, у него был целый список претензий к казино и перечень своих потребительских прав длиною в Библию. Это что же такое они хотят на него

повесить? Он что, просит цепью приковать парня к столу? Вообще-то Костюм зря так разгорячился — только все испортил, после такого крика ни о каком мирном решении проблемы не могло быть и речи. Сам виноват. Очередной законченный неудачник из тех, что пытаются поставить свое дутое везение против могущества казино.

Джейк дал ему несколько секунд — опомниться и прийти в чувство прежде, чем дело дойдет до вызова охраны. Сработало. Парень вдруг остановился, свирепо оглядел присутствующих и заткнулся. После чего, громко топая, ушел в сторону туалетов. Что бы он там себе ни думал, уходил он побежденным. Но, возможно, позже он снова сумеет уловить виток предсказуемости в работе крупье и попытается отыграться.

Джейк пристально следил за передвижениями Белого Костюма по залу, но терял его из виду всякий раз, когда на глаза попадался Дэйви Грин. Тот больше не стоял у барной стойки, а бродил теперь среди столов и производил столько шума, что Джейк слышал его голос повсюду до самого утра. Грин нашел подходящее место для своих немногочисленных фишек и развлекал собравшихся похабными шуточками с манчестерским жаргоном. Джейк никогда еще не видел, чтобы

кто-нибудь так мучительно раздумывал над тем, на какой номер поставить двадцать несчастных фунтов. Маленький, с желтым от беспрестанного курения лицом и слезящимися глазками, Грин играл свою комедийную роль до конца, не умолкая ни на секунду. Джейк слышал, как он говорит девушке-крупье у стола с низкими ставками:

— Что, думаешь, мне трындец, да?

Он даже пел: сначала вспомнил что-то из ранней Кайли, а потом вдруг затянул «You Spin Me Right Round»[3] группы «Дэд ор Элайв».

Рядом с Грином стояла женщина в джемпере с блестками, с накладными плечами и мощными серьгами в ушах. Он оглядел ее с головы до ног, подмигнул и сказал:

— Ну как, милочка, прет везуха? А то лично я сегодня — ну просто счастливчик!

Джейк продолжал делать свое дело, но был не настолько увлечен, чтобы не заметить ухода Грина. Было около трех часов ночи, и по дороге к выходу полицейский заплетающимся языком рассказывал собравшимся о том, что у них в го-

[3] Примечания: 3
«Ты меня крутишь и вертишь» *(англ.).*

роде играют только в пасьянс.[4] После его ухода в казино еще оставались посетители, но уже совсем немного. Постепенно зал пустел, только несколько безумцев с маниакальным упорством гонялись за собственным отчаянием.

Джейк был и сам не рад, что так хорошо справляется со своей работой. Он умел управлять удачей — знал, как поставить ее на задние лапки и заставить служить. Ему достаточно было зевнуть, чтобы на другом конце зала покатились шарики или кости. Возможно, это был его крест. Всюду, где бы он ни появлялся, ему приходилось продираться сквозь хаос, разрывающий на части жизни окружавших его людей, разящий наповал одной левой. Хаос оставлял Джейка в одиночестве в его маленькой черной дыре, где не было ничего, кроме глубокой депрессии. Его по уши засосало в эту дыру уже тогда — в ночь, когда он уезжал из Манчестера. Депрессия не отпускала его с тех пор долгие годы, она пережила даже наркотики, алкоголь и все сигареты, с которыми он в конце концов завязал. Недавно он начал подумывать об антидепрессантах, но никак не мог дойти до врача, чтобы получить рецепт: по ночам

---

[4] Примечания: 4

Ссылка на строку из песни «Solitair» («Пасьянс») группы «Карпентерс»: «And solitair's the only game in town».

он работал, а потом почти целый день спал. Зато он точно знал, что все его знакомые мечтают (очень смешно!) быть похожими на *него.* К нему подлетел бармен:

— Быстро, туалеты.

Джейк побежал, еще даже не зная, в чем дело. Наверняка что-нибудь из ряда вон. Первой на глаза попалась щетка, она лежала на ковре в полуметре от двери мужского туалета. Еще несколько шагов — и Джейк увидел работника туалета: он лежал с залитым кровью Лицом на мраморном полу.

— Что случилось?

— Тот парень, придурок в белом костюме.

Джейк опустился на колено и отыскал на мягкой шее старика пульсирующую вену. От прикосновения на кончиках пальцев осталась кровь со сладковатым мускусным запахом одеколона. Бутыль была разбита вдребезги, уцелел только колпачок с разбрызгивателем: серебристый носик и хвост из пластиковой трубки делали его похожим на инопланетное насекомое, ползущее по выложенному плиткой полу. Джейк снова взглянул на старика и только сейчас заметил у него под глазом глубокую рану, из которой торчит кусок фарфора — осколок блюдца для чаевых.

— Кто-нибудь вызвал «скорую»? — Джейк вскочил на ноги и уже бежал к выходу. — «Скорую», быстро!

На Бейкер-стрит было пусто, только на мокрой от дождя дороге лежали длинные отражения фонарей и неясные тени молодых деревьев. Джейк быстро оглядел улицу и побежал в сторону Портмэн-сквер. Площадь, открывшаяся перед его глазами, тоже была пуста. Джейк сменил направление и перебежал через дорогу, на бегу вслушиваясь в тишину. Он силился расслышать гудение мотора или визг останавливающегося такси — любую зацепку. Какой угодно сигнал. И наконец получил его: на стоянке позади сгоревшего кошерного ресторана приветственно пискнула сигнализация автомобиля и мелькнул белый костюм. Джейк снова побежал, стараясь ступать как можно тише. Парень в костюме услышал его только в последнюю секунду и, оглянувшись, получил мощный удар в грудь.

Джейк нарочно начал с малого: ему казалось, что сразу получить по яйцам — непозволительная роскошь для этого типа. Пускай как следует проникнется происходящим — проморгается и отдышится, а уж потом можно будет продолжить. Получив пяткой в ухо и локтем в подбородок,

парень покачнулся. От сильнейшего удара ногой в живот он взлетел в воздух. Когда тело Костюма хлопнулось на землю, Джейк подумал: *сломать ему на хрен спину.* Треснуть разок каблуком — и переломить его долбаный хребет… Но он вовремя себя остановил.

Ключ от машины остался в дверном замке. Джейк открыл дверь и оглядел обстановку шикарного, обтянутого кожей салона. Он не знал, что ему нужно в машине у этого парня: просто хотелось привести в порядок мысли и подумать, как быть дальше. Возможно, удастся инсценировать автокатастрофу. *Человек сам себя переехал, охренеть.* Под пассажирским сиденьем лежал портфель. Джейк вышвырнул его из машины, позаботившись о том, чтобы стальной уголок отделки ударил владельца портфеля по голове. Потом он открыл бардачок: карманная карта Лондона, флакон одеколона «Адмирал» и дешевый калькулятор — полученный на халяву и давно заброшенный, с выгравированным названием какого-то оффшорного банка. Джейк взял одеколон и вернулся к своему новому знакомому.

Он несколько раз вдарил Костюму ботинком по ребрам, дождался, пока тот свернется в клубок, и добавил еще. Потом Джейк опустился на

мостовую, схватил парня за волосы и принялся работать пульверизатором. Он направил струю липкой гадости Костюму в горло, крепко зажав ему пальцами нос. Тот стал было метаться, но Джейк придавил его грудь коленом к земле и продолжал брызгать. Глаза Костюма начали вылезать из орбит. Тогда Джейк побрызгал и в глаза — одновременно и ослепил парня, и дал ему время сглотнуть.

За сахариново-сладким запахом одеколона угадывалась его адская летучесть. Можно было бы поджечь Костюма или его машину, но это привлечет внимание: пожарная станция всего в двух кварталах отсюда. В общем, Джейку становилось скучновато, и он не мог придумать, как бы побыстрее покончить с этим делом. Единственное, что пришло в голову — просто взять и уйти, и оставить ублюдка блевать и метаться по мостовой. Замедленная съемка страданий избитого парня.

И тут где-то впереди раздался голос:

— Отличная работа, сынок.

Джейк посмотрел туда, где сходились тени домов — там был вход на стоянку.

Оттуда снова послышался манчестерский говор:

— Может, проще было его трахнуть?

Дэйви Грин вышел на свет. Он был одет в стеганую куртку вроде тех, что носят школьники, с высоко поднятым воротником. Завершал образ тонкий нейлоновый капюшон, облегающий голову на манер резиновой шапочки для плавания и крепко завязанный под подбородком. В таком виде Грин был похож на новую усовершенствованную модель презерватива, но, казалось, это его нисколько не смущает.

— Ладно, Пауэл, — сказал он. — Ты ведь сам знаешь, что нам надо поговорить.

Глава вторая

1981, о да…

…Джейк собрался в туалет, когда в главном баре началось выступление «голубой королевы». Шон и Фея забились в угловую кабинку вместе с двумя другими чуваками (один уже престарелый, другой еще ничего). Когда Джейк поднялся, престарелый повернулся в кресле и уставился на Фею:

— А ведь ваш друг пропустит *самое интересное,* — сказал он.

Фея бросил на Джейка игривый взгляд и ответил:

— Он ненадолго.

— Пускай не торопится. Я могу и подождать!

В голосе престарелого гея были слышны слащаво-театральные нотки вроде тех, что бывают у выпускников частных школ и гомов старого образца. Джейк не мог определить, настоящий это акцент или напускной. Может быть, старик подцепил такой говор, когда служил во флоте и проводил отпуск в чужом порту, да так от него и не избавился? На тыльной стороне ладони у

него была татуировка моряка торгового судна — невнятный рисунок посреди печеночных пятен. Сейчас в этой ладони лежала зажигалка, от которой Фея прикуривал «Собрание Коктейль». Сигарета подрагивала в кокетливо протянутых к огню пальцах, и, прикурив, Фея вместе с дымом выдохнул на ту сторону стола *«спасибо».*

— Всегда пожалуйста.

Бывший моряк был в «Добром дне» завсегдатаем. Каждый раз он садился на одно и то же место, выпивал бессменный стакан джина и начинал фирменным образом хохотать — с таким хрипом, на который способны только больные эмфиземой алкоголики. Фея вторил ему своим икающим хихиканьем. А Шон просто сидел и молчал.

— Что это сегодня вашего четвертого дружка не видно?

— Джонни? — спросил Фея. — Он в Берлине.

— А, в Берлине.

Коротышке Фее было семнадцать, природа одарила его прыщами и плохими волосами, но с ним по крайней мере было весело. А лицо красавчика Шона неизменно выражало томление и скуку. Сегодня тоскливое выражение помогало ему держаться подальше от второго парня — того, которого мальчики прозвали Вельветом за его

шуршащий голос, похожий на шелест, с каким трутся друг о друга штанины вельветовых брюк.

Джейк был рад, что ушел. Еще ведь нужно поправить тушь на ресницах — впереди целая ночь.

Он наносил последние штрихи, когда «голубая королева» начала петь на бис — те же песни, что и всегда. Джейк услышал вступительные аккорды, заморгал ресницами в такт музыке и напоследок еще раз оценил в зеркале результат своих трудов. Черная подводка выглядела очень вызывающе на бледном лице. Джейк пританцовывая вышел из дверей туалета и вдруг подумал: а не ему ли аплодируют все эти люди? Конечно, аплодировали не ему… но, случись такое, он бы не удивился.

Он посмотрел поверх голов в сторону бара и увидел «королеву» с длинной, лебединой шеей, в головном уборе Кармен Миранды[5] и в босоножках на платформе. Певица выступала, стоя на барной стойке. Одной рукой она держалась за подол узорчатой юбки, приподнятой так, чтоб были видны ноги, и помахивала ею взад-впе-

[5] Примечания: 5

Кармен Миранда (1909–1955) — португальско-бразильская певица и актриса, носила высокие головные уборы, которые часто украшала фруктами, за что поклонники дали ей прозвище «Леди в шляпе тутти-фрутти».

ред. Этим хореографическая часть выступления исчерпывалась. Ни для чего более искусного на барной стойке не было места, но вот без этого — два шага влево, выпад, два шага вправо, шейк-шейк бедрами — было просто не обойтись. Песня, если Джейк правильно догадался, называлась «Руи-Руи», а исполнялась на мотив «Луи-Луи». Непонятно, где Королева раздобыла инструментальную версию в стиле сальсы, но вообще-то «Луи-Луи» уже кто только не переделывал — во всей истории рок-н-ролла нет ни одной другой песни, на которую так часто делают каверы. У Джейка она была в исполнении «Игги и Студжес» — и не на виниле, а на пленке.

Танцуя на высокой барной стойке, Королева Кармен словно топталась по головам зрителей, но у нее был великолепный голос: такое глубокое грудное рычание в «О-о, беби, да», а вместо стандартного «Йе-йе-йес» — боевой клич: «Ай-йай-йай-йай». Еще она всю песню слегка шепелявила на латиноамериканский манер — просто супер.

Пока выступала Кармен, служащие «Доброго дня» могли разойтись со своих мест за барной стойкой и расслабиться. Единственное, что от них требовалось по контракту — это улыбаться

и пританцовывать и вообще изображать симпатичный задник до конца выступления. Был четверг, а по четвергам, согласно расписанию, разработанному Леди-Добрый-День, в баре выступали приглашенные артисты. Все остальные дни недели местные работники развлекали публику сами: каждый вечер они пели под фанеру и по два раза за ночь наряжались в известных певиц. Около месяца назад Леди-Добрый-День спросил у Джейка, не нужна ли ему работа.

Джейк в ответ засмеялся:

— Чтобы ты меня имел так же, как всех этих мальчиков? Спасибо, я уж лучше продолжу свой нечестный труд.

— Откуда тебе знать, как я их всех имею? — только и ответил Леди-Добрый-День.

Песня Кармен заканчивалась дребезгом гитар и грохочущими ударными в стиле латинос, и певица как могла поддавала жару: подмигивала, трясла плечами, махала руками и вертела бедрами. Джейк обернулся и еще раз посмотрел в сторону уборной. Свет в туалете был выключен, и круглое окошко в двери сошло за зеркало. Зеркало было на стороне Джейка. Восемнадцать лет, высок и строен. Волосы сегодня заглажены назад — в берлинском стиле. А в довершение образа

— темный костюм, в тусклом свете бара почти ничем не напоминающий потрепанную вещицу из благотворительного секонд-хэнда, какой на самом деле он являлся.

Паб «Добрый день» был набит до отказу, и стоило Королеве Кармен освободить сцену, как толпа с ревом бросилась за спиртным. Народу было так много, что даже самой Леди-Добрый-День пришлось встать за стойку. Каждый заказ она выкрикивала вслух скрипучим и пронзительным голосом и в конце непременно добавляла какое-нибудь ругательство. Леди-Добрый-День было лет сорок пять, это был реально толстый мужик с двумя хорошо откормленными подбородками и беременным пузом. Но Джейк отказался у него работать не только из-за этого: весь город знал, какой Добрый-День озабоченный тип. Не важно, голубой ты или нет, он всех встречал одной фразой: «Не отсосешь — никакой работы не получишь». Даже если это и не было обязательным условием, Джейк мог поспорить, что именно так устроились сюда почти все — включая тех, кто не был готов в этом признаться. Леди-Добрый-День не уставал повторять, что в Манчестере не осталось ни одного человека, которого он не «протащил на буксире», поэтому кто ж его знает,

сколько таких людей было на самом деле.

В колонках что-то щелкнуло: стереосистему переключили обратно на музыкальный автомат. Первой заиграла «Eye To Eye Contact»[6] Эдвина Старра, сразу ближе к припеву. Народ стал подпевать, по бару обрывистыми выкриками летала ключевая фраза песни и ее сопровождало особое движение рукой: на словах *«Я смотрю на тебя...»* люди щелкали пальцами и театрально выбрасывали вперед указательный палец. Джейк уставился в пол: кажется, его заметил один старикан, который как-то раз ночь напролет покупал ему выпивку — еще потребует возмещения убытков. Прямо перед Джейком танцевали двое мужчин: поворот, подергивание бедрами, плечи вверх и вниз, локти торчат по бокам как подрезанные крылья. Джейк обогнул танцующих, нырнул в толпу и пошел виляющей походкой, стараясь никого не задеть — он не представлял себе, как еще можно двигаться в таком костюме. Он шел на звук икающего смеха Феи, такого пронзительного и писклявого, что аж зубы сводило.

Шон и Фея по-прежнему сидели в угловой кабинке — все в той же компании. Когда Джейк

---

[6] Примечания: 6
«Глаза в глаза» *(англ.).*

подошел так близко, что можно было разглядеть золотую полоску на фильтре «Собрания» Феи, он остановился — еще раз посмотреть представление, которое разыгрывал больной эмфиземой старик, давая Фее прикурить. Завоевать расположение Феи было делом нехитрым: направь на него свет прожекторов (ничего, пускай это будет всего лишь свет от дешевой зажигалки «Ронсон»), и парень пойдет за тобой на край света. Судя по тому, как усердствовал престарелый моряк, он знал, что делает. Если оставаться в образе, Фея так и будет считать, что с ним происходит не обыкновенный съем, а нечто особенное, декаданс века джаза, в котором он — Салли Боулз.[7] Фея жил ради таких мгновений, когда можно представить себя кем-то другим — одной секунды было ему довольно, чтобы ощутить полнейшее наслаждение. Вот только Салли Боулз тоже не больно-то позавидуешь — похоже, Фея этого не учел. А может, Джейк зря выпендривается. Возможно, Фея в курсе про Салли Боулз. Возможно, именно за это — за невезучесть — он ее и полюбил.

Вельвету было, навскидку, лет сорок пять. Шон все еще сидел с ним рядом, но слегка отклонялся

[7] Примечания: 7

Салли Боулз — героиня Лайзы Минелли в фильме «Кабаре» режиссера Боба Фосса.

при каждом его поползновении. Джейк был уже в двух шагах от их столика и наблюдал, как Вельвет наклонился поближе к Шону, чтобы спросить, бывал ли тот в Озерном крае.

— Я на прошлые выходные забирался на Скафелл-Пайк. Просто невероятно. Ты не увлекаешься дальними прогулками?

Джейк покрепче сжал губы, чтобы не рассмеяться. Он представил себе бледного, тощего Шона, явившегося покорять природу — такое можно было себе представить только в бреду. Шон способен изобразить человека, отправившегося в поход, но ни за что не пошел бы туда в действительности. Если Вельвету хочется романтики в духе «Бой'з Оун»,[8] пускай дает объявление в газету. Сомнительный паб на задворках Деревни[9] — не самое подходящее место для романтики.

— Нет, — ответил Шон. — И альпинизмом не занимаюсь, и на лодках ни хрена не плаваю.

На это Вельвет уже не нашелся, что сказать.

Джейк засмеялся. Не слишком громко, но все

---

[8] Примечания: 8

Boy's Own — стильный британский журнал для продвинутых мальчиков.

[9] Примечания: 9

Gay Village («Голубая Деревня») — реально существующий район Манчестера, в котором сосредоточена большая часть ночных клубов и баров, где собираются гомосексуалисты.

его услышали, потому что в разговоре в это время как раз возникла пауза. Фея, от которого ничего другого и не ждали, заорал первым:

— Ой, вы посмотрите на нашу девочку! А накрасилась-то — видно, не терпится потрахаться!

Джейк ненавидел такие вот визгливые голубые шуточки, и Фея об этом знал. Но он был уже слишком пьян, чтобы испугаться сурового взгляда, поэтому Джейк выдавил из себя улыбку и сказал:

— Ладно, Фея… Кто из этих двоих платит?

Он кивнул на хоровод стаканов на столике, каждый из которых был на три четверти пуст.

На вопрос откликнулся престарелый:

— Позвольте мне. — В изъеденной экземой руке с мокрыми трещинами он держал двадцатку. — Не возражаете?

Джейк изобразил на лице сомнение: выпятил нижнюю губу и стал похож на вечно недовольного Шона.

Он пожал плечами и нагнулся за банкнотой, но в его движениях еще чувствовались остатки раздражения — как чувствуется запах сигаретного дыма в поцелуе.

— Так, кто что пьет?

Шон и Фея попросили «Гролш»,[10] заезжий педрила — пинту местного, а старик заказал джин. Только чтобы неразбавленный — никакого тоника: от этой отравы он просто загнется. На столе рядом с его пачкой сигарет стояла непочатая бутылка «Швеппса». Джейк кивнул и повернул в сторону толпы.

Какой-то хрен включил на музыкальном автомате «YMCA»… ну что, молодой человек, тебе совсем паршиво?[11] Джейк пробирался сквозь плотную толпу, выискивая в ней узкие лазейки.

Леди-Добрый-День вывалил на барную стойку два своих пятнистых кулака и подмигнул Джейку.

— Джейки! Как вы там, ребятки? Чего желаете?

Добрый-День всегда разговаривал в нос, жеманно растягивая слова — особенно когда был в женской одежде. Но и без нее он тоже гундосил — просто не так сильно.

Джейк помотал головой.

— Ничего. Я уже на выход.

---

[10] Примечания: 10
Голландская марка пива.

[11] Примечания: 11
«YMCA» — песня группы «Village People» об одноименной организации YMCA (Ассоциация Молодых Христиан). В песне поется о том, что, если дела у тебя идут паршиво, ты всегда можешь прийти в YMCA, там тебя накормят, умоют и вообще всячески поддержат.

Он толкнул боковую дверь и нырнул в туманный водоворот Манчестера. За столиком никто даже не заметил, что он ушел.

Джейк запросто променяет друзей на двадцать фунтов — можете не сомневаться. Он помчался по Деревне, жадно оглядываясь по сторонам, и вместе с ним по городским трущобам летела двадцатифунтовая купюра. Главное преимущество «Доброго дня» — в том, что он расположен ровно посередине между автобусной станцией Чорлтон-стрит и каналом — в самом сердце Деревни. Оттуда, где остановился Джейк, вся Деревня была как на ладони: ряд одинаковых зданий с покатыми крышами, похожих на старые фермерские домики — как будто их непонятным образом доставили на улицы большого города и бросили тут догнивать; канал, скорее напоминающий широкую сточную канаву, а на его берегах — заброшенные мельницы; козырек многоэтажной автостоянки, под который один за другим, выстраиваясь в стройные ряды, прибывают автобусы и разливают в сырую ночь кровь своих красных огней. Деревню в ту ночь насквозь промочила изморось: казалось бы, от нее могло стать попрохладнее, но вот нет — не стало. Стояла середина декабря, а дождь лил затяжной,

осенний. Джейку нужна была всего одна доза «спида» — этого хватит, чтобы отрегулировать фокус и заострить тусклые лучи автобусных фар. Он отправился на поиски: куда ни пойди, до ближайшего грамма отсюда не больше двух минут.

Приблизившись к автостоянке, он заметил, что у будки, в которой оплачивают парковку, кто-то прячется. Он подошел поближе, и, когда мимо проезжала машина, человек на секунду вынырнул из тени. В темноте мелькнуло детское лицо: мелькнуло — и через мгновенье снова исчезло, будто растворившись в воздухе. Сбавь машина ход, мальчишка вышел бы на тротуар и, пока водитель кружил по стоянке, домчался бы до места и стал бы дожидаться там, чтобы обсудить условия. Вот только неправильно он себя ведет. Так осторожно и неуверенно, что сразу и не поймешь, для чего он тут стоит. Джейк уже и раньше видел этого бродяжку, но не знал, как его зовут. Это Фея показал его Джейку — около месяца назад, — и он же тогда окрестил мальчика Шлепанцем. В самую точку. С такой внешностью глупо ждать, что кто-нибудь станет с тобой церемониться. Джейка охватывало чувство беспомощности всякий раз, когда Шлепанец попадался ему на глаза, но обычно достаточно было просто отвести

взгляд — и все. А сегодня еще слишком рано, да к тому же дождь, поэтому вокруг кроме Шлепанца — ни души. Даже в привокзальном ларьке с едой никого нет — ни внутри, ни снаружи.

Джейк перешел через дорогу — спросить у Шлепанца, не знает ли он чего.

Мальчик встретил его в дверях: худощавое лицо мерцает в полумраке, волосы коротко острижены, и от этого он кажется еще моложе — настоящий мальчик-беженец: подхватил вшей и был в панике обрит. Хотя вообще-то ему, наверное, лет шестнадцать, а то и все семнадцать. Иначе бы он сидел под присмотром какого-нибудь приюта — вряд ли у Шлепанца есть семья и дом, уж слишком часто Джейк встречает его по ночам.

— Меф[12] никто не продает, не видел?

Мальчик кивнул.

— Не знаю, как его зовут, но такой, в белом парике.

— А, да? — этого Джейк знал. — Пауло. И куда он пошел?

— Туда. — Шлепанец указал на другую сторону дороги, на паб «Рембрандт».

---

[12] Примечания: 12

Меф — одно из жаргонных названий метамфетамина, который наряду с амфетамином именуют также «спидом».

Джейк кивком поблагодарил мальчика и двинул обратно, но вдруг услышал за спиной:

— Тебе нравится Боуи?

Джейк остановился, на него снова накатило знакомое чувство беспомощности. Такой прямой вопрос, как будто крик о помощи — наверное, в тот день, когда проходили навыки общественного поведения, мальчика выставили из класса. А еще хуже то, что у Джейка и в самом деле было кое-какое мнение по поводу Боуи — к сожалению, плохое. Видно, ему на роду написано нигде не приходиться к месту: Боуи-бой, в чьей жизни нет места Боуи-артисту — такое надо еще поискать. Но что-то не хочется стоять посреди улицы и читать свой уничижительный монолог, да и мальчику вряд ли приятно будет это услышать. Он ведь не для того задал свой вопрос, чтоб быть расстрелянным в упор, просто ему хотелось стать одним из них.

Джейк быстро кивнул и повернулся к Шлепанцу спиной.

— Позже, братишка, — бросил он на ходу и двинул к дверям «Рембрандта».

Пауло нигде не было видно, даже осветленный перекисью парик не маячил над головами. «Рембрандт» был уже наполовину заполнен, вечер

близился к своей жаркой середине. Джейк убрал с глаз непослушную челку и, приподнявшись на цыпочки, еще раз огляделся по сторонам. Слева кто-то окликнул его по имени.

— Джейк, здоров! Ты что, типа нас не узнаешь?

Девушки сидели за столиком и болтали соломинками в своих бокалах с безалкогольными напитками. Джейк смутно помнил обеих, но спал только с одной.

— Пойдешь сегодня в «Девиллз»?

Ее звали Ребекка, она жила в Бери или в Престуиче и у нее была машина. То ли студентка художественного колледжа, то ли готовится на будущий год поступать в университет.

— Наверное, да, — кивнул Джейк. По крайней мере, теперь он был при деньгах. Но очень может быть, что за него заплатит Ребекка, если договориться с ней потом еще встретиться.

Подружку Ребекки звали Дебс. Обе девчонки изображали Сьюзи Сью: копна зачесанных назад черных волос и подведенные черным карандашом огромные глаза Клеопатры.

— А как у тебя с выходными? Идешь в «Пипс»?

Конечно, идет, но лучше изобразить сомнение.

— Это как Джонни решит.

Он только сейчас вспомнил, что Дебс положила

свой подведенный черным карандашом глаз на Джонни. Где-то в ноябре они страстно танцевали друг с другом в «Пипс», а ближе к закрытию Дебс снова отыскала Джонни в толпе и спросила, нет ли сегодня где-нибудь вечеринки. Вечеринок было сколько угодно, вопрос лишь в том, на чем туда добраться — тогда-то Джонни и узнал, что у Ребекки есть машина. Он сказал, что с ним будут друзья (Джейк, Шон и Фея), которых тоже нужно взять с собой. Мальчики вчетвером забились на заднее сиденье мини-авто и отправились во Фликстон, к кому-то, чьи родители уехали и оставили дом на растерзание. Некоторое время спустя Джейк повел Ребекку на второй этаж, в комнату с полиэфирными портьерами и двуспальной кроватью, и предположил, что Джонни проделает то же самое с Дебс. Однако через несколько часов Джонни ворвался в спальню и сказал, что надо валить. Он всю ночь грабил дома на другой стороне улицы и хочет исчезнуть до того, как проснутся соседи.

Дебс спросила, куда подевался Джонни — она его уже месяц не видела.

— Он еще в Берлине. Завтра приезжает.

— Пожалуйста, уговори его пойти в «Пипс»! — Дебс протянула Джейку пачку сигарет, он взял

одну.

— Ладно, попробую.

И, прежде чем уйти, бросил:

— Может, еще увидимся в «Девиллз».

Посетители «Рембрандта» по большей части были те же, что и в «Добром дне». Единственное различие заключалось в том, что в «Рембрандте» собиралось больше трансвеститов — Джейк понятия не имел, почему. Леди-Добрый-День не очень-то жаловал переодетых в женское платье мужчин, и Джейк мог объяснить это только тем, что владельцу бара, обладавшему такой внешностью, конкуренты были совершенно ни к чему. Если нарисовать шкалу красоты, то Добрый-День находился на одном ее конце, а на противоположном был Пауло…

Кто-то дернул Джейка за плечо. Оглянувшись, он увидел перед собой Пауло, и тот так ему подмигнул, что не покраснеть было невозможно.

— Джейк, привееет!

Пауло был сам себе стилист и одевался как настоящая супер-шлюха: черные бриджи в обтяжку и открытый топ, выставляющий напоказ шоколадную кожу полукровки. А над всем этим — парик возмутительно белого цвета. Пауло родился и вырос в Манчестере, но утверждал, что

он родом из Латинской Америки: имя «Пауло» вместо английского «Пол» было такой же фальшивкой, как и белый парик.

— Пауло, а я тебя как раз ищу!

— Ищешь меня? — Пауло прищелкнул языком, получился звук «ц», похожий на вывернутый наизнанку поцелуй. Он бросил взгляд в сторону Дебс и Ребекки. — А я думал, ты отбиваешься от этих двух ужастиков.

Джейк взглянул на Пауло невиннейшими глазами, как бы говоря: «Как хорошо ты меня понимаешь», и спросил:

— Разве же я виноват, что все вокруг меня хотят?

— Значит, даешь им повод. Твоя проблема в том, что ты никак не решишь, за какую команду играешь.

Джейк пожал плечами.

— И за ту, и за другую — пока есть желающие.

— Ну, солнышко, тогда позволь дать тебе совет. Если собираешься ходить тут и смотреть на всех подряд своими большими преданными глазками, готовь водостойкую тушь.

— У меня такая была. Затекает под линзы. — Джейк нагнулся, чтобы разглядеть свое отражение в окне. — Говоришь, у меня глаза как у

панды?

— Как у проститутки, на которую поссали.

. — Мать твою, Пауло, я ведь все-таки клиент, выбирай выражения!

Пауло расплылся в улыбке.

— А, так ты по делу?

Неизвестно откуда, но у Пауло всегда были самые лучшие спиды — сумасшедшие белые кристаллы сульфата амфетамина. Поговаривали, будто их производят где-то здесь, Джейк не знал наверняка, да и не очень это его волновало — было бы чем заплатить. Пауло фирменной виляющей походкой двинул к телефонному автомату, и Джейк пошел за ним следом, крутя бедрами ничуть не хуже. Пауло снял трубку, Джейк высыпал на автомат немного мелочи, а под нее успел положить двадцатку, которую увел у престарелого друга Феи. Пауло повернулся, еще раз изобразил свое поцелуйное «ц» и сделал вид, будто стряхивает ниточку с плеча Джейка. Того, что он сделал на самом деле, никто не заметил: из его руки выскользнул маленький пакетик и тут же исчез в нагрудном кармане костюма Джейка. Еще мгновенье — и Пауло забрал купюру, положив рядом с монетами десятку сдачи. Только проделав все это, он повесил трубку.

Джейк засмеялся.

— Не отвечают?

— Прекрати ржать. Не хватало мне еще и отсюда вылететь.

— А что, из «Доброго дня» тебя правда выперли?

— Я сам себя выпер, ясно? Не выношу эту жирную корову. Стоит мне только войти, как у нее уже слюни текут по всему прилавку.

Джейк раздумывал, угостить ему Пауло в баре или не угощать. Может, хотя бы предложить? Интересно, надолго хватит оставшейся десятки?

Пауло спас положение — первым спросил про выпивку.

— А то будет уж слишком очевидно, что ты тут только из-за медикаментов.

Джейк решил взять «Бакарди» с колой.

Пауло поддержал.

— Мне то же самое. Спасибо, солнышко.

Джейк еще раз взглянул на банкноту. Пожал плечами и повернул к бару. И в этот момент раздался вой сирен.

Когда Джейк присоединился к толпе зевак на улице, вся стена «Доброго дня» была залита синим светом мигалок. У входа стоял кордон из полицейских и никого не выпускал на улицу (кроме

тех, кто уже успел смыться). Джейк знал, что и Шон, и Фея — несовершеннолетние. Оставалось надеяться, что им удалось выбраться раньше. В этой давке ничего нельзя было разглядеть, Джейк стал ужом пробираться к передним рядам. И только вырвавшись наконец из толчеи, понял, что с облавой пришли вовсе не в «Добрый день». Из-за угла выбежали рысцой двое полицейских, они несли в руках стенобитный таран и двигались в сторону магазина «Молния».

У стоящего в сторонке фургона «форд-транзит» вдруг распахнулись задние двери. Это был отряд спецназа при полном параде: шлемы, щиты, дубинки. Полицейские с топотом выпрыгивали на мостовую и тут же припускали по улице, на бегу смыкая ряды. Хореография на высшем уровне — наверняка они разучивали ее у себя в академии. Когда до «Молнии» оставалось шагов двадцать, со стороны Канал-стрит тесным строем примчался еще один грохочущий отряд. Эти, как и люди из фургона, тоже были одеты в пугающего вида черные доспехи и демонстрировали готовность в любой момент зажать в железные тиски весь первый этаж магазина. Вот только сопротивления им вроде никто особенно не оказывал. Полицейские выстроились по обеим сторонам

от двери, и по живому коридору побежали те двое с тараном. По-прежнему никакого сопротивления. Древесина треснула и поддалась — от первого удара со скрежетом надломилась, а от второго разлетелась в щепки. Когда дверь упала, парочку с тараном отбросило назад, и к дверям устремился третий отряд, на этот раз в обычной форме. Полицейские нырнули в дверной проем и скрылись внутри магазина.

Посетители «Доброго дня», «Рембрандта» и всех прочих, более мелких баров высыпали на улицу. Сбившись в кучки, они стояли под дождем и наблюдали за происходящим. Вспори Деревне брюхо — и получишь поперечный срез всего, что здесь водится: тут тебе и мальчики-Боуи, и клоны,[13] и трансвеститы, и похожие на гетеросексуалов гомосексуалы, и престарелые пидоры, и еще для полноты картины немного транссексуалок, а также просто лесбиянки — но этих уж совсем мало. Все они вывалили на улицу и наблюдали за тем, как плохо заканчивается этот мрачный вечерок. Подобные спектакли тут не новость — их показывают чуть ли не каждую

[13] Примечания: 13

Клонами в Великобритании называют голубых с «мужественной» внешностью, которые все как один одеваются в джинсы и белые обтягивающие майки и носят усы.

неделю с тех пор, как начальник полиции объявил себя Божьим Полицейским и приготовился к настоящей Священной войне.

Джейк почувствовал у себя за спиной чье-то тяжелое дыхание. Это не мог быть Пауло — тот испарился, как только завизжали сирены, и вряд ли появится, пока все не стихнет. Джейк обернулся и вгляделся в толпу: позади него стоял Шлепанец. Он часто и с трудом вдыхал воздух, но не потому, что был взволнован. Больше это было похоже на то, как если бы в городе жгли праздничный костер, а Шлепанец оказался одной из тех собак, которых забыли запереть до начала торжеств. Полицейские огни белыми и синими полосами ложились на его лицо как солнечный свет сквозь летний зонтик.

— Вот тебе фанат Боуи, — сказал Джейк Шлепанцу и показал на другую сторону дороги, где в толпе подпрыгивал, силясь что-нибудь разглядеть, Фея. Его дурацкие волосы мелькали тут и там над головами — такие ни с чем не перепутаешь. А вот Шона что-то не было видно.

— Чего? — не понял Шлепанец.

Ладно, проехали. Джейк мотнул головой и снова повернулся в сторону «Молнии» — из магазина уже начали выходить полицейские. Они

по-прежнему передвигались одной колонной и несли в руках картонные коробки. В коробках — журналы, календари с фотографиями девушек. И даже поздравительные открытки.

Все, дальше будет одна тягомотина, как обычно. Джейк никак не мог понять, зачем вообще они вовлекают в это дело спецназ. Они что, правда, думают, что в один прекрасный вечер Деревня вдруг разразится бунтом? Что все к чертовой бабушке загорится, как тем летом в Мосс-Сайде?[14] Возможно, один человек и в самом деле считал, что будет пожар, но только не восстание станет его причиной. Этим человеком был начальник полиции Джеймс Андертон, представитель Бога в Большом Манчестере. А может, и еще кое-кто так считал: инспектор Джон Паскаль. Самого Андертона что-то не видно, да и смешно надеяться увидеть его раньше, чем на пресс-конференции, которая состоится завтра утром и на которой можно будет попозировать перед фотокамерами. А вот инспектор Паскаль тут как тут. Теперь, когда ему точно ничего не грозило, он выбрался из машины и принялся руководить погрузкой коробок в «транзит».

---

[14] Примечания: 14

Мосс-Сайд — один из самых преступных районов Большого Манчестера.

Джейк наблюдал за работой инспектора Паскаля. Казалось бы, он не делал ничего такого, что требовало бы военного реквизита, но одет был почти по-военному и в руках держал полицейскую дубинку. Он вообще выглядел совсем иначе, чем его начальник Андертон, который помешался на внешности Древнего Пророка и носил густую бороду и зачесанные назад волосы. Паскаль предпочитал оставаться чисто выбритым и аккуратным, но все равно из них двоих именно он был похож на Чарлтона Хестона.[15]

Ну, хватит, пожалуй. Джейк выбрался из толпы и направился в сторону Пикадилли-Гарденз. Он проходил мимо автобусной станции, когда у него за спиной зашлепали по мокрому асфальту подошвы теннисных туфель. Джейк оглянулся. Опять Шлепанец — робко бежит за ним следом. Увидев, что Джейк повернулся и смотрит на него, Шлепанец остановился. А Джейк подумал о своем лице — может, он с виду такой же мрачный тип, как Паскаль. Он изменил выражение и только после этого махнул Шлепанцу.

— Сигареты есть?

Шлепанец нервно кивнул и принялся рыться в

---

[15] Примечания: 15
Чарлтон Хестон — голливудский актер (р. 1924 г.).

карманах своей теплой куртки. Нащупав что-то в левом боковом кармане, он расстегнул молнию и вытащил смятую пачку «B amp;H». Глядя на то, как он подбежал и протянул ее Джейку, можно было разрыдаться.

Джейк взял сигарету.

— Пошли куда-нибудь, хватит мокнуть. Деньги есть?

Шлепанец снова кивнул. Джейк дернул головой: *Отлично, тогда иди за мной.*

Они повернули за угол: там начиналась узкая улица с высокими домами и было хоть какое-то спасенье от дождя. Оказавшись на Сильвер-стрит, Джейк нырнул под козырек черного хода одного из домов и подождал, пока Шлепанец достанет спички. Малыш навострился курить в непогоду. Когда спичка загорелась, он повернул коробок вертикально и, оставив его приоткрытым, спрятал в углублении пламя. Джейк склонился над огнем и глубоко затянулся, пока сигарета не зашипела и как следует не раскурилась. Затянувшись, Джейк спросил мальчика, как его зовут.

— Кевин Доннелли.

— Джейк Пауэл. Пошли.

Он быстро тронулся с места. Кевин старался не отставать: бежал, по-боксерски прижимая

локти к груди, и прикрывал горящий кончик сигареты ладонями. Им оставалось каких-то десять ярдов до Портленд-стрит — нужно было только обогнуть огромное здание отеля «Британия» — когда Джейк наконец заметил белый «кавалье». Машина медленно катила вдоль тротуара, разбрызгивая придорожную грязь. Это был полицейский автомобиль — хоть и без опознавательных знаков, но все равно ясно за версту.

Джейк мог бы перейти на другую сторону улицы и сделать вид, что не заметил никакой машины, но задняя дверь «кавалье» была распахнута.

С переднего сиденья раздался голос:

— Залезай.

— Чего? — Джейк изобразил возмущение. — Зачем?

Из-за двери выглянула голова констебля сыскной полиции Грина.

— Что значит «зачем»? Затем, что вы, дорогие педики, — хреновы подозреваемые, вот зачем. — Грин вздохнул и повернулся к водителю. — Ты когда-нибудь видел такое? У людей так плохо с головой, что даже из-под дождя уходить не хотят.

Шлепанец медленно пятился от машины. Еще немного, и он бы врезался в стену отеля. Джейк

огляделся по сторонам, выпуская из легких воздух. Интересно, сколько времени потребуется констеблю Грину, чтобы найти у него грамм «кислоты»? Может, надо выбежать на дорогу и двинуть между автомобилями по Портленд-стрит до заповедника, а оттуда — прямо в Пикадилли-Гарденз? Но костюм от дождя намок и стал тяжеленным, к тому же в округе полно полицейских — далеко ли он уйдет…

Джейк полез на заднее сиденье «кавалье», а констебль Грин, перекрикивая дождь, позвал Доннелли:

— И ты тоже, сынок. Не стесняйся.

Глава третья

Инспектор полиции Грин был впечатлен — так он сказал. Он курил сигарету и ходил по квартире с таким важным видом, будто у него был ордер на обыск. И говорил не останавливаясь.

— Мдаа… такое — да при лондонских ценах! Видно, ты там у себя в казино неплохо устроился. Супер-пупер крупье, даже в начальники угодил. Слушай, может, скажешь, во сколько тебе обошлась эта хата?

Джейк стоял на кухне у раковины, ждал, пока закипит чайник, и, подставив пальцы под струю воды, смывал с них кровь. Он не слушал, что говорит Грин, и смотрел прямо перед собой. Вид из кухонного окна был его любимый: сплошь причудливые крыши таких же дорогих многоквартирных домов. Дело шло к четырем утра, и между мостовой и ночным небом все замерло, только черные такси срезали путь с Эджвер-роуд до Бейкер-стрит.

Человек, на которого Джейк старался не обращать внимания, инспектор сыскной полиции Дэйви Грин, был от него ярдах в пяти. Ходил,

говорил, курил хозяйский «Ротманс»… принюхивался. Тяжело переваливался из комнаты в комнату, а потом тихонько подкрадывался и в который раз загораживал собою кухонную дверь. В эту секунду Джейк и в самом деле не видел Грина, но от звука его голоса полностью отключиться не получалось.

— Смотри-ка! У тебя тут сообщение на автоответчике.

— Потом послушаю.

— Да я вот просто подумал… типа, наверное, твоя общественная жизнь бьет ключом, раз тебе нужны подобные устройства. Мне бы не хотелось, чтобы ты из-за меня пропустил что-то важное. Чтобы твоя жизнь пошла наперекосяк.

— Ничего, подождет.

Джейк отошел от раковины и промокнул рану чистым кухонным полотенцем. Он умудрился содрать кожу с указательного пальца, когда бил Костюма. Даже и не заметил, как это получилось. Прямо загадка — парень вроде не особенно-то и отбивался. Просто катался по земле и терпеливо сносил побои. Задумчиво разглядывая подсыхающую рану, Джейк подумал, что, наверное, ободрал руку об зуб Костюма.

А Дэйви Грин все никак не мог успокоиться

из-за автоответчика.

— Ну мне что, самому его включить, что ли?

— Да нет, спасибо, я лучше потом.

Он уже и без Грина заметил мигающую лампочку. И догадывался, что там: послание от партнера, который звонил сказать, что с Миланом все прошло гладко, никаких сумасшедших угонщиков на борту самолета, никаких приспособлений в багажном отделении, все чики-пуки, просто блеск. Если бы вдруг какой прокол, ему сообщили бы на пейджер прямо в казино… Он ведь там из ночи в ночь, всю неделю. Сообщение могло подождать, потому что Джейк не собирался давать Грину, который ходил по его жилищу с наглым видом колонизатора, ни малейшего преимущества. Совсем необязательно раскрывать перед ним карты. Дай ему хоть малюсенькую лазейку, и он с гиканьем ворвется внутрь, готовый спустить на Джейка свору гончих псов.

Грину было совершенно насрать на парня, которого Джейк едва не убил — не важно, может ли он сам передвигаться или готов к путешествию в карете «скорой помощи». У Грина был свой подход к работе: пускай пострадавший хоть изойдет кровью, но если он не в силах помочь в распутывании дела, то и интерес к нему у полицейского

небольшой. Уводя Джейка с места преступления, Грин сыпал шутками и рассуждал о том, есть ли связь между убийцами-извращенцами и просто извращенцами. И сделал Джейку предложение: пойти обсудить случившееся с местными копами и выслушать их профессиональное мнение на этот счет или найти какое-нибудь тихое местечко и поговорить там вдвоем. Джейк стоял перед выбором: полицейский участок в пяти минутах ходьбы или одно из ночных кафе на Эджвер-роуд. Куда пойти?

— Может, к тебе домой? — оборвал его размышления Грин.

С тех пор, как они вошли в квартиру, монолог Грина не прерывался больше, чем на пять — десять секунд. Но Джейк и этого не взялся бы утверждать — скорее всего, паузы были и того короче. Он только и слышал, как хлюпают по деревянному полу резиновые подошвы ботинок «Доктор Мартинс» — Грин изучал полки с книгами, видеокассетами и коллекцией CD. Пара шагов — и снова этот голос.

— Ты, я смотрю, типа почитать любишь?

— Кое-что.

Грин наконец снял свою дурацкую куртку с капюшоном. Костюм под курткой оказался не

намного лучше, но по крайней мере он не так сильно мозолил глаза, а, скорее, был похож на короткий удар под дых. Грин рылся на полках, перебирая корешки книг своими желтыми от никотина пальцами:

— «Оксфордский справочник по литературе эпохи Возрождения», «Малкольм Икс. Автобиография», «Китайские гороскопы» Доктора Ника Ленда, «Кристофер Марло» Доктора Фауста…

Когда Джейк входил в комнату с чайным подносом, Грин, зажав сигарету в зубах, дотянулся свободной рукой до верхней полки и достал тонкую книгу в багровой обложке.

— Кант, «Критика разума». Наверное, суперржач. Мать твою, ты видел, что тут? Чуть ли не каждое слово подчеркнуто!

Грин с хрустом раскрыл книгу и ткнул пальцем в заметки на полях.

— Тут кто-то написал «кайфово». Это типа такой философский термин или чего?

Джейк помотал головой, это была не его книга. Он поставил поднос на стол. Как в лучших домах: чайник, две фарфоровые чашки с подсолнухами Ван Гога, сахарница и только одна ложка. Молочник он оставил на кухне, принес молоко прямо в картонном пакете. Ни к чему давать Грину

лишний повод для шуток. А то его еще замкнет от умственного напряжения, когда будет выбирать, над чем поржать в первую очередь, а Джейк на это смотри. И чай у него, как назло, «Эрл Грей». Джейк хотел позаваривать его подольше, но «Эрл Грей» никогда особенно не темнеет. А Грин наверняка пьет крепкий и с молоком. Достаточно на него один раз взглянуть, чтобы это понять.

— У тебя тут типа жил кто-то ученый?

— Лет десять назад. Она теперь работает в звукозаписывающей компании.

— Она? — Грин так сильно удивился, что можно было подумать, он пробуется на роль в пантомиму про полицейских, и режиссер нарочно попросил его выдержать паузу, а потом разыграть невероятное потрясение. — У тебя жила телка?

Тот, кто видел ее впервые, пожалуй, мог применить к ней это слово. Но она быстро выводила из заблуждения. Сейчас она за границей, пытается убедить какого-то итальянского композитора, сочиняющего музыку нью-эйдж, что его альбом электронного эмбиента уже готов. Перед ее отлетом Джейк спросил: «Как ты определила, готов он или нет?» Музыка тянулась один час пятнадцать минут и представляла собой минорные аккорды на фоне синтезированного шума, напоминающе-

го звук, который издает цепочка от затычки для ванной, попав в тонкую струйку теплой воды из плохо закрытого крана. Можно было бы рассказать все это Дэйви Грину… но только не его это собачье дело.

— Наш мальчик Джейки! Уже совсем большой, да еще и натурал! Кто бы мог подумать? Ты, наверное, и анализ на СПИД сдал?

— А пошли бы вы…

— Нет, правда. Когда за спиной другая жизнь, о подобных вещах стоит задуматься. — Грин замолчал, оставив рот открытым — не то от удивления, не то потому, что ждал от Джейка ответа. С таким выражением лица он был похож на недопеченный американский пончик с дырочкой посередине, но вряд ли Грин желал добиться именно такого эффекта. — Я в том смысле, что эта мысль наверняка постоянно тебя терзает. А? Ты ведь небось каждый раз, когда разряжаешь свою обойму, беспокоишься: а не болтается ли там среди сперматозоидов что-нибудь еще?

Джейк решил сменить тему:

— А вы вот что-то дерьмово выглядите.

И выглядите дерьмово, и говорите, и ведете себя. Да вы уже почти само дерьмо и есть.

Грин не сбился с курса и продолжал рассуждать

на главную тему.

— Слушай, Джейк, дружище, я вот все думал: когда ты видишь перед собой ткань с красивым узором — ну, там, платье или типа подкладку на куртке… ты не начинаешь сомневаться в том, настоящий ли ты мужчина?

— Нет.

— Но теперь, когда я об этом спросил, наверное, будешь сомневаться, да?

— Да, — ответил Джейк. — А еще буду гадать, почему эта мысль вам первому пришла в голову.

Это у Грина что, пунктик? Оскорбленным он вроде не выглядит. Затолкнув философскую книгу обратно на полку, он потушил свою последнюю сигарету и теперь оглядывался по сторонам в поисках парковочного места. Джейк сидел на диване и как заботливая мама наливал в чашки с подсолнухами на один палец молока.

Дэйви Грин скрючился в кресле напротив со словами:

— Что до меня, то я люблю спинки повыше. Доживи до моих лет и тоже будешь все время искать, куда бы прислонить поясницу — так-то вот. Я ведь вдобавок ко всему еще и уделал себе на хрен спину… когда это… лет пять назад — вытаскивал одного придурка из канала.

— А с виду и не скажешь, что вы такой герой.

— Чего? — Грин на две секунды замолчал, и Джейк успел за это время сообразить, что неверно истолковал его слова. — А! Да нет, он уже тогда два дня как помер. И вот я пытался его приволочь багром к берегу. Ну и, видно, потянул спину, мышцу там какую-то сдвинул с места, а обратно она так и не встала.

Он немного постонал, положив руку на поясницу, — показал, где именно у него болит. А потом снова посмотрел на чашки.

— Э, да у тебя художественный вкус! По каталогу заказывал? Мне лучше три ложки, сынок. Чтобы кровь кипела. У нас, знаешь, долгая ночь впереди.

Но у Джейка Пауэла, когда-то мальчика, а теперь — взрослого мужчины, была одна особенность: он никогда ничего не говорил, находясь под стражей. Ну или почти ничего — только простые ответы на прямые вопросы. Его никто этому не учил. В роду у него не было никаких связей с преступным миром — разве что только дядя, который мечтал стать адвокатом и навещать заключенных. Джейка всегда выручала самонадеянность и какая-то внутренняя самодостаточность. Он посмотрел на часы: пятнадцать

минут пятого. Эдак они и в самом деле просидят до утра.

— Может, лучше бы я у тебя кофе попросил, а?

— Как хотите… Эспрессо?

— Неет, только не это дерьмо! Я пью некрепкий кофе. Намешай мне бледновато-серой бурды — и я плачу от радости! А вот чай я люблю чтоб был потемнее.

Грин уставился на прозрачно-белую похлебку в чашке и подумал, что, пожалуй, не надо было затевать весь этот гон про сперму. Он закрыл глаза, залпом осушил чашку и быстро вернул ее на место.

— Там у тебя на дне жидкость для мытья посуды оставалась, — сказал он.

— Это чай с отдушкой. Не может быть, чтобы вы никогда не пили «Эрл Грей».

Ну как же, он пил!

— Конечно, пил. Как-то я допрашивал стриптизершу, подозреваемую в нарушении профессионального кодекса поведения. И вот мы сидели вдвоем у нее в гримерной и потягивали «Эрл Грей» — она считала, это придает ей шику.

— Знаете, что я думаю? — перебил его Джейк. — Что вы до сих пор смотрите повторы сериала про Коломбо. И до сих пор считаете, что достаточно

притвориться недоумком, чтобы выудить у человека признание.

— Думаешь, я притворяюсь? Да я и в самом деле такой… Спроси у моей жены!

Дэйви Грин хорошо помнил ту ночь, когда впервые увидел Джейка. Он подобрал их с малышом Кевином Доннелли на Портленд-стрит. Знатная была ночка, инспектор Паскаль и отряд полиции нравов устроили тогда в Деревне одно из самых грандиозных своих выступлений. Конечно, они переборщили — послали спецназовцев брать, смешно сказать, сувенирную лавку. Но Дэйви нравилось думать, будто во всем, что он делает, есть хитрость и тонкий расчет. Может быть, сразу их и не разглядишь. Просто он так работает, это как бы его стиль. Возможно, зря он той ночью упомянул в разговоре с Джейком лейтенанта Коломбо: стоит раскрыть хотя бы часть своей секретной тактики, и все — в тебе больше нет никакой загадки.

Констебль Дэйви Грин сидел за рабочим столом и вертел в руках аккуратно сложенную бумажку.

— Чё это за хрень? Типа «Сладкий обманщик»? Как же, знаю, сам сижу на сахарине.

Вот это он здорово отколол! И даже не соврал. В то время Грин был еще женат, и жена перевела

его на сахариновый заменитель.

Он записал основные данные: имя, возраст и прочее и без труда обнаружил пакетик «скорости», лежавший в верхнем кармане костюма Джейка Пауэла. Но ему все никак не удавалось забраться в душу к этому парню, в его странный, какой-то причудливой формы внутренний мир.

Пока он добился немногого — да в общем совсем ничего, если не считать кучи обрывков, никак между собой не связанных.

Минут через сорок пять после начала разговора он спросил:

— Тебе нравится Питер Фальк? Да, который Коломбо. Вот он такой мужик, которого можно недооценить — просто из-за того, что у него вид неказистый. Но штука в том, что, когда он берет след, от него уже хрен спрячешься! Думаешь, у него и собака тоже есть? Ищейка или что-то типа того — чтоб было окончательно понятно, какой он мужик? У меня такое ощущение, что да, есть собака, но, может, я и ошибаюсь. В любом случае, чего у Коломбо не отнимешь, так это упорства. В этом его главная сила. Конечно, он еще и суперумный, но это уже такая, вроде как второстепенная вещь. Упорство — вот его козырь, его самое большое преимущество. И в этом он очень похож на

меня. Это — основа моего стиля, я охренительно упорный мужик. Если тебе захочется забраться в мою шкуру и понять, какой я есть человек, помни, главное во мне — упорство. Что же до второго моего качества, то нет, я не такой суперумный. Я беру другим — своим жопством. И подозреваю, что теперь, когда ты живешь в Манчестере и ведешь себя как последний засранец, прогуливаясь со всеми этими своими дружбанами-недомерками — тебе не больно-то хочется, чтобы за каждым твоим шагом неотступно следила самая большая жопа в Манчестере.

К этому моменту Дэйви уже совсем улегся на стол: от его головы до головы Джейка оставалось места только еще на одну голову. И говорил он охренительно громко — вроде как и не орал, но вообще-то, считай, орал. Не потому, что хотел показать, как он зол или взволнован. Просто чтобы дать понять, какое неслабое количество шума он способен произвести.

Потому что во время их первой встречи Дэйви уяснил, что юный Джейк Пауэл, конечно, маленький самодовольный ублюдок, но голова у него варит что надо. В полицейском участке на Бутл-стрит, в кабинете, стены которого были выкрашены в красновато-коричневый и кремовый

цвет, Джейк довольно быстро проявил благоразумие: оценил производимый Грином шум и покорно принял предложенные условия. Стать стукачом — еще не самое плохое. Этот парень мог придумать и что-нибудь похуже — дайте только время, еще несколько часов в душной комнатенке с ее дерьмовым сочетанием цветов и с гвалтом, по числу децибелов почти не отстающим от уровня «Конкорда». К тому же между ними на столе лежал на бумажке грамм амфетамина, и это тоже помогло Джейку проявить благоразумие.

Жаль, что на этот раз никакого амфетамина поблизости не было. Потому что, честно говоря, Грин никак не мог подцепить Джейка. Пробиться в его жизнь труда не составило, но дальше — все, глухая стена. Он зажег еще один «Ротманс» и, выпустив облачко дыма, по-коломбовски прищурился. Вы только взгляните на эту квартирку: полы из твердой древесины, дизайнерские штучки, даже чашки, мать их, с живописью! Возможно, это все его извращенная пролетарская душа, но Грин нутром чуял, что тут ведутся какие-то темные торговые делишки. Зацепиться пока не за что и парня разговорить никак не удается. А может, все это ерунда и воровские деньки Джейка давно миновали?

Прошло еще четыре минуты: Грин выпил вторую чашку чая и управился с очередной сигаретой, а потом еще с половиной. Насколько было известно Джейку, в этой комнате раньше никогда не было так накурено, но Грин явно кайфовал от спертого воздуха.

Наконец он спросил:

— За новостями из дома следишь?

— Из Манчестера? — Джейк пожал плечами. Что там может его интересовать? Счет футбольных матчей? То, как «Манчестер Сити» сменил целый отряд тренеров и теперь болтается где-то на самых последних местах. Как совершенно неожиданно взорвалось несколько бомб — например, в магазине «Маркс энд Спенсер», на который положила глаз ИРА.[16] Через несколько недель после того, как это случилось, Джейку позвонила его манчестерская тетушка: она возмущенно вопрошала, почему эти твари не взорвали

---

[16] Примечания: 16

Ирландская республиканская армия. 15 июня 1996 года ИРА совершила террористическое нападение на Манчестер. Борцы за независимость Ирландии взорвали бомбу мощностью, эквивалентной полутора тоннам тротила, в самом центре города — между торговым центром «Арндейл» и крупнейшим в стране магазином «Маркс энд Спенсер». К счастью, погибших от взрыва не было, так как за час до случившегося власти города были предупреждены о готовящемся теракте, и большинство людей удалось эвакуировать. Но Манчестер пострадал очень сильно — почти все центральные здания пришлось сносить и перестраивать заново.

вместо «Маркс энд Спенсер» универмаг «Дебенхэмс» — ведь туда никто не ходит!

— Знаешь, почему я спрашиваю? — не умолкал Грин. — Обо мне в газетах много пишут. Как завалил я тогда эту их педофильскую шайку, так от прессы отбою нет.

Пауза.

— Не читал про меня?

Джейк отрицательно покачал головой.

— Ну, да… Конечно, я не красавец, но типа все равно считаюсь «лицом предотвращения преступности в Манчестере». Без меня все могло быть намного хуже. Так ты точно не читал?

— Я бы запомнил.

— Это точно! Я тебя сегодня как только увидел, сразу понял, что ты меня узнал. Твой дорогой Весельчак, твой босс. Должен признаться, у меня никогда не было такого хренового стукача, как ты!

— Зачем вы приехали? Надеетесь, что я расскажу что-нибудь о шайке педофилов?

— Дай мне объяснить. У тебя всегда была эта проблема — хочешь все делать через жопу… Твоя девушка, кстати, не возражает? — Грин примирительно поднял вверх руки. — Ну извини, пошутил. Так вот, что я хотел сказать: мы обна-

ружили все эти исправительные дома в Чешире, Уоррингтоне, в Ливерпуле — тоже, но на Ливерпуль мои полномочия не распространяются. Ну и вот, всеми домами управляют гомосеки, которые уже лет семнадцать насилуют несовершеннолетних мальчиков, устраивают вечеринки по обмену — директор одного учреждения привозит своих подопечных директору другого, в общем, занимаются разной непотребной дрянью. И я, представь себе, положил этому конец.

— Ага, спустя семнадцать лет.

— У меня было слишком мало информации. Ты ведь мне ничего об этом не рассказывал. Мой суперосведомитель, мальчик-проныра, мать твою.

— Но полиция была в курсе.

— Да, ты знаешь, удивительная вещь. Я сейчас после всех этих расследований заново переписываю дела и начинаю приходить именно к такому выводу.

— Так вот почему вы здесь? В полиции все так прогнило, что приходится шантажировать бывших доносчиков, чтобы добиться помощи от них? Если это так, то можете даже не париться, я вам ничего не скажу. Я уехал из Манчестера пятнадцать лет назад.

— Ну, ну, что-то ты разволновался.

Джейк посмотрел на Грина.

— Или, может быть, вы здесь для того, чтобы засадить меня и сберечь честное имя полиции Большого Манчестера?

— Молодец, прямо в яблочко. Но только это не основная цель моего визита, а так, типа заодно. Объявился один из твоих друзей — нашли на Сэддлуорт-мур,[17] забитого до смерти. Сказать по правде, поразительно, что мы вообще его нашли, не такое это место, где легко отыскать труп. Ну, короче, скажи-ка мне, когда ты в последний раз видел малыша Кевина Доннелли?

— Доннелли мертв?

— Если не мертв, то, значит, придется ему до конца жизни ходить с собственным хреном во рту. — Грин на мгновенье замолчал. — Я забыл тебе сказать, что труп был довольно сильно изувечен. Не самое приятное зрелище.

---

[17] Примечания: 17

Сэддлуорт-мур — моховое болото недалеко от Манчестера, известное тем, что именно там хоронили своих жертв Иан Брейди и Майра Хиндли, знаменитые в 60-х годы «болотные убийцы».

Глава четвертая

Джейк вышел из полицейского участка на Бутл-стрит уже за полночь. Это было здание старой викторианской тюрьмы, укрывшееся на задних дворах центрального Манчестера. Пожалуй, можно было найти какую-то логику в том, чтобы запрятать участок так далеко от людских глаз, на узкой и густо застроенной улочке: что бы там ни происходило между полицией и преступным миром, добропорядочные граждане этого видеть не должны. Что же до констебля Грина, то он с головой ушел в расследование подобного рода подпольных сделок и полагал, что Джейка следует привести именно сюда.

На улице ночь утопала в янтарном свете фонарей, насквозь пропитанная сырым туманом — как будто бы дождь завис в воздухе и никак не упадет на землю. Джейку казалось, что ночь рядом с ним тянется еле-еле, в то время как сам он движется с удвоенной скоростью… Он как

Билли Уизз[18] — на бегу уворачивается от капель дождя и чувствует только те из них, что плавятся на его разгоряченной щеке. Ха-ха, ну да, именно как Билли Уизз. Высший класс — занюхать «скорость» с туалетного бачка прямо в полицейском участке. Когда констебль Грин вернул ему пакетик амфетамина, Джейк сразу двинул в сторону туалета. Он ведь только что вступил в ряды неофициальных сотрудников полиции, так почему бы ему не позволить себе некоторую неофициальность в их компании?

Джейк бежал в направлении площади Альберта и все время смотрел вверх, на осколок неба, нависший над головой. Интересно было бы увидеть звезды разогнавшимися глазами. Когда кто-то его окликнул, Джейк запутался в ногах и едва не упал.

— Доннелли?

Шлепанец стоял под козырьком служебного входа какого-то заведения — не то банка, не то магазина — всего в шаге от проливного дождя и выглядывал из темноты дверной ниши как

---

[18] Примечания: 18

Билли Уизз — вымышленный персонаж, герой английских комиксов 60-х годов, мальчик, который умел невероятно быстро бегать. В честь этого его таланта Билли Уиззом иногда называют амфетамин («спид» или «скорость»).

мультяшная белка из дупла.

— Ты давно тут?

Доннелли пожал плечами:

— Около часа…

А то и больше.

Мальчик дрожал.

— Меня отпустили, — выдохнул он.

Джейк и не сомневался. За что задерживать Шлепанца? Он всего лишь шел по улице, когда констебль Грин его подобрал. Арест мальчиков-проституток вообще всегда был проблемой. Начальник полиции неоднократно официально заявлял о том, что в Манчестере голубых нет. Даже если бы они застукали Доннелли в тот момент, когда его задницу обрабатывал на капоте тачки какой-нибудь механик, им бы оставалось надеяться только на то, что в руках у Доннелли обнаружится гаечный ключ — тогда его можно будет взять за ношение оружия.

Доннелли протягивал Джейку пачку сигарет. Джейк вытащил одну и наклонился прикурить от спички Доннелли. Они забились вдвоем под дверной навес, и лицо парня оказалось всего в нескольких дюймах от Джейка. Щеки у него были такими худыми и острыми, что напоминали бока сушеных уток, которых Джейк видел в витринах

китайского квартала.

— Ты в порядке? — спросил Джейк.

Глупый вопрос, ему светит воспаление легких. А он небось думает, что и пускай — невелика цена за то, чтоб быть рядом с новым другом. Вот только беда в том, что Джейка любое проявление привязанности вгоняет в ступор. И теперь, когда он стоял так близко, что почти ощущал шипение сигареты в тонких улыбающихся губах мальчишки, Джейк увидел, как лицо Доннелли вдруг дрогнуло и выражение радостной надежды в глазах переключилось на ужас и смирение, поровну того и другого. Джейк даже не сразу понял, что это произошло по его вине. Ну конечно, он ведь с такой ухмылкой на него смотрел — презрительной, если не хуже. Немудрено, что Доннелли от него отпрянул — а что ему еще оставалось?

Джейк попытался исправить выражение лица и изобразить улыбку. Хорошо бы улыбка получилась теплой, а не кривой. Он попробовал извиниться.

— Прости. Я уже совсем никакой.

— Да ничего.

— Ну ладно. — Джейк не мог теперь просто так взять и оставить парня одного. — Пошли отсюда, выпьем где-нибудь.

Паб «У Бернарда» находился через несколько улиц отсюда, на южной стороне Кинг-стрит. Это был погребок, устроенный в дурном вкусе: бревенчатая изба с элементами модной дискотеки. Джейк повел Доннелли вниз по лестнице мимо вмонтированных в стену светящихся аквариумов к тускло освещенному бару. «У Бернарда» был одним из немногих гей-баров за пределами Деревни: он в одиночку отстаивал свои права на чужой территории и собирал посетителей несколько иного ранжира. Публика тут была побогаче — работающие мужчины от тридцати до пятидесяти. Это положительный момент. А отрицательный — то, что почти все они были клонами. Если бы вы зашли сюда просто так, с улицы, то наверняка подумали бы, что попали на костюмированную вечеринку, на которую все должны явиться с дурацкими усами. Тут даже в четверг вечером уже было не протолкнуться, а в выходные так и вовсе не войти.

Деревянная стойка бара начиналась сразу у двери. Джейк навалился на нее и послал телепатический сигнал бармену в затылок. Тот сразу же оглянулся.

— Два «Пилса». — Джейк посмотрел на Доннелли. — Нормально?

— Угу. Отлично.

Интересно, этот парень специально репетировал наклон перед открытым холодильником? Понимает, что одно и то же движение придется проделывать по тысяче раз за ночь — и пытается довести его до совершенства. Прогиб, наклон — и раз, и два, подъем, поворот — и раз, и два. Бармен вынырнул на поверхность с двумя бутылками и улыбнулся:

— Достал из глубины, вроде должны быть попрохладнее.

Джейк молча кивнул и положил на стойку пару фунтов. После всего, что с ним приключилось, температура его не очень волновала. Впрочем, пиво было отличное. А в сочетании с «кислотой» — так просто божья благодать. Джейк засунул руку во внутренний карман пиджака, вытащил начатую пачку «Ротманс» и, откинув крышку, протянул сигареты Доннелли.

— Бери. Огня нет, извини.

Только когда Кевин начал прикуривать, Джейк сообразил, что раньше сигарет у него не было. И Доннелли тоже об этом знал — мог прокрутить этот вечер в памяти и вспомнить. Иначе с чего бы это Джейку стрелять у него сигаретку несколько часов назад на Чорлтон-стрит? Доннелли, похо-

же, не догадывался, что табак — полицейский трофей, но Джейка все равно охватило чувство вины. Чувство вины с продолжением, потому что отныне оно будет накрывать его ежедневно и нужно к этому привыкать — теперь, когда он стал полицейским осведомителем. Джейк закрыл пачку, откашлялся и попытался рассуждать логически: Доннелли наверняка решит, что сигареты были у Джейка все это время, а то, что он попросил у него курева — так это чисто рефлекторно. Рефлекс Мальчика из Борстала:[19] новенькие платят табаком. Правда, Джейк никогда не бывал в Борстале, но читал о нем книгу. В своей непромокаемой куртке с теплой подкладкой Доннелли выглядел точь-в-точь как если бы только месяц назад оттуда вышел.

— Там тебе твой друг машет.

Джейк посмотрел над головами клонов в ту сторону, куда показывал Доннелли — в самую дальнюю часть клуба.

— Чего?

— Вон, у печки, это ведь, кажется, твой друг?

Джейк пригляделся и увидел Джонни. Он сидел на подножке камина, а за спиной у него были

---

[19] Примечания: 19

Борстал — британское карательно-исправительное учреждение для преступников от 15 до 21 года.

красиво сложены штабелем неподожженные дрова — единственное дизайнерское заявление бара. В одной руке Джонни держал пиво, а другой махал над головой и во весь голос орал:

— Джейк!

Невероятно. Джонни должен быть в Берлине до завтрашнего вечера.

— Джонни?

Джейк с трудом обогнул двух крепких парней в летных куртках и с одинаковыми огромными усами.

— Что ты тут делаешь? — кричал он на ходу.

Джонни широко улыбался, глядя на него из-под своей длинной светлой челки:

— Да тут работка подвалила!

С ним было двое мужчин, оба коротко стриженные, в теннисках и синих джинсах. Когда они встали, Джейк обратил внимание, что ремни у них на джинсах затянуты слишком туго и высоко. Талия у мужчины должна проходить от одной тазовой кости к другой, а не через пупок, но многие клоны носили джинсы с высокой талией. Джейк понятия не имел, почему. Может, им нравились супертесные штаны? Когда талия завышена, можно втиснуться в размер поменьше. А это, наверное, приятно — хвастать, что талия

у тебя все такая же, как в восемнадцать. Этим двоим было лет по тридцать пять, и выглядели они совершенно одинаково, если не считать того, что один — долговязый, а другой — коротышка. Джонни, видно, обсуждал с ними какое-то дело, но сейчас они уже прощались: он жал им руки и говорил, что приедет завтра, около девяти.

— У нас завтра праздничный обед, — прошепелявил коротышка, думая, что шепелявость его украшает. — Так что приходи попозже. Где-нибудь в полдесятого… Мы к тому времени уже пообедаем и будем расслабляться — поставим какие-нибудь записи. И друга тоже приводи.

Последнюю фразу он прошамкал совсем уж невразумительно. И, бросив игривый взгляд на Джейка, ушел.

Джейк скорчил гримасу и, подражая манере коротышки, спросил:

— Это чё еще за дура?

— Я продаю им видео, — объяснил Джонни. — Сообщил, что товар доставлен. А тебе что, не хочется на вечеринку?

— Это не вечеринка, а праздничный обед, — поправил его Джейк. — И нас с тобой никто не приглашал. Разве что в качестве послеобеденного развлечения для гостей.

— Думаешь, они захотят поиграть в «Спрячь конфетку»? — засмеялся Джонни.

Джейку было не смешно, он волновался. К тому же по пятницам они ходят в «Поли диско» на Эйтаун-стрит. Именно там они и познакомились, хотя не раз видели друг друга раньше. Если посчитать, то получается, что они знакомы меньше года, а кажется, что знают друг друга всю жизнь. Так что попроси его Джонни еще раз — и Джейк пойдет и поможет ему забросить кассеты на вечеринку к этим парням. Он очень скучал по Джонни, пока тот несколько недель пропадал в Берлине.

Джонни был ослепительный блондин, а Джейк — брюнет, и хотя волосы у обоих были крашеные, цветом лица они тоже разительно отличались друг от друга: Джонни — беззаботно-румяный, а Джейк — бледный и мрачный.

— Ну что тут у вас? Я ничего не пропустил? — спросил Джонни.

Сегодня уж точно пропустил. Джейк пообещал рассказать ему позже, но сам уже знал, что ни словом не обмолвится о своей беседе с констеблем Грином.

— Ты-то как? Почему не дал знать, что возвращаешься раньше?

— Я сам не знал. Просто повезло, подбросили

сначала до Амстердама, а оттуда — до Уотфорд-Гап. На все про все — не больше двенадцати часов. — Джонни всегда путешествовал автостопом. — И я, кстати, искал тебя в «Добром дне». Шон говорит, ты слинял с деньгами этого их старикана.

То, как Джонни это сказал, означало: *Классно сработано, чувак!*

— Да, с двадцаткой. Купил на нее грамм. Будешь то, что осталось?

— Спрашиваешь! Слушай, ну я уделался. Не спал уже знаешь сколько? — Он задумался и принялся считать. — Сегодня у нас что, четверг? Я проснулся во вторник вечером, около шести. Сколько это, получается, я не сплю?

Джейк протянул приятелю пакетик. Посчитать в уме ему ничего не стоило:

— Пятьдесят четыре часа.

— Ну ни хрена ж себе! То-то мне так фигово. Обязательно нужно принять. — Джонни хорошенько потер руки, амфетамин лучше держать в тепле.

Он уже направился было в туалет, как вдруг остановился и нахмурился.

— А это еще кто?

Джейк совсем забыл про Кевина Доннелли. Он повернулся, помахал новому знакомому и громко

представил парней друг другу.

Джонни держал наготове руку для формального рукопожатия. Доннелли не успел протолкнуться через толпу, как вот — пожалуйста, у него уже новый друг. Еще секунду назад Кевин был похож на безнадежно одинокого человека, а теперь Джонни повернул внутри себя какой-то там выключатель — и Доннелли уже купается в теплом свете лампочки в сорок ватт.

Джонни крепко сжал руку Кевина и потрепал его по плечу:

— Приятно познакомиться, чувак. Ща я вернусь.

Джейк и Доннелли стояли и смотрели, как Джонни подпрыгивающей походкой идет через толпу. Волосы у него на голове двигались в такт шагам — такое бывает только в рекламе шампуня. Но у Джонни они всегда так выглядели — если их не помыть. Обычно он заливал волосы слоем лака и выстраивал надо лбом высоченный начес.

— Я вас часто видел вместе, — сказал Доннелли. — Раньше. В последнее время что-то не видел.

— Ну да, Джонни был в Берлине, окучивал европейский рынок порнографии.

Доннелли, похоже, не понял, о чем речь, но вопросов задавать не стал.

— А, ясно. «Пилс» еще будешь?

Джейк уже допивал первую бутылку. После «спидов» мучает такая жажда, что можно выхлестать шесть или семь бутылок и даже не заметить, что еле стоишь на ногах.

— Ага, давай. И для Джонни тоже возьми.

Доннелли исчез. Можно было стоять здесь в одиночестве, а можно было обогнуть танцпол и пойти за Джонни в туалет. Туалеты у них тут невероятно тесные. Или это называется «уютные»? Одна кабинка с унитазом, один жестяной писсуар на двух человек и умывальник такого размера, что пальцы приходится мыть по очереди. Джейк вошел в туалет и был вынужден подождать, пока какой-то парень застегнет ширинку и выйдет. Впрочем, Джейк не тратил времени даром — повертелся пока перед зеркалом, висящим над умывальником. Как только парень свалил, он постучал в дверь кабинки.

— Джонни, это я.

Диск дверного замка повернулся, красная полоска на нем сменилась белой, и Джейк толкнул открывшуюся дверь. Джонни сидел верхом на унитазе лицом к бачку: в руке он держал член-

скую карточку клуба «Пипс», а на фарфоровой крышке бачка лежала полоска «скорости». Джейк закрыл за собой дверь и спросил, достаточно ли там осталось.

— Да, я даже глазам не поверил. Думал, ты оставишь одну глюкозу, а «кислоту» всю вынюхаешь.

У них в ходу была шутка о том, что Джейк — скупердяй. Точнее, это была никакая и не шутка, а истинная правда, но благодаря обаянию Джонни считалось, что это все-таки шутка.

Джейк смотрел, как Джонни скрутил трубочкой банкноту в сколько-то там немецких марок, перевел дух и с шумом втянул в себя порошок — всю порцию за два ровных вдоха. Под конец он слизнул остатки с карточки «Пипс», довольно ухмыляясь. Там и в самом деле оставалось предостаточно. Пауло никогда не обидит.

— Ну как, через иностранные деньги лучше? — спросил Джейк.

Джонни развернул купюру и, далеко высунув язык, два раза как следует ее облизнул. Поморщился и задумался над вопросом.

— Ты знаешь, нет. Если честно, иностранные деньги вообще меня не втыкают.

Джейк засмеялся.

— Да не, чувак, я серьезно. Они меньше, напе-

чатаны на более дерьмовой бумаге и к тому же на них нет головы королевы. Совсем не то. — Он передал Джейку бумажку из-под «спида». Джейк смял ее, бросил в рот и стал жевать, чтобы выжать остатки.

Когда они вышли из кабинки, парень, стоящий у писсуара, бросил на них похотливый взгляд и для пущей ясности широко улыбнулся. Джейк оставил парня без внимания, а вот Джонни ответил ему такой же улыбкой и попросил убрать свое хозяйство подальше — тут маленькие хрены не в почете.

— Да ты даже не видел, — обиделся парень.

Джонни вышел из туалета, грязно хихикая, и пошел за Джейком обратно к бару. Диджей в это время поставил трек Хейзел Дин, и крошечный пятачок площадки для танцев тут же наводнился народом.

Пока они стояли у стены, пропуская хлынувшую танцевать толпу, Джейк спросил:

— Ты не сказал, Шон и Фея сильно разозлились?

— А ты как думал? Они считают, что на этой двадцатке были выгравированы их имена — они же весь вечер ублажали старого засранца.

— Фея никого не ублажал, он влюбился. Ты ведь

знаешь, как он млеет перед разными древними педофилами.

Джонни пожал плечами.

— Блин, да я ведь видел этого мужика. Я, конечно, не специалист, но, по-моему, старик одной ногой в могиле. Если бы Фея у него отсосал, дедуля бы просто дал дуба, кроме шуток.

— Получается, я его спас.

— Да ты их обоих спас! Святой Джейк — вот ты кто.

К этому моменту на танцпол втиснулась уже половина всех посетителей бара. Танцевали даже за пределами выделенной под танцы территории — на ковре. На подножке печи, где сидел Джонни, тоже стояла парочка и пританцовывала в такт музыке. Играла медленная песня, они подняли над головой руки и самозабвенно ими размахивали. А рядом стоял Кевин Доннелли. Он не двигался и выглядел растерянным: в глазах у мальчика было такое твердое упрямство, что казалось, он изо всех сил старается не заплакать. Одну бутылку пива он держал в правой руке, две другие — в левой.

— Твой дружок по тебе скучает. — Джонни кивнул на Доннелли.

— Что ты о нем думаешь?

— Грустная история. Он ведь, кажется, ошивается у автобусной станции?

Джейк кивнул:

— Ага, приманка для маньяков — сразу видно.

Когда Доннелли увидел, что они возвращаются, он с облегчением вздохнул и заулыбался. Джейк подумал, что от такого смягчится любое сердце — даже, наверное, его собственное, если, конечно, кому-нибудь вообще удастся его отыскать. На создание окаменелостей в доисторические времена уходили миллионы лет, а его сердце с помощью амфетамина превращалось в камень за считанные секунды — полное окостенение сердечных желудочков. Надо бы продать свое тело науке вместо того, чтобы расходовать его по пустякам.

Доннелли отдал им бутылки. Джонни извинился, что они заставили его так долго ждать.

— Ваше здоровье! — крикнул он и протянул свой «Пилс» для дружного чоканья. — Вечеринка называется «Добро пожаловать домой, дорогой Джонни!»

— Твое здоровье, мистер Манчестер! — сказал Джейк.

Джонни целый час рассказывал про Берлин. Например, вот: однажды он видел, как по бульвару

Курфюрстендам прогуливался старый немецкий трансвестит в кожаных розовых шортах и в такого же цвета байкерской куртке и кепке.

— Придурку было лет шестьдесят, не меньше!

— А через Берлинскую стену ты перелез? — спросил Джейк.

— Не-е, эту хрень я вообще не понял. — Джонни засмеялся и рассказал, как побывал в подсобке одного бара и там увидел такое, что у него глаза на лоб полезли… ну, не то, чтобы полезли, но прослезились уж точно. — Вы можете себе представить, что сделали бы копы, обнаружь они что-нибудь такое в Манчестере? Да они бы на хрен целую армию пригнали. Может, даже Армию спасения — с Андертона станется.

Джонни уже слышал про облаву в «Молнии» от Феи и Шона. Он спросил Джейка, видел ли тот, что там произошло.

— Так, немного. Я почти сразу ушел.

— Фея говорит, это опять тот инспектор — приперся собственной персоной, лично наблюдать за операцией. — Джонни наморщил лоб, вспоминая фамилию. — Паско?

. — Джон Паскаль. А что Фея про него говорил?

— Что у него типа было по доске на спине и на груди, с надписями: «Гомосеки, раскайтесь» и

«Близок час расплаты».

Очень похоже на правду. Может быть, это даже цитаты из речи, которую Андертон собирался говорить на следующее утро на пресс-конференции. Про Андертона думали разное: одни считали, что игра в проповедника нужна ему для того, чтобы получить повышение по службе, а другие — что все его разглагольствования насчет адова пламени и вечных мук в интервью газете «Манчестер ивнинг ньюс» — это совершенно серьезно. Как бы там ни было, город разрывали крайности: муниципалитет подсел на марксизм-ленинизм, а начальник полиции убежден, что стал живым свидетелем Содома и Гоморры. Поговаривали, будто Андертон метит на место главы Королевской полиции Ольстера, потому что люди там более приличные — богобоязненные протестанты.

— А я слышал, что он придумал новое обмундирование для своих людей, — сказал Джонни. — Трусы на стальной подкладке — чтобы поберечь их задницы.

Джейк уже принял достаточно «скорости», чтобы оценить эту шутку. Он мог бы всю ночь распускать сплетни о Божьем Полицейском — мозг, заправленный амфетамином, так и сыплет остро-

тами. Но диджей крутил новую песню, которая требовала смены настроения — «Zoom» группы «Фэт Ларрис Бэнд», и ему захотелось немедленно сорваться с места и пойти танцевать.

— Ты идешь?

Можно было и не спрашивать. Джонни уже шел в сторону танцпола, подергиваясь и пробивая себе дорогу между клонами, которые высоко задирали ноги, как того требовал их ковбойский танец.

В такие минуты очень не хватало Шона, истинного поклонника соула, наделенного к тому же хорошим чувством юмора. Это Шон научил их танцу «зум» — немой иллюстрации текста песни: сначала рука устремляется вниз, как аэроплан, а потом поднимается к глазам — в этом месте поется про любовь с первого взгляда. Впрочем, у Джонни тоже неплохо получалось. Его движения попадали в ритм песни, а ничего не выражающий взгляд был устремлен вперед — точь-в-точь, как показывал Шон. Вся штука была в том, чтобы напустить на себя притворной соблазнительности, как делают американские негры, исполняющие соул: глаза слегка прищурены, а губы растянуты в самодовольной ухмылке.

Джейка пробрал смех — с ним всегда так быва-

ло, когда он танцевал под «Zoom». Смех сбил его с ритма и пришлось догонять песню: бум! — это он изобразил, как сердце в его груди взорвалось от любви. Он нагнал Джонни, и теперь они танцевали синхронно. Кевин Доннелли танцевал рядом, но не пытался повторять движения, а просто следил за ритмом — спокойно и без выпендрежа. Достаточно было взглянуть на его ноги, чтобы понять, что танцует он отлично: безупречные и непринужденные движения настоящего соул-мальчика.

Ночь близилась к концу — по крайней мере, в пабе «У Бернарда». Джонни был совсем на мели. Можно было попытаться раскрутить кого-нибудь на выпивку, но здесь обычно собирались парочки, а те немногие, кто рыскал по бару в поисках общения, искали большой и чистой любви. Вряд ли они окажутся настолько глупы, чтобы поверить, что пинта пива может стать первым взносом за романтические отношения. Джейк взял всем еще по одной, потом позволил проделать то же самое Кевину — и на этом вечер был окончен.

Почему-то — возможно, из-за того, что в полицейском участке ему сильно потрепали нервы — выбежав на улицу, Джейк почувствовал себя

электрическим проводом. Подключенным к сети и оборванным — треплющимся в манчестерской измороси кабелем. Ворвавшись на площадь Альберта, он почти разглядел в темноте свои собственные искры. Джонни бежал с ним рядом. Кевин Доннелли тащился где-то далеко позади.

Глава пятая

Прошло две недели со дня смерти Кевина Доннелли и четыре часа после того, как о ней узнал Джейк Пауэл. Джейк был трезв и собран: темный галстук, темное пальто. Ничего особенно траурного, но все-таки достаточно мрачно. На полу лежала его сумка с туалетными принадлежностями, а в руке он держал пластиковую чашку бостонского капуччино, большую порцию. Дерьмо, а не кофе.

Прежде чем инспектор Грин уехал к себе в отель, они договорились встретиться у газетного ларька в девять пятнадцать. Джейк приехал раньше, а Грин опаздывал. Если нужно подтверждение, то вот, пожалуйста, электронное табло у Джейка над головой: поезд на Манчестер отбывает в девять тридцать, что бы ни случилось. Может, Грину захотелось выспаться, может, он не рассчитал, что в час пик такси по Марилебон-роуд будет ехать дольше, чем пять минут… а впрочем, вот и он. Инспектор уже довольно давно ходил туда-сюда за стеклянной дверью магазина напротив, вертел ремешок часов на руке и поса-

сывал «Ротманс». Интересно, долго он еще будет не узнавать Джейка? Тянет прямо до последнего.

Ну вот, наконец-то узнал. Вдруг сорвался с места и поскакал по залу, как будто только что заметил Джейка. И еще издалека начал кричать:

— Пауэл? Это ты?

Джейк кивком поздоровался.

— И давно ты носишь очки? — Грин был похож на человека, которого сейчас хватит удар. — Тебя в них хрен узнаешь!

Джейк пожал плечами:

— Днем ношу очки, ночью — линзы.

— Тьфу ты, черт, купи себе еще пару. Я тут уже минут пятнадцать хожу. Ты что, меня не видел?

— На поезд опоздаем, — сказал Джейк.

На юстонской платформе воняло. Джейк уже много лет не ездил в северном направлении и успел забыть этот запах. Какой-то особый запах: невнятный и неопределенный, но при этом очень сильный. Непонятно, с чего это разные станции пахнут по-разному? И, как обычно, уловив этот запах, Джейк немедленно вспомнил два других, оба — пивные: запах завода «Макэванс» напротив его старой квартиры в Хьюме и дух боддингтонской пивоварни рядом с тюрьмой Стренджуэйс. В этом просматривалась связь: поезд на Манчестер

— манчестерские запахи. Необязательно быть Прустом, чтобы сделать это открытие, но до Грина вряд ли дойдет. Он так пыхтит, силясь догнать поезд, что вряд ли вообще сможет что-нибудь унюхать.

Джейк бежал рядом с инспектором вдоль поезда, глухо топая по платформе. В начале состава были четыре вагона первого класса — Грин на них даже не взглянул. И конечно, он не заметил, как Джейк сбавил скорость, чтобы запрыгнуть в вагон для некурящих. После того, как за ним с шелестом закрылись внутренние двери, Джейк пошел по вагону в поисках своего места, по пути посматривая на окна, за которыми мучительно преодолевал оставшиеся метры инспектор Грин. Прямо юмористическое шоу: человек бежит из последних сил мимо застекленных, герметично задраенных окон поезда, его фигура то появляется, то снова исчезает в оконной раме. Но когда Джейк наконец нашел свое место, за окном начался какой-то дешевый фарс.

Рот Грина уже и так был открыт — инспектор судорожно глотал кислород, необходимый, чтобы бежать дальше. Но теперь рот стал менять форму: Грин готовился заговорить. Когда его губы окончательно переключились в положение

«разговор», Грин начал поворачивать голову с намерением посмотреть вбок. Поскольку никакого Джейка он там не увидел, Грин стал перемещать взгляд все дальше и дальше за спину, пока наконец его голова не развернулась на все сто восемьдесят градусов, в то время как ноги по-прежнему стремились вперед. Долго оставаться в таком положении Грин не мог. Он скрутился как трубочка с вареньем, уронил старую спортивную сумку на платформу, остановился и окинул платформу внимательным суровым взором.

Окно Джейка выходило на сторону платформы. К тому моменту, когда Грин его увидел, Джейк уже успел вытряхнуть содержимое карманов пальто на стол и запихивал сумку на полку для багажа. Грин уставился на него во все глаза — он стоял в каких-то трех футах от Джейка, их разделяло только толстое двойное стекло. Стекло было звуконепроницаемым, но Грин очень внятно шевелил губами.

— Какого хрена ты туда залез?

Билет Джейка лежал во внутреннем кармане, спрятанный в конверт из тисненой бумаги. Насколько он понимал, конверт был нужен для того, чтобы дать пассажирам первого класса почувствовать, что они не зря так дорого заплатили. Он

достал билет и помахал им перед окном: пускай Грин как следует его разглядит, а уж потом можно будет убрать обратно.

Если Джейк правильно разобрал, Грин сказал:

— Что, детство в жопе заиграло?!

Джейк улыбнулся и ответил одними губами:

— Увидимся в Манчестере.

Стоя на платформе рядом со своей потрепанной спортивной сумкой и с газетой «Миррор» в руке, Грин произнес:

— Только не думай, что произвел на меня впечатление, ты, придурок!

И, чтобы подчеркнуть значимость этих слов, посту чал по стеклу свернутой в трубочку газетой.

В конце платформы раздался свисток. Грин пошатнулся и перестал стучать — мимо него с высоко поднятой рукой бежал кондуктор. Джейк смотрел из окна и. ему казалось, что он увидел, как в голове у Грина закрутились шестеренки: инспектор усиленно прикидывал, успеет он еще или уже нет: он смотрел то на дальний конец состава, то снова на Джейка. А потом наконец схватил в охапку свою сумку и припустил по платформе как настоящее пушечное ядро. Джейк глядел ему вслед и думал: «А ты полагал, я все три

часа буду тебя слушать?» Хотя, конечно, шутка была ребяческая.

Потом, когда Грин исчез за поворотом платформы, Джейк впервые отметил, что в непромокаемой куртке и со старой спортивной сумкой под мышкой инспектор выглядит настоящим школьником. Поразительно: прожить целую жизнь и так ни разу и не задуматься над тем, что на тебе надето, слепо доверяя выбору матери, которая, тоже не особенно напрягаясь, решала когда-то, в чем бы отправить сына в школу.

Поезд тронулся, и Джейк сложил стопкой свои вещи — чтиво разных сортов: газету, журнал и книгу в суперобложке. Когда к нему подкатил стюард с тележкой, Джейк уже дочитал «Таймс», к которой был совершенно равнодушен, а покупал просто потому, что у него была теория: всякое принятое им бессмысленное решение вроде как помогает не сойти с ума, оберегает от предубеждений и превращает его в «блуждающего избирателя». Правда, «Таймс» стоила дешевле других газет, так что, возможно, он просто был экономным потребителем.

На небольшом пространстве вагона, выделенном под первый класс, сидели еще двое пассажиров: бородатый мужчина с ноутбуком

и женщина, в которой Джейк узнал актрису мыльной оперы — он даже помнил название: «Улица Коронации». Джейк был на пути стюарда третьим. Когда тот подошел, он попросил кофе, и стюард налил ему кофе из нержавеющего чайника — предположительно молотый и отфильтрованный, ведь надо же было чем-то оправдаться перед пассажирами первого класса. На вкус и в самом деле как будто бы настоящий.

— Что-нибудь еще, сэр?

Джейк кивнул.

— Да. Если объявится толстяк, который будет спрашивать, где я сижу, скажите ему, что я — в вагоне для некурящих. Я бы хотел, чтобы вы это подчеркнули.

— Хорошо, сэр. Для некурящих.

Джейк отбросил газету и открыл журнал, сразу на разделе моды. Если он когда-нибудь потеряет работу в казино, может, пойти в модели? Интересно, что из этого получится? Вчера вечером одной из главных тем, волнующих Грина, была карьерная неустроенность Джейка. Грин, например, спрашивал, хорошо ли это звучит: *«Менеджер в казино, выбивающий мозги из своих клиентов. Нет, ну просто интересно?»* В каком-то смысле он был прав: возможно, Джейку и в самом деле

пора сменить профессию. Наверное, эти модели в журнале моложе Джейка, но может быть, и не все. Это ведь не те обнаженные мальчики, которых печатают в дамских журналах. К тому же всякий подтвердит: у Джейка модельная внешность. К нему не раз подходили люди — в том числе и незнакомые, — чтобы об этом сказать. И Джейк им верил.

Несколько лет назад, когда кризис его депрессии был уже позади, Джейк словно разучился видеть прекрасное и стал задумываться: а что, если он сам выдумал себе эту внешность? Вдруг то, что он считал своей красотой, не более, чем самообман? Может быть, он так долго и усиленно рассматривал себя в зеркалах, что со временем перестал замечать худшие свои черты. Но теперь, когда он начал носить очки с толстыми стеклами в черной пластмассовой оправе, эта проблема его больше не волновала. Даже и в очках все продолжали принимать его за модель высшего класса: *Мистер Неудачник* под маской *Мистера Крутого.*

Временами Джейк задавался вопросом, почему он всегда так жестко держал себя в руках. Только потому, что попустительство по отношению к себе — это та же страстная одержимость

самим собой, только в иной форме; позволить себе опуститься до свинского состояния — это не просто отвратительно, это в каком-то смысле высокомерно… настоящий удар по зубам всякому, кто мечтал разделить с тобой постель или даже жизнь. Да и вообще, самому приятнее выглядеть чистым, опрятным и собранным. Важно как можно больше походить на нормального человека — вот его тактика на сегодняшний день. Если даже он не чувствует прямой связи между собой и тем парнем, который преследует его в зеркалах мужских туалетов или возникает призраком в окне поезда, когда по соседнему пути пролетает электричка, он же не может просто так от него отделаться. Равно как не может не замечать, что этот парень отлично выглядит и хорошо одевается. Да и стоит ли становиться моделью? Вот если бы самому выбирать костюмы и организовывать съемки для журналов — это была бы куда более достойная работа. Он бы справился, сто пудов.

Джейк рассматривал журнальный разворот — и в особенности манжеты на брюках шерстяного костюма. Материал был такой толстый и мягкий, что кайма получилась тяжелой и цепляла глаз. По крайней мере, глаз Джейка, который привык всегда рассматривать детали и до последнего

оттягивать момент, когда перед ним предстанет вся картина целиком. В свои тридцать четыре он только потому не успел еще разочароваться в жизни, что слишком привык изображать из себя разочаровавшегося — он делал это еще с шестнадцати лет. Однажды он где-то прочел, что верный признак клинического психоза — это когда пациент начинает снова и снова повторять слова «чернота, скука, пустота». Джейк попробовал попроизносить их в течение пяти минут. Звучит нормально, но это, наверное, и психам так кажется. Непонятно, по-настоящему ему захотелось повторять эти слова или только так, ради эксперимента.

Поезд остановился в Стоуке — меньше, чем в сорока пяти минутах езды от станции Манчестер-Пикадилли. Инспектор Грин забарабанил в окно и застал Джейка врасплох — он как раз занимался своим междугородным самоанализом. Он вздрогнул, открыл глаза и сразу же напоролся взглядом на ухмыляющуюся физиономию Грина. Инспектор был бодр и весел, держал в руках две банки экспортного «Макэванса» и яйцо по-шотланд-

ски.[20] А через полминуты он уже шел по вагону, натыкаясь на сиденья. Пока стоял на ногах, очень сильно шатался, а как только уселся, принялся на весь вагон шуметь. Джейк вообще-то думал, что он заявится раньше — помашет своим значком или как там это у них называется — и потребует, чтобы его перевели в вагон первого класса.

— Ну как тут у вас? Удобненько?

Джейк кивнул: да, отлично. Как чувствовали себя два других пассажира, он не знал. Они оба — и человек с ноутбуком, и актриса из мыльной оперы — на вопрос Грина машинально подняли головы. Грин взглянул на актрису, и лицо его перекосило от ужаса, но вскоре он ее узнал и вздохнул с облегчением.

— Чтоб я сдох! — Грин наклонился к Джейку и тихо зашипел. — Не поверишь, я подумал, что это подруга моей бывшей жены!

Джейк поверил. Он сам принял актрису за подругу одной из своих тетушек. Беда всех мыльных звезд в том, что их всегда узнаешь, но как-то смутно, через длинную цепь ассоциаций.

Грин с щелчком вскрыл банку «Макэванса» и, устраиваясь поудобнее, еще раз огляделся по

---

[20] Примечания: 20

Популярная в Англии и Шотландии холодная закуска — котлета из свиного фарша с вареным яйцом внутри.

сторонам. В центре над окном висела табличка «Не курить».

— Молодец, классная идея. Думаешь, если я не смогу закурить, у тебя будет психологическое преимущество?

— Да мне все равно.

— Ага, я понял, что тебе очень хочется, чтобы я так подумал. Вчера дома у тебя это неплохо получалось.

Цеплялся за всю эту свою деко-срань, пока я из кожи вон лез, чтобы тебя запугать.

Да, так и было. Грин ворвался в квартиру как племенной бык и вел себя так, будто ему все можно.

— То, что ты сделал с тем парнем, называется тяжкое телесное повреждение — за такое реально можно сесть.

Джейк пожал плечами. Может быть.

— Точно тебе говорю. Но, допустим, ты раздобыл хорошего адвоката и смог доказать, что парень тебя спровоцировал. И тебе даже удалось найти парочку свидетелей, готовых поручиться за тебя как за добропорядочного гражданина, чтобы можно было убедить суд в твоем безупречном прошлом… — Грин замолчал, как будто бы считал, что над этим вариантом стоит пораз-

мыслить. Но на самом деле его занимала сейчас только котлета с яйцом, которую он с аппетитом жевал. — Кто знает, может, у тебя и получилось бы. Надо мной бы тогда здорово посмеялись. Ведь это по моей вине на тебя так до сих пор и не завели дело — всегда я прикрываю своих стукачей собственной задницей. У тебя там в прошлом чего только не было — я бы мог составить отличный полицейский протокол. А, как думаешь?

Джейк снова пожал плечами.

— А как бы это отразилось на твоем разрешении работать в казино?

— Плохо, — ответил Джейк. — Но в казино и с одной судимостью не принимают — не важно, насколько серьезной. Если бы меня засудили сейчас, я бы больше не смог этим заниматься.

— Чем? Раскладыванием карт и кручением рулетки? Не смог бы парить пузо в дурацкой жилетке и называться самым пожилым мальчиком-крупье во всем Уэст-Энде?

— Вроде того.

— Ну да, я так и подумал. Знаешь, а мне это нравится: есть какая-то симметрия. Ну, типа даруя невиновность, Дэйви Грин сам же ее и забирает. Конечно, чем дольше я с этим тянул вчера вечером, тем глупее мне было идти в местную

полицию. Ну, типа если этот парень умер — как бы я тогда выглядел? Стоял бы там дурак дураком и говорил: «Да, это произошло у меня на глазах, но я подумал, ладно, пусть умирает».

Грин повертел в руках пачку «Ротманс», хлопнул ею о стол и полностью накрыл своей огромной бледной рукой.

— Короче, сидел я там у тебя, наслаждался гостеприимством, пил восхитительный чай и думал: пускай

'себе время бежит, как ему вздумается. И все удивлялся: ну, Джейк, какой ты стал, тебя теперь хрен проймешь! А сегодня утром меня вдруг осенило: а что, если подобные происшествия случались и раньше?

Грин посмотрел на Джейка в упор. В глазах — улыбка, как будто спрашивает: «Ну, что скажешь?»

— Так вы поэтому сегодня опоздали?

— Угадал. Пришлось поискать дружелюбного копа, который не возражал бы против того, чтобы я покопался в его отчетах. Должен тебе сказать, это не райончик, а прямо какие-то «Секретные материалы»: такое количество необъяснимых нападений, и все — в радиусе пятидесяти ярдов от дверей казино. Пока ни одна из жертв не пожела-

ла дать описание нападавшего, но если судить по тому, как он это делает, можно подумать, будто там орудует призрак Брюса Ли.

— Брюса Ли? Почему не Брюса Уэйна?

— Кого?

— Брюса Уэйна — Бэтмена.

— Чего? А, парня в колготках? У которого еще был дружок Робин?

Джейк кивнул. Да, его действиям трудно найти оправдание — даже по меркам героев детских комиксов. Но если начать оправдываться тем, что просто защищал своих сотрудников, получится еще хуже. Сотрудники тут ни при чем. Все дело в том, что ему просто нравится вышибать дух из плохих парней… и все время хочется еще и еще. Как и в случае с Брюсом Уэйном, причину, очевидно, следует искать глубоко в прошлом Джейка.

— Вы думаете, я из-за этого согласился поехать с вами в Манчестер? — спросил Джейк. — Испугался, как бы вы не копнули поглубже и не отрыли чего нового, чтобы крепче в меня вцепиться?

— Я просто проверял факты, наводил справки о твоем прошлом.

— О том, что я — опасный психопат?

— Ну, тебя и в самом деле лучше не злить.

Грин откинулся в кресле, чрезвычайно довольный собой. Пусть купит себе медаль. Ему бы ни за что не удалось взять Джейка на пушку и заманить в это путешествие. Потерять халтуру в казино — не такая большая беда, как он думает. И дело вовсе не в том, что Джейк по натуре не был игроком (как раз за это его больше всего ценили работодатели). Самое неприятное в его работе было то, что Джейку не нравились посетители казино. Их нервозность, суеверия и приметы, вещи, которые их заводят… Из ночи в ночь ему казалось, что он окружен людьми, от которых его тошнит. Представьте себе кришнаита, который таскается повсюду со своими колокольчиками, весь при этом вымазался вазелином и умоляет, чтобы ему вкололи дозу. Вот такими виделись Джейку игроки: подсевшими на иглу зомби-извращенцами. К тому же давно пора перестать изображать из себя то мученика, то третьесортного борца за справедливость. Съездив в Манчестер, он либо окончательно изведет себя самобичеванием, либо пойдет на поправку. Увидится кое с кем из плохих парней, искупит вину перед мертвыми мальчиками… ну и все такое.

— А я тут все думал: как вы опознали Доннелли? — спросил Джейк. — У него же не было

родных.

— По отпечаткам пальцев, — ответил Грин небрежно. Конечно, Доннелли ведь не имел своего человека в полиции. Только уголовное дело в три ярда длиной. — К тому же чего-чего, а родственников у парня хватало. Мать, два или три отца и одному Богу известно, сколько братьев и сестер.

Джейк на секунду опешил. Все они, беспризорные сироты, жили под одной крышей в Хьюме, и Джейк никогда не сомневался в том, что Кевин Доннелли — сирота подлинная, стопроцентная, а не просто тощая подделка в духе Джима Моррисона, как все они.

Глава шестая

Квартира Джейка находилась в доме 283 по улице Кресчент Роберта Адамса, но вообще-то номер на двери отсутствовал. Узнать квартиру можно было только по надписи «Пидоры», которую кто-то нарисовал краской из пульверизатора вертикальными буквами сверху донизу через всю дверь. Джейк мог бы принять это на свой счет, но там заодно красовалась и свежая надпись «Ниггеры» — слева направо. Дверь, как и окно, снаружи и изнутри была заколочена фанерой. В первую очередь — из соображений безопасности, но вообще-то окно было кухонное, и Джейк радовался, что благодаря фанере прохожие не видят печального состояния его раковины. В Хьюме кто

только не жил,[21] но даже самые опустившиеся люди больше заботились о чистоте своего жилища, чем эти четверо голубых мальчиков.

— Гом, милый гом, — пошутил Джейк и сунул ключ в замок.

Джонни нетерпеливо притопывал у него за спиной, а Кевин Доннелли нерешительно остановился чуть поодаль. Похоже, он не был до конца уверен, как далеко распространяется приглашение Джонни: только до дорожки перед домом или все-таки до входной двери, в которую даже можно войти.

Вообще-то это была квартира Джейка — ну, по крайней мере, оформлена она была на его имя, поэтому он ежемесячно получал пособие на аренду, которое еще ни разу не использовал по назначению. На гвозде, прибитом к внутренней

---

[21] Примечания: 21

Хьюм — пригород Манчестера, до середины XX века — район непроходимых трущоб, с которыми после 60-х годов решено было бороться: трущобы снесли, а на их месте построили «кресченты» — изогнутые линии домов в несколько этажей, входные двери которых располагались на уровне второго и третьего этажа, а внизу, под пешеходными переходами, ездили машины. Муниципалитет надеялся с помощью нового облика облагородить район, но здания «кресчентов» получились такими уродливыми, что отношение к Хьюму нисколько не изменилось, а преступность и опасность района только повысились: узкие темные «кресченты» стали раздольем для насильников и грабителей. Все сколько-нибудь приличные жители переехали в другие районы, а Хьюм снова превратился в манчестерское гетто.

стороне двери, висела целая пачка уведомлений о выселении, но их никто не читал, потому что во всем квартале еще не было такого, чтобы кого-нибудь выселили. Если городской совет в один прекрасный день решит за это взяться, мальчики просто напишут новое заявление в жилищное управление и вселятся в другую пустующую квартиру — тут таких полно. В следующий раз квартиру придется оформить на имя Шона или Феи: Джонни свою очередь уже использовал. Может, и правда подумать о переезде? По крайней мере, это решит проблему с кухонной раковиной. С другой стороны, Джейку не хотелось бы лишиться ежемесячного чека, а с этой раковиной они прожили уже столько времени — проживут и еще.

Джейк толкнул дверь, и за ней показался Фея, который пел под включенный магнитофон: «Boys keep swinging… Boys always work it out».[22] Боуи в этой песне театрально басил, и его легко было пародировать. До того легко, что это получалось как-то само собой, сознательно Фея ни за что на свете не стал бы пытаться изобразить божествен-

---

[22] Примечания: 22

«А мальчики знай себе отрываются… У мальчиков всегда и во всем успех» *(англ.)* — строки из песни «Boys Keep Swinging» с альбома Дэвида Боуи «Lodger» 1979 года.

ного Дэвида.

Джейк пропустил Джонни вперед и придержал Кевина Доннелли в дверях:

— Ну-ка послушай это и скажи мне: тебе все еще нравится Боуи?

Доннелли в ответ улыбнулся и кивнул — ну а что он мог сказать? Чего уж там, даже Джейка сегодня эта песня взволновала, он сам не мог понять, почему. Растрогала чуть ли не до слез, несмотря на педрильское дребезжание Феи. Невероятно, но факт. Возможно, все дело в «кислоте», но вот эта строчка: «Небеса тебя любят… толпы выкрикивают твое имя» — что-то в ней было такое! Нет, ну правда, вот бы и в самом деле одного того, что ты — мальчик, было достаточно, чтобы все пред тобою преклонялись, от неба до земли — всепоглощающая волна преклонения… «И на пути у тебя — никаких преград».

В гостиной было накурено и горели рождественские гирлянды. Фея, Шон и четверо других ребят устроили почти настоящую вечеринку. Фея разорался не на шутку. За двойной шумовой завесой — грохота магнитофона и пения Феи — никто не услышал, как открылась входная дверь, но триумфальное появление Джонни, конечно, заметили все. Он влетел в комнату с криком: «Ну,

здорьво!» И через секунду орали уже все: «Джонни! Джейк! Здорьво!»

Джейк кивнул по очереди всем присутствующим — не слишком уверенно, так как надо было еще разобраться, насколько сильно тут на него продолжают сердиться. Но если Фея и злился на Джейка за историю с деньгами старого педика, виду он не подал. Может, уже простил и забыл, а может, его отвлекло неожиданное появление Кевина Доннелли. Джонни уже тащил Доннелли в комнату, а Фея никогда не мог устоять ни перед чем новым.

Джонни указывал на каждого по кругу и называл имена, устроив форменную перекличку, чтобы Доннелли не чувствовал себя чужим.

— Это Ребекка. Вот эта лисичка — Дебс. Здорово, Дебс…

Ребекка сидела на диване. А Дебс как раз танцевала с Феей, когда вошли мальчики, и они все еще продолжали танцевать, но Дебс робко улыбнулась Джонни.

— Вон тот, что спит, — Домино, а это… — Джонни запнулся, рассматривая маленького паренька, свернувшегося на полу у кресла, в котором спал друг Шона Домино. — Прости, пожалуйста, но ты кто вообще такой?

— Извините. Дэвид, — ответил паренек.

Джейк тоже понятия не имел, кто это вообще такой.

— Дэвид? И ты как, нормально?

Паренек кивнул. Джонни во весь рот ему улыбнулся.

— Ну ладно. Тут у нас Шон, ну и наконец этот — Фея. Ребята, а это — Кевин.

Джонни пригласил Доннелли, когда они пробирались сквозь кольцевое движение под Манкуниан-Уэй. Проигнорировав подземный переход, мальчики бежали прямо по проезжей части, ловко уворачиваясь от машин. Джонни на бегу оглянулся и увидел, что за ними по пятам следует Доннелли.

— Я сказал, что лучше бы ему вернуться, — рассказывал Джонни. — Но он ни в какую. Он, оказывается, живет в общаге, одобренной департаментом здравоохранения. Тогда я сказал: ну уж нет. Я через такие места сам прошел и знаю, что это — загон для самоубийц. Фея, скажи?

Фея кивнул:

— Поселился в общаге — и умер.

— Да, ты его послушай, Кевин, он знает. Не поверишь, но городской совет обязал мясника кружить по городу на своем грузовике и подби-

рать тела. И еще это, как там они называются, такие бронемашины, с которыми легавые могут круглосуточно связаться по рации — они стоят там где-то и только и ждут сигнала, чтобы начать вооруженное наступление. А еще тут, знаешь, такие штуковины — ядерный конвой: реактивные грузовики, мотаются все время туда-сюда, чтобы их не засекли шпионские спутники…

У Джонни заканчивался запас движущихся предметов. Рот хотел говорить еще и еще, но знаний в голове не хватало.

— Акула, — подсказал Джейк.

— Да-а…

На полу стояла бутылка «Перно», ее сжимал между лодыжками Домино. Судя по всему, в бутылке мало что осталось — вот вам и объяснение, почему парень в отколе. Мальчики Шона совершенно не умеют пить, но зато их можно использовать в качестве ультрасовременной модели мини-бара для хранения бутылок.

Джейк протянул руку, чтобы высвободить бутылку, и услышал голос Ребекки:

— А я думала, мы увидимся в «Девиллз», Джейк.

Он поднял голову, сказал: «Нет» — и усиленно замотал головой, давая понять, что это длинная

история, сразу не расскажешь. Он пока еще ни словом не обмолвился ни о констебле Грине, ни о полицейском участке на Бутл-стрит — и Доннелли тоже молчал. Когда ребята узнают, будет очень странно, что тут такая история, а Джейк им ничего не рассказал.

— Как было в «Девиллз»? Это вы там встретились с Шоном и Феей?

Ребекка кивнула. Интересно, что она вообще тут делает так поздно — завтра вроде учебный день.

— Вас что, уже на каникулы отпустили?

— Еще на прошлой неделе.

Он принес бутылку и сел рядом с Ребеккой. Теперь он разглядел сквозь темно-зеленое стекло, что «Перно» разбавлен смородиновым ликером — фирменный рецепт Феи. Джейк передал бутылку Ребекке, но она помотала головой — ну да, у нее ведь машина и она сегодня наверняка за рулем. Он хлебнул и, разобрав, что вместо смородиновой настойки Фея налил «Вимто»,[23] начал с полным ртом хихикать.

— Ты чего? — улыбнулась Ребекка, обрадовавшись возможности возобновить разговор.

---

[23] Примечания: 23

«Вимто» — популярная в Британии фруктовая газировка на основе сока винограда, малины и черной смородины.

Джейк помотал головой, показывая, что не может говорить — не то чтобы он не хотел, просто не может. Нужно обязательно объявить это национальным манчестерским напитком: коктейль из «Перно» и «Вимто». И назвать его «Перто». Или «Вимно». Вон как Домино от него одеревенел!

Где-то высоко над головой Джейка Дебс перестала танцевать и теперь просто притоптывала на месте и слегка покачивалась, расспрашивая Джонни про Берлин. Первый вопрос: ходил ли он по клубам? Джонни начал рассказывать про клуб, названия которого Джейк и в первый раз не разобрал, да и сейчас как следует не расслышал. Насколько он понял, у этого клуба внутри были леса и стальные переходы — наверное, там прямо как на стройке. Слева Фея суетился вокруг Кевина Доннелли, предлагая ему выпить. Когда радушный хозяин стал вертеть головой в поисках бутылки, Джейк понял, что он ищет «Перно». Сделав еще один большой глоток, он отдал бутылку Фее, а тот передал ее Доннелли, который тут же вытер горлышко рукавом куртки — детский сад! Когда до него дошло, что он сделал, Кевин залился краской и стал точь-в-точь такого же цвета, как напиток, который он в себя вливал.

Шон сидел у проигрывателя и рылся в ящике

из искусственной кожи, на котором замазкой-корректором было написано: «ШОН». Когда он на мгновенье поднял голову от пластинок, Джейк заметил, как сердито он взглянул на Домино. А может, и не сердито, а встревоженно. Ну да, точно, Джейк ведь, кажется, слышал что-то о том, что у Домино диабет. Он вспомнил, как однажды парень вырубился прямо на лестнице в «Пипс». Он как раз пытался дотащиться до буфета, чтобы взять там пакетик сахара, когда его настиг диабет. Джейк сам этого не видел, ему рассказывали уже после. Кажется, в результате сахар раздобыл Шон. Наверное, картина еще та! Человек карабкается по отвесной лестнице и стонет: «Сахар… Сахар… Сахар!» *Что, мой сладкий?*

Джейк снова начал хихикать. Ребекка обняла его одной рукой и устроилась поудобнее, а он только улыбнулся в ответ.

— Чего ты? — снова спросила она.

Он опять помотал головой: ерунда, и говорить не о чем. Джейк глубоко втянул воздух: волосы Ребекки пахли так знакомо. «Элнетт» сверхсильной фиксации — точно такой же, как у него. Челка у Ребекки была разделена на отдельные пряди, они обрамляли ее лицо как охранное ограждение. Правда, в задачи этого ограждения не входило

быть совсем уж неприступным.

— Это кто? — Джейк показал еще на одного мальчика, чье лицо выглядело знакомым, но, как парня зовут, — хоть убей, забыл.

— Дэвид? Он учится у нас в шестом классе. — Под «нами» Ребекка подразумевала себя и Дебс.

Мальчик присел на корточки рядом с Шоном и тоже рылся в пластинках, но только явно не в той коробке. Сейчас у него в руке была пластинка «Хьюмен Лиг», а на лице — выражение крутого меломана. Шон не обратил на это никакого внимания и достал из ящика пластинку с диско. Когда она заиграла, Джейк узнал песню «Imagination»[24] группы «Эрт, Уинд энд Файр». Дэвид прислонил свою «Хьюмен Лиг» к стойке с проигрывателем, как будто бы тут было принято всем по очереди выбирать, что хочешь послушать. Мальчики жили в небольшой двухэтажной квартире на третьем этаже, на самом верхнем уровне Кресчента Роберта Адамса. Дом выходил фронтоном на прерывистый круг, образованный четырьмя кресчентами, а сразу за ним начинался район Мосс-Сайд. Задние окна квартиры смотрели на кинотеатр «Аабен», а дальше, немного

---

[24] Примечания: 24
«Воображение» *(англ.).*

в стороне, виднелся Корабельный канал. Джейк думал, что такие вот двухэтажные квартиры нужны для того, чтобы воссоздать в условиях яркой современной утопии многоквартирных башен шик старого муниципального дома. Наверху было три спальни: его, Джонни и Шона. Фея въехал последним, поэтому спал внизу в импровизированном шалаше в дальнем углу гостиной. Гости, которых никто из ребят не приглашал к себе в постель, ночевали на диване. Очевидно, там проведет сегодняшнюю ночь и Кевин Доннелли, если Фея не проявит к нему интереса.

Джейк еще раз обвел взглядом комнату и только сейчас заметил, что Феи и Доннелли нет. Если они устроились на его кровати, он прикончит обоих.

Джейк уже почти поднялся с дивана, но тут к нему, пританцовывая, подошел Джонни с бутылочкой «поп-перс»[1] в руке.

— Хочешь?

Еще бы! Джейк взял флакон, снял плохо прикрученную крышку и закрыл горлышко большим пальцем. Вдохнул через правую ноздрю, быстро глотнул комнатного воздуха, вдохнул через левую ноздрю и, не оборачиваясь, передал бутылочку Ребекке. Удивительное дело: когда

заправляешься «попперс»,[25] чувствуешь себя тикающей бомбой замедленного действия. Джонни стоял перед Джейком и внимательно смотрел, как тот считает секунды. Вот, началось: мускулы в основании шеи завибрировали и начали растягиваться, как будто бы лицо потянули в разные стороны силы, равные силе притяжения земли. Мышцы плющило все больше, за ними растягивался рот, пока наконец губы не раздвинулись так, что это были уже и не губы, а звериный оскал. Нечеловеческое кудахтанье, вырвавшееся из горла Джейка, вызвало новую череду спазмов. Его щеки складывались гармошкой, как занавески, и снова растягивались до ушей, а взгляд дрожащих и трепещущих глаз остановился где-то высоко над головой. Взгляды всех остальных были обращены к Джейку.

Одной рукой он крепко сжимал колено Ребекки, другой схватился за диванную подушку.

---

[25] Примечания: 25

«Попперс» или алкилнитрит — ингалятор, используемый для лечения приступов удушья при бронхиальной астме. Алкилнитрит относят также к «развлекательным» наркотикам, поскольку вдыхание его паров вызывает сильное ощущение эйфории, которая длится в течение трех минут. В конце 70-х годов «попперс» стал крайне популярен в гомосексуальной среде, так как оказывал сосудорасширяющее действие и благодаря этому не только усиливал ощущения при половом акте, но так же расслаблял мышцы заднего прохода и повышал их чувствительность.

Он представлял себе, как сейчас выглядит: Его Преосвященство Папа Римский кисти Фрэнсиса Бэкона.[26] Он проталкивался все глубже и глубже в пурпурную мантию, пока она не натянулась над его головой до предела — после чего сдалась и стала опадать, и он тоже начал спускаться обратно на землю. Он услышал, что смеется — теперь уже своим человеческим смехом, немного маньячным, но все-таки узнаваемым. А потом — эхо. Он повернулся вправо, это была Ребекка, она тоже смеялась и хотела разделить с ним это мгновенье. Он по-щенячьи закивал перед нею, чтобы она не переставала хихикать. Ребекка прикрыла рот рукой, пряча дрожащую улыбку. Ее глаза Клеопатры растеклись по лицу фиолетовыми разводами. Она понемногу успокаивалась, и Джейк спросил:

— Ты в порядке?

— Да. — Она все еще тихонько смеялась.

— Точно? Все хорошо?

Ребекка кивнула, а он смотрел на нее и тоже продолжал кивать, придвигаясь все ближе к ее лицу, пока наконец их губы не встретились. Сна-

---

[26] Примечания: 26

Фрэнсис Бэкон (1909–1992) — англо-ирландский художник-экспрессионист, автор серии работ, на которых изобразил Папу Римского в ужасных мучениях.

чала Ребекка подошла к поцелую как-то чересчур страстно. Острый кончик ее языка исследовал его рот как звериная мордочка, но губы Джейка оставались мягкими, и Ребекка начала ему отвечать. Скоро они уже вместе скользили по губам друг друга, влажным, но не мокрым: неглубоко заныривали внутрь и кружили вокруг, едва касаясь. Он на мгновенье обнажил свои зубы и почувствовал, как она провела нижней губой по их неровному краю, а потом легонько укусила его за губы.

Они действовали сообща: Джейк почувствовал, как она расслабляется, и скользнул немного глубже. При каждом соприкосновении их языков все больше разбавлялся вкус мяты в ее дыхании… и, видимо, вкус аниса и сигарет — в его.

Первой отстранилась Ребекка. Он не мог понять, в чем дело, пока не услышал где-то вверху голос Феи:

— Джейк. Джейк.

Он тряхнул головой.

— А?

— Ты не подойдешь? — Фея был чем-то расстроен.

— Что такое?

Фея поджал губы.

— Подойди, пожалуйста.

Джейк поднялся, погладил Ребекку по плечу — это было проще, чем напрягаться с извинением, и, следуя за Феей, вышел из комнаты. Фея открыл входную дверь, и они вышли на улицу. Джонни стоял, прислонившись к мощеной бетонной ограде, ярдах в десяти от открытой двери — похоже, он не хотел, чтобы их услышали.

Когда Джейк спросил, что происходит, он пожал плечами.

— Да этот парень, Шлепанец.

Шлепанцем Кевина Доннелли назвал Фея — в ту ночь, когда они впервые обратили на него внимание. Мальчик тогда вертелся у обочины на автобусной станции и некоторое время терзался сомнениями, но потом все-таки забрался в потрепанный фургон «форд-транзит». Когда фургон отъезжал, они увидели лицо водителя: небритое и серое как наждачная бумага. Мужик оглядел улицу в поисках живых свидетелей и, убедившись, что никого нет, махнул головой в сторону салона. Кевин протиснулся между передними сиденьями и исчез в глубине фургона. Все они это видели, но Джейк заговорил первым.

— Ну и затрахают же его. — Он хотел пошутить, но самому было не очень-то смешно.

— Да, шлепанец, — сказал Фея. — Еще полгода, и будет слышно, как у него при ходьбе сфинктер шлепает по ногам.

Образ был настолько отвратительным, что Фея надеялся скрасить его игривой голубой интонацией. Джейка тогда прямо затошнило, но, взглянув на Фею, он увидел, что тот и сам не рад.

— Доннелли? — спросил Джейк. — А что с ним такое?

— У него там забастовка в моей комнате. — Джонни уже просто трясло от усталости. Он не спал бесконечное количество времени, и даже амфетаминовый будильник не мог совладать с его усталостью.

— Ну так вышвырни его. Чувак, тебе срочно надо поспать.

— Да он лежит на моей кровати! Это ведь ты его какого-то хрена сюда притащил — ты с ним и разговаривай.

Джейк мог бы сказать: не я придумал приводить его сюда, это ты его пригласил. Но, пожалуй, лучше придумать выход, чем друг друга обвинять — видно, затем его и позвали.

— Что с ним такое?

— Не может принять отказ, — ответил Фея.

— Тогда пойди туда сам и расскажи ему все, что

об этом знаешь.

Фея не засмеялся.

— Я там уже был. Он реально расстроен. — Фея сделал ударение на слове «реально». — Джонни тут ни при чем.

Джейк посмотрел в продуваемый ветром коридор, который закруглялся влево, следуя за гранитным изгибом «кресчента». Дождь задувало ветром под навес, и дорожка, ведущая к их дому, почти вся намокла — сухой осталась только неровная линия у самой стены. Там, где стоял, прислонившись к парапету, Джонни, гулял ветер и раздувал ему волосы.

Джейк повернул в сторону открытой двери квартиры.

— Ну ладно, пошли, чего стоять под дождем. Я поговорю с ним.

Он вошел в квартиру первым, Фея и Джонни — за ним. В дверях гостиной Джейк показал Ребекке палец: я только на одну минуту — и стал подниматься по лестнице. У закрытой двери в комнату Джонни он остановился и подождал остальных.

— Так вы говорите, он огорчен? Может, сделать ему чаю?

У Джонни тяжело опустились плечи.

— Я сделаю, — сказал он. — А себе, может, даже

кофе. Бредит. Откуда в этой квартире молоко?

К тому же Джейк еще никогда в жизни не видел, чтобы Джонни заваривал чай. Он еще немного постоял перед дверью, прислушиваясь к шагам Джонни на лестнице. Спустившись, тот сказал:

— Никто чайник не поставит?

Фея беспокойно переводил взгляд с Джейка на дверь и обратно.

— Ну ладно… — Джейк вздохнул и толкнул дверь.

Кевин Доннелли лежал на кровати, с головой укрывшись стеганым одеялом — казалось, поперек матраса Джонни свалили небольшую груду непонятно чего. Бутылка подкрашенного «Перно» стояла у кровати, Джейк отодвинул ее в сторону и сел на край матраса. Он кивнул Фее, что означало: давай с другой стороны.

Фея согнулся над грудой-Кевином, деликатно отогнул край одеяла и спросил:

— Ты в порядке?

Лицо Кевина Доннелли вынырнуло на поверхность: такое же побитое и затравленное, как обычно. Тушь под одним глазом размазалась, но последние минут пятнадцать он вроде не плакал. Взял себя в руки или просто решил не подавать виду. Глаза мальчика смотрели одновременно

страдальчески и ожесточенно.

— В порядке.

Джейк уж было подумал, что и слава богу, никакой проблемы нет. Если мальчику хочется, чтобы его пожалели, почему бы ему не подыграть?

— Он был в Колчестер-Холле, — сказал Фея.

Джейк знал, что это: исправительное учреждение в Стокпорте, неподалеку от Чидл-Хьюма.

— А, да? Давно?

Кевин привстал, одеяло сползло с плеч.

— Вышел год назад, — ответил он.

Фея стал рассказывать, что с тех пор Кевин находится под следствием, но Джейк его не слушал. Он смотрел на накарябанные булавкой татуировки на руках и плечах Кевина: паучьи паутины, неровные квадратные буквы *«MUFC»*,[27] фрагменты вроде фразы *«отрезать здесь»*, сопровождаемой пунктирной линией, *«скины навсегда»*, *«Мэднесс» и «кев кев кев»*.[28] Все это — синими чернилами, почти того же оттенка, что и вены, опутывающие руки и грудь Кевина под слишком уж белой кожей.

---

[27] Примечания: 27

Аббревиатура английского ругательства.

[28] Примечания: 28

Кев — уменьшительное от имени Кевин, а кроме того словом «kev» в Англии называют хулиганов.

Доннелли поймал его взгляд, вздрогнул и натянул одеяло обратно на плечи.

— Колчестер-Холл, — сказал Джейк. Он не знал, что еще сказать. Им встречались и другие мальчики, прошедшие через это место — проститутки, которые околачиваются вокруг автобусной станции, и те, кто пытается раскрутить мужчин в «Добром дне» на выпивку. А кроме этих их знакомых сколько еще таких ходит по Манчестеру — тех, кто избрал себе карьеру траханой-перетраханой подстилки?

— Он там пробыл три года, — продолжал Фея. — Его должны были выпустить раньше, но заведующий пансионом убедил социальных работников, что для перевоспитания Кевина требуется еще время, что он только-только начал находить к нему подход.

Фразы вроде этой — сухой, брошенный мимоходом намек на тот ужас, который там творится, — мелькали во всех рассказах про Колчестер-Холл. Эти истории всегда излагались до того похожими словами, что Джейк начал подозревать, что и места-то такого не существует. Ведь будь оно настоящим, почему его до сих пор не закрыли? А потом ему встречался еще кто-нибудь, побывавший в этом заведении, и новый рассказ опять

сбивал Джейка с ног, не оставляя сомнений в том, что все это — правда. Перед ним вновь вставала неразрешимая загадка: если такой дом действительно существует, как же может быть такое, что о происходящих в нем ужасах знает только он да еще несколько человек? Нет, все-таки этого не может быть, тем более что сам он никогда не видел этого места и даже точно не знает, где именно оно находится.

— Вам нравятся мужчины? — спросил Кевин Доннелли, по самый подбородок укрывшись одеялом.

Фея кивнул: еще бы. Джейк уклончиво пожал плечами.

— Этот заведующий, наш наставник, сказал, что по мне сразу видно — внешность такая, — начал рассказывать Доннелли. — Что я хочу именно этого, а значит, ничем не отличаюсь от него самого. Он сказал, что я могу жить в его комнате — все время, кроме тех случаев, когда она понадобится ему для какого-нибудь другого мальчика.

— Он держал тебя в своей комнате? — Джейк перешел на крик. — Что — на цепи?!

— Да нет, не на цепи, — ответил Доннелли спокойно, как будто бы разъяснял элементарные вещи.

Фея попытался убедить его в том, что насилие — оно насилие и есть.

— А когда учитель заваливает свою ученицу, он тоже может сказать, что ей нравятся мальчики, да? Это ж дерьмо собачье!

— Вообще-то обычно мне было даже лучше в его комнате, — не сдавался Доннелли. — После того, как он всем рассказал, что я голубой, они мне проходу не давали. Одни избивали до полусмерти, другие трахали…

В комнату вошел Джонни с двумя чашками, отхлебывая из одной из них.

— Чаю хочешь? — Он протянул чашку Доннелли, и тот ее взял.

— Что там внизу? — спросил Джейк.

Джонни пожал плечами.

— Чувак, я уже не врубаюсь. Думаю, весь народ еще там. — Он повернулся к Доннелли. — Слушай, ты мне тут не мешаешь, иначе я бы не стал тебя приглашать. Но мне обязательно надо поспать. Можешь устроиться на диване, где хочешь, как тебе нравится. Но я должен куда-нибудь лечь.

Джейк энергично закивал.

— Найди себе какое-нибудь другое лежбище. Никто тебе слова не скажет. — Он встал и собрался уходить. — Мне нужно вниз, такое дело…

Он снова пожал плечами и вышел с бутылкой «Перно» в руке.

Джейк выбрал окольный путь через ванную. Посмотревшись в зеркало туалетного шкафчика, он увидел, что его зализанные назад волосы взъерошились и торчат над лбом черной копной. Хм, пожалуй, так ничуть не хуже. Уронив взгляд на умывальник, Джейк увидел, что кто-то оставил там бутылочку «попперс». Он сделал два быстрых глотка «Перно», открутил пробку от бутылочки и как следует затянулся. Амил[29] снова привел в действие утихающий было амфетамин. На этот раз Джейк уже не смеялся, но почувствовал сильное возбуждение. Он подумал, что, пожалуй, пойти вниз и елозить с Ребеккой по дивану, пытаясь понять, чего она от него хочет, или, что еще хуже, чувствовать себя виноватым за то, что он ничего ей не говорит или не слушает, — нет, только не это. Слишком медленная игра для славного Билли Уизза.

Дверь ванной комнаты распахнулась, и на пороге появился Домино — только что оправившийся от своего предполагаемого диабетического ступора, но по-прежнему немного ошалевший.

---

[29] Примечания: 29

Амилнитрит — одна из разновидностей алкилнитритов, на основе которых производятся всевозможные «попперс».

Джейк стоял, держа по бутылке в каждой руке, с налитым кровью лицом.

— Давай, все свои, — сказал он.

Домино повернулся к унитазу, расстегнул ширинку и начал мочиться. Через секунду Джейк сказал:

— Подвинься.

Они встали с обеих сторон унитаза и их золотые струи переплелись в воздухе. Джейк почувствовал, как член в его руках увеличивается, и смотрел на прибор Домино, который подергивался от прибывающей крови. Джейк погладил свой и натянул крайнюю плоть обратно на головку. Домино сделал то же самое. Они вместе стряхнули и Джейк прошептал:

— Прямо по коридору, черная дверь.

Домино вышел первым, а Джейк осторожно выглядывал из ванной и кивал ему, в какую сторону идти. Потом он пулей пролетел мимо комнаты Джонни и увидел в открытую дверь, что все по-прежнему там, пьют чай. Кажется, его не заметили.

Они с Домино стояли друг перед другом с расстегнутыми ширинками и спущенными на лодыжки штанами. Джейк расстегнул Домино рубашку и обеими руками сжимал его ягодицы.

А потом слегка наклонил его вперед, чтобы дотянуться губами до сосков.

В дверях появился Фея.

— Джейк, ну ты и дерьмо.

— Вали отсюда.

— А как же Шон? А та девчонка внизу?

Джейк отпустил Домино, переступил через штаны и сделал шаг в сторону Феи.

— Мне насрать. Убирайся. — Он сжал кулак и держал его у пояса, но был готов поднять и выше.

Фея в изумлении отпрянул. Джейк захлопнул за ним дверь. Когда он обернулся, Домино сидел на кровати и расшнуровывал свои «мартинсы».

Глава седьмая

Инспектор Грин был уже на платформе и курил сигарету, о которой мечтал с самого Стаффорда. Джейк взял свои сумку и пальто и помог мыльной актрисе стащить чемодан со ступенек вагона и взвалить на тележку. Грин и пальцем не пошевелил. Он стоял и смотрел на актрису так, как будто бы до сих пор не был уверен — а вдруг она все-таки возьмет, да и окажется знакомой его бывшей жены.

Когда к нему подошел Джейк, Грин подтянулся, приосанился и отодвинулся от таблички, к которой прислонялся — так что Джейк смог в конце концов прочитать: МАНЧЕСТЕР-ПИКАДИЛЛИ. Вот оно — это мгновенье, когда город решил наконец проснуться и вмазать ему промеж глаз.

— Ну, — сказал Джейк. — Вот я здесь, и что теперь делать?

Инспектор Грин еще разок затянулся, позволяя актрисе отойти на безопасное расстояние, прежде чем последовать за ней к турникету.

— Делать? Не знаю. Просто расспрашивать всех подряд, собирать информацию и передавать ее

куда следует.

— Кого расспрашивать? Я никого здесь не знаю.

— Ты только что узнал о том, что Доннелли мертв. Ты ошарашен, напуган — ну вот и начинаешь откапывать старых знакомых. — Похоже, у Грина не было ни четкого плана, ни терпения, чтобы его придумать. — Используй свою бурную фантазию. Ну, типа ты ведь всю жизнь что-то там такое изображал, уж, наверное, сможешь состряпать какую-нибудь историю.

Джейк хотел было сказать, что он изображал что-нибудь не всю жизнь, а только когда был подростком. Но не сказал. Вместо этого он спросил:

— И как я буду откапывать всех этих старых знакомых? Прошло пятнадцать или шестнадцать лет.

— Ну да, и что с того? Шестнадцать лет — ерунда.

— Для вас, может, и ерунда, но для людей, которых я тогда знал…

Это было так очевидно, что даже Грин мог бы до этого додуматься. Точнее, уже додумался и даже решил, что это очень смешно.

— В этом-то и разница, — сказал Джейк. — между теми, у кого есть СПИД, и у кого его нет. Даже

если мне удастся отыскать каких-нибудь бывших знакомых, вы представляете себе, сколько из них уже умерло?

Например, Фея.

Пять лет назад Джейк получил вежливое письмо, переадресованное ему из дома дальней тетушки, про которую он едва ли говорил вообще кому-нибудь, а уж тем более — Фее. В письме спрашивали, нет ли у него желания заехать навестить Фею, хотя вообще-то письмо написано не Феей — дело в том, что сам он уже ничего не видит. Тон письма был вежливый, сдержанный, изо всех сил стремящийся быть официальным, несмотря на врожденный простоватый стиль и подпись, после которой в скобках стояли слова «друг Саймона». Настоящее имя Феи, Саймон Хартли, употреблялось в письме три или четыре раза — достаточно часто для того, чтобы это стало резать глаз и в конце концов заставило Джейка прослезиться. Нет, Фею Джейк не забыл — только его настоящее имя. Когда он получил это письмо, Фея уже умер, так что Джейк отправился не навестить его, а на похороны. Ехать было недалеко: крематорий в Голдерс-Грин. Оказывается, несколько лет назад Фея переехал в Лондон, чтобы устроиться на работу стилистом в парикмахерской при

крупном универмаге. На поминках, слоняясь по дому, Джейк рассматривал фотографии, которые расставил повсюду возлюбленный Феи. Джейк хорошо помнил жидкие рыжеватые завитушки, от которых так страдал Фея в свои семнадцать лет, и с удивлением отметил, как хорошо выглядят волосы на фотографиях Феи тридцатилетнего. Романтическая история во многих отношениях: человек преодолевает свои комплексы, чтобы достичь совершенства во всем.

Стоило Джейку подумать о «комплексах», как его тут же охватило чувство вины. Потому что похожая мысль уже приходила ему в голову, пока он стоял в прихожей этой странной, чересчур «супружеской» квартиры в Голдерс-Грин. Мысль о «комплексах» так и лезла ему в голову, но он пытался оправдать чрезмерно уютную домашнюю обстановку любовью Феи к вычурной голубой театральности — наверное, если как следует пораскинуть мозгами, можно было даже начать восхищаться его смелостью. Потом Джейк почувствовал себя еще хуже, потому что совсем ничего не знал про Фею и про то, каким он стал. Но и это чувство прошло. Друзья Феи *(друзья друга Саймона)* представляли собой сборище подвыпивших голубых в женском платье — тол-

стоватых и не особенно женственных, а квартира была украшена с таким провинциальным рвением, которое можно было, конечно, списать на попытку театрализованной иронии, но на самом-то деле задача тут определенно стояла только одна — устроить себе домашний уют. Вообще-то квартира была хорошая.

Джейк все еще стоял в прихожей, когда на глаза ему попался Шон — тот выходил из ванной и, удивленно приподняв одну бровь, косился на хоровод ароматических свечей, расставленных вокруг умывальника. Момент довольно неловкий: непонятно, обниматься им, пожать друг другу руки или — что? Джейк протянул Шону руку. Шон ее пожал.

— Хорошо выглядишь, — сказал он.

Джейку не было нужды произносить ответную любезность. В отличном костюме, по-настоящему классно выбритый и со своими от природы иссиня-черными волосами Шон выглядел одновременно и умным, и красивым — самое выигрышное сочетание. В то время он был телепродюсером. Джейк пару раз видел, как его имя проносится в титрах разных телепрограмм, но Шон уже подумывал о том, чтобы бросить продюсерскую деятельность и открыть собственную

компанию. Когда он сообщил об этом Джейку, тот сказал:

— Молодец. Стань миллионером.

Шон ответил, что станет.

Джейку не предоставлялось случая это проверить, но он подозревал, что у Шона уже есть миллион. На фоне провинциальных педиков, собравшихся в доме Феи, он был голубым совсем другого полета, фигурой необыкновенной, но в то же время узнаваемой: люди вроде Шона превращают свою природную дотошность в стиль жизни, и многолетняя выдержка только укрепляет эту дотошность и делает ее окончательно непробиваемой. Джейк знал, что нет ни одной стороны жизни, в которой Шон забыл бы про свою дотошность; он придирался всегда и ко всему — безжалостно и бессердечно, как настоящий бизнесмен. Это английский тип или даже англосаксонский — такие люди чаще всего попадаются там, где на чрезмерную дотошность взирают одновременно с подозрением и благоговейным трепетом. Джейк замечал эту черту и в других людях, добившихся успеха — с некоторыми он был лично знаком, а большинство видел на фотографиях в газетных новостях или по телевизору. Гипертрофированной требовательностью были

наделены некоторые политики, а еще — кинорежиссеры. Возможно, и в Джейке тоже было немного такой дотошности. А может, и нет. У него внутри тоже что-то окрепло и затвердело, но только это было нечто куда более низменное, чем чрезмерная забота о чем-либо. И все-таки в тот день они с Шоном держались парой. Шатались по квартире Феи и отказывались от сладкого шерри, который тут всем наливали.

До Шона новость о болезни Феи дошла таким же окольным путем — через друга товарища по работе его бывшего любовника. Новость проделала долгий путь, но все же Шону повезло, если в данном случае уместно это слово: он застал Фею на смертном одре. Шон рассказал, что от Феи остался один мышиный скелет без мочевого пузыря, едва различимый в складках больничного постельного белья.

— Он был хорошим другом, — вздохнул Джейк. — Не могу себе простить, что совсем с ним не виделся.

Шон кивнул.

— Я тоже.

— Помнишь ту ночь, когда я был с Домино? Я до сих пор чувствую себя виноватым — и не потому, что он был твоим парнем… Ну, то есть,

не то чтобы я был в восторге от этого факта, но по молодости такое иногда случается. — Джейк запнулся, почувствовал, что начал не очень удачно, но Шон кивнул, ожидая продолжения, он понимал. — Что мне на самом деле не дает покоя — даже сейчас — так это взгляд Феи, которым он смотрел на меня, когда застал нас вдвоем и когда я замахнулся на него кулаком. Он просто не мог поверить, что я способен так поступить. Что могу поднять на него руку.

— Ну, что тут скажешь? Ты был засранцем. — Шон улыбнулся, как будто бы Джейк должен был повеселиться с ним вместе по этому поводу. — Но… сколько нам тогда было — шестнадцать, семнадцать?

— Мне — восемнадцать.

— Ну вот, всякий, у кого есть эго, в восемнадцать лет бывает засранцем.

— Засранцем в этом возрасте бывает всякий, кто от природы полное дерьмо, — поправил Джейк. — Вот ты, например, засранцем не был.

Шон отмахнулся: ну ты скажешь.

— Джонни и Фея, во всяком случае, точно не были.

Да, они не были. И вот теперь Фея тоже мертв. Как и Джонни — правда, тот умер уже больше

десяти лет назад. В голове мерно застучало. Разговор приостановился, из его баллона со свистом выходил воздух. Шон первым попытался его поддуть.

— Того, кто убил Джонни, так и не поймали?

Джейк покачал головой.

— Что это вообще было? Кто-то из тех, с кем он знакомился на автобусной станции?

Джейк пожал плечами. Откуда ему знать.

— Какой-нибудь псих?

— Наверняка, — ответил Джейк. — Судя по тому, в каком состоянии было тело Джонни, когда его обнаружила полиция.

Инспектор Грин докурил сигарету и, крякнув, сплюнул целую унцию слизи, после чего пандой поковылял по платформе.

Джейк шел с ним рядом и, оглянувшись, услышал, как инспектор что-то без умолку вещает в оправдание своей идеи.

— Ну да, это было давным-давно. Многие умерли. Так зачем же мне твоя помощь, как ты думаешь? Полиция теперь изменилась, да. Мы больше не бегаем за педиками с хворостиной и библией, как во времена Джона Паскаля. У нас появилось подразделение гомосексуальных связей — я даже сам иногда провожу там

собрания, представляешь? Я — член комитета, координирующего вечеринку «Да здравствует Голубая Любовь», которую они устраивают в барах по всей Деревне. И я мотался по Лондону не потому, что у меня проблемы с гомиками или со спидоносами. Просто я никак не могу разрешить одно конкретное дело. Вот это убийство и еще то, первое. А ты водил дружбу с обеими жертвами, потому я и решил тебя разыскать.

Джонни. Он-то не дотянул до того момента, когда слухи о голубой чуме[30] подтвердились. Его тело нашли разрубленным на куски и брошенным в Колденстолл-мур. А теперь и Кевин Доннелли погиб точно так же, и полиция, похоже, хочет провести повторное расследование. Точнее, не просто хочет, а, что куда хуже, взялась за это всерьез. Старый помятый коп готов отвлечься на несколько дней от основной работы, чтобы снова воспользоваться услугами своего бывшего доносчика. Вот, собственно, и все.

— Вы считаете, смерти Джонни и Кевина Дон-

---

[30] Примечания: 30

В 80-е годы, когда только появился вирус СПИД, эпидемиологи считали, что этой болезни подвержены только гомосексуальные мужчины. Его называли тогда «голубой болезнью» и «раком гомосексуалов», и аббревиатура AIDS (СПИД) появилась позже — только когда обнаружилось, что среди заболевших есть и гетеросексуалы. До этого заболевание носило название GRID (Gay Related Immune Deficiency) — Иммунодефицит Гомосексуалов.

нели связаны между собой? — спросил Джейк.

— Не знаю, — пожал плечами Грин.

— Вы-то свою жирную хренову шею высовывать не собираетесь.

— Думаю, нет, — вежливо ответил инспектор. — По крайней мере, пока.

Джейк остановил Грина у вокзального ограждения и зашипел на него так, чтобы не услышали прохожие, хотя на самом деле ему хотелось орать во всю глотку.

— Долбаная сука, да ты и тогда-то не смог раскрыть убийство Джонни, с чего ты решил, что теперь тебе это удастся?

Инспектора Грина слова Джейка ничуть не смутили. Он освободился от его объятий и пошел дальше, на ходу продолжая говорить все в той же вежливой манере образцового полицейского.

— Все меняется. Эта тепленькая компания старых хре-нов-извращенцев уже у нас на крючке: мы располагаем достаточным количеством улик, чтобы запрятать за решетку их всех. Просто мне не дают покоя болтающиеся хвосты.

— Болтающиеся хвосты? — Джейк буквально наступал Грину на пятки. — Два убийства — это вы называете болтающимися хвостами?

Грин безмятежно топал в направлении стоянки

такси, где уже выстроилась очередь, и примирительно поднял руку, как будто бы на этот раз, так уж и быть, готов был признать, что перегнул палку.

— Ну это просто такое выражение, сынок. К тому же, как их ни называй, они все равно будут болтаться до тех пор, пока кто-нибудь не свяжет их вместе — а я как раз этим и занимаюсь. Размышляю, как это сделать и вообще стоит ли их связывать. А если стоит, то каким боком приладить их к этой истории с Колчестер-Холлом.

Ну вот они и подобрались к этому месту, одного воспоминания о котором довольно, чтобы Джейку стало не по себе — какими бы далекими ни были события тех дней. Он всего на один шаг отставал от Грина, когда они вышли со станции Пикадилли в бледно-серый солнечный свет Манчестера. Поворот дорожки, ведущей к входу в здание вокзала, был поразительно знакомым и одновременно бесконечно далеким — прошлое, вспоминать о котором не хотелось. Уж сколько раз в своей жизни Джейк возвращался на эту станцию, а к такому оказался совершенно не готов. Чего ему больше всего хотелось — он только сейчас это понял, — так это чтобы Грин взял и рассказал все, как есть. Ведь Джейк все это время

ждал, внутренне себя готовил к чему-то, чего так и не произошло.

— Может, все-таки скажете? — решился он наконец. — Вы ведь привезли меня сюда, потому что хотите, чтобы я разыскал Гэри Холлидея?

— Старого наставника Кевина Доннелли? С чего мне могло понадобиться, чтобы ты его искал? Я и сам прекрасно знаю, где он.

У Джейка потемнело в глазах, он так сильно вцепился в ручку сумки, что костяшки пальцев побелели.

— И вы хотите, чтобы я поехал к нему — туда?

— Туда — это в смысле куда? — Грин выглядел озадаченным. — В Колчестер-Холл?

Ну да, куда же еще. Джейк кивнул.

— Так ведь он не там. Мы эту лавочку уже месяц или два как прикрыли. Он в предварительном заключении, дожидается суда. — И тут Грина как будто бы осенила отличная мысль. — Но раз уж ты об этом заговорил, может, и правда его навестишь? Я тебя уже записал на завтрашнее утро. Идет?

Глава восьмая

Джонни ждал его на лестничной площадке. Джейк высунулся из-за двери своей комнаты с джинсами в руке.

— Сколько времени?

— Полдвенадцатого, — ответил Джонни. — Так что пошевеливайся, потаскушка. Думаю, тебе лучше не дожидаться, пока проснется Шон.

Джейк сам это прекрасно понимал и изо всех сил старался попасть ногой в штанину, чтобы поскорее свалить. Характер у Шона был суровый, а оттого, что большую часть времени он это скрывал, было только страшнее. Называйте Джейка трусом, предателем и прочими дурными словами, но лучшее, что он мог придумать, — это слинять пораньше и предоставить Домино одному слушать звон фанфар. Домино продолжал безмятежно спать. Будь у парня хоть немного мозгов, он бы сбежал сразу же, как только обнаружил, что Джейк выбрался из-под простыней и испарился.

— И запомни, — сказал Джонни, — ты мне за это должен целую хренову луну!

Джейк кивнул и выглянул из-за лестничных перил — посмотреть, не шевелится ли внизу кто живой.

— Кто там есть?

— Можешь не беспокоиться, — сказал Джонни. — Ребекка вчера ушла, и за это ты тоже можешь меня благодарить. Ты, наверное, думаешь, что мне вчера, в моем состоянии, больше всего на свете хотелось выставлять из квартиры плачущую девушку, а потом еще целый час слушать, как Шон и Фея рассуждают о том, какое ты дерьмо — да вдобавок ко всему еще этот сумасшедший тинейджер, которого ты подобрал и свалил мне на голову.

— Выходит, меня теперь все ненавидят?

— Да тебя всегда все ненавидели, чувак. И учти, я бы тоже не стал иметь с тобой дело, если бы не нуждался в твоей помощи. Так что давай, мать твою, поторапливайся.

Внизу Фея все еще спал в своей самодельной палатке из одеял. А вот Кевин Доннелли проснулся и сидел посреди кухонных развалин с чашкой чая в руке. И вот такая картина: Джейк и Джонни крадутся к двери, пытаясь улизнуть незамеченными, а Доннелли в это время спрашивает, не хотят ли они чаю.

Джонни прижал к губам палец, чтобы Кевин замолк.

— Если кто спросит, ты нас не видел.

Он схватил свой вещмешок и подтолкнул Джейка вперед — через дверь и в манчестерское утро. Когда они выходили из тенистых сводов подземного перехода под «кресчентами», Джонни спросил:

— Ну и как Домино? Стоил он всей этой каши?

Джонни просто хотел поддеть Джейка. Он отлично знал, что Джейк никогда не говорит про секс. По крайней мере, подробно. Он предпочитал оставаться на уровне абстрактных описаний — тогда Джонни точно ничего не поймет и сразу отстанет.

На этот раз Джейк только мотнул головой. И попытался сменить тему.

— Так зачем ты меня разбудил? Что там еще за помощь тебе понадобилась?

— Три «П»: пиратство, порнография и предпринимательство. — Джейк приоткрыл свой вещмешок и дал Джейку заглянуть внутрь. Мешок был доверху набит кассетами с немецким порно. — Я знаю одного парня, у которого есть оборудование, чтобы все это переписать, и тогда вечерком мы поедем и загоним кассеты.

— Что за парень?

— Да один чокнутый, увидишь. Живет на Элмин-Уолк, вон там. — Джонни махнул в сторону невысоких многоквартирных домов, которыми заканчивался Хьюм.

И несколько шагов спустя:

— Так как там, говоришь, Домино? Он вообще за кого играет — за подающего, за принимающего, за кого?

— Ты когда-нибудь слышал о Маркизе де Саде? — спросил Джейк.

Джонни выпятил глаза.

— Да-а? Ты его отшлепал? А я ничего не слышал.

— Ты о чем?

— Ну, ты же сам сказал: де Сад. Это ведь тот хренов садист, правильно?

— Я просто спросил, слышал ли ты о нем когда-нибудь. Вопрос из категории «Общие знания». Поздравляю, ответ правильный.

Джейку припомнилась история из биографии де Сада, которую тот нигде не рассказывал, разве что только в одном из своих писем. Будто бы он приплачивал слуге за то, чтобы тот каждое утро дрючил его в задницу. История умалчивает, что чувствовал при этом слуга, да и вообще

рассказывается об этом так, будто в подобной просьбе не было ничего противоестественного. Де Сад считал, что это дает ему заряд бодрости на целый день, так что в каком-то смысле эта их забава представляла собой не что иное, как обыкновенную утреннюю зарядку. Насколько было известно Джейку, ни маркиз, ни его слуга не были такими уж явными голубыми. Возможно, старик страдал от болезни простаты и полагал, что таким образом сможет облегчить себе жизнь. Благодаря большому количеству неясностей и интригующих догадок эта история была одной из тех, которые, услышав однажды, запоминаешь навсегда. Но сейчас Джейк вспомнил о ней потому, что все никак не мог понять, как можно начинать утро с полового акта с мужчиной. Когда Джонни прокрался в комнату, чтобы его разбудить, Джейк бросил беглый взгляд на юношу, лежащего рядом с ним в постели, и больше всего на свете захотел как можно скорее выбраться из-под одеяла.

— Я знаешь, почему спросил? — напомнил о себе Джонни. — Потому что лично мне старик Домми показался очень даже ничего, когда мы с ним перепихнулись.

Джейк захохотал.

— И ты еще называешь меня засранцем?

— Разница в том, что я это проделал очень галантно. Шон ничего не узнал. И Домино уж очень сильно хотел — ну что мне было делать?

— Что мы вообще можем с этим поделать? Весь Манчестер хочет с нами переспать.

— Да, тяжело это, — вздохнул Джонни.

Тяжело, а они все равно летают, как птицы. И почти всегда чувствуют себя невероятно. Ну нет, не от секса — в этом надо признаться. А просто от осознания того, что еще ни разу не видели человека, который бы их не захотел.

Они перешли через дорогу имени Генри Ройса,[31] обогнули обтянутое сеткой поле для мини-футбола и вот уже показался вход в Элмин-Уолк. Почему-то здешние квартиры считались немного более респектабельными, чем жилье в «кресчентах». Поднимаясь по лестнице, Джейк сказал, что ему всегда было интересно, как живет

[31] Примечания: 31

Сэр Генри Ройс (1863–1933) — один из двух основателей компании «Роллс-Ройс», первый завод которой был построен в Манчестере в 1904 году.

другая половина.[32] Джонни остановился у входа в двухэтажную квартиру, которая со стороны выглядела повеселее, чем жилище Джейка. Снаружи она была обита деревом — немного похоже на деревенские домики в Блэкпуле.

Джонни еще раз напомнил Джейку, что парень не в себе и с ним надо поаккуратней.

— Его зовут Джанк.

— Джанк? Он что, на игле?

Джейку не понравился такой поворот событий. Возможно, где-то и водились гламурные героинисты — этакий закрытый клуб, в котором Уильям Берроуз делится своими наркоманскими познаниями с Джонни Тандерсом. Но из тех торчков, которых знал Джейк, поэты и музыканты получались никакие. Подозрительное наблюдение: он никогда в жизни не слышал ни об одном героинисте, который любил бы танцевать — пожалуй, государству стоит выделить стипендию на научное исследование этого факта.

— Да нет, он не торчок, — успокоил Джонни. — Просто его зовут Джон Ки. Ну, помнишь, как в той

---

[32] Примечания: 32

Ссылка на известные слова Ф. Рабле о том, что одна половина мира никогда не поймет другую. Так же («Как живет другая половина») называется книга американского реформатора Джейкоба А. Риса, посвященная исследованию жизни в многоквартирных домах Нью-Йорка.

песне «Зе Фолл»: «No Xmas For John Quay».[33]

Может, это был и не торчок, но у парня, который открыл им дверь, стопудово имелись проблемы. Шесть футов костей, которые не пойми на чем держатся, и никакой головы сверху, только стена из жирных волос. Не промолвив ни слова, он повернулся и повел их вверх по лестнице, ведущей в его квартиру. Джейк еще не успел подняться, а парень уже убежал в самую дальнюю комнату. Джонни шел по лестнице вслед за Джейком и подгонял его:

— Давай-давай, за ним.

Комната Джанка была набита телевизионными мониторами, расставленными по полкам складских стеллажей. Окон не было, комната освещалась только мерцанием телеэкранов — быстро сменяющиеся цвета наплывали друг на друга и зависали в воздухе туманной мглой. Джанк сел перед самодельной панелью управления — микшерским пультом — и уставился прямо перед собой. В целом его поведение производило такое впечатление, как будто бы перед вами был человек, который ни за что не оторвется от рабочего графика, кто бы там ни пришел,

---

[33] Примечания: 33

«А для Джона Ки — никакого рождества» *(англ.)* — песня с альбома «Totale's Turns» группы The Fall.

но Джейк не мог с уверенностью сказать, что в данный момент делает Джанк и вообще — видит ли он хоть что-нибудь, потому что лицо его было полностью закрыто волосами.

Когда Джанк наконец заговорил, обнаружилось, что у него сильный манчестерский акцент:

— Оставьте их у меня. Придете завтра, все будет готово.

Бывает такой тип голоса: когда его слышишь, кажется, что человеку глубоко наплевать на все на свете. Возможно, в случае с Джанком так оно и было в действительности. Джейк, по крайней мере, не представлял себе, какая у этого парня может быть цель в жизни.

Джонни сбросил сумку с плеча на микшерский пульт.

— Извини, смена графика. Я встречаюсь с клиентами сегодня вечером. Сделаешь?

Джанк заглянул в сумку и пересчитал кассеты. Он шевелил губами, но не слышно было ни слова, пока он не спросил.

— Так сколько, говоришь, надо копий?

Джонни достал из заднего кармана накорябанный карандашом список, хорошенько разгладил и протянул Джанку. Тот взял листок и поднес к свету от ближайшего монитора. Когда он отвел

от лица волосы, чтобы прочесть, что написано на листке, Джейк увидел у него на месте одного из глаз рваную дыру.

Такое зрелище, да еще спозаранку — это было сильнее Джейка.

— Мать твою. — Он в ужасе отвернулся.

Слова еще не успели слететь с его губ, как он уже от греха подальше отступил на шаг в сторону — кто знает, как отреагирует этот чокнутый.

Но Джанк только пробормотал: «Извини» — и протянул руку за повязкой, которая лежала на краю пульта. Он нацепил резинку на голову, и она так сильно прижала волосы, что теперь сверху они плотно прилегали к черепу, а внизу торчали из-под резинки как черная от грязи швабра.

Джанк еще несколько секунд шевелил губами, делая подсчеты, и наконец сказал:

— О'кей, в полдевятого. Но на «бетамаксы»[34] сегодня все записать не смогу, не хватит чистых кассет.

— Хреновы фрицы, — кивнул Джонни. — У них

---

[34] Примечания: 34

Стандарт видеозаписи, разработанный компанией Sony еще до появления популярного стандарта VHS. Так и не получил широкого распространения, поскольку Sony требовала у компаний, выпускающих видеофильмы, слишком большие лицензионные отчисления. К тому же на кассеты «бетамакс» умещалось в два раза меньше записей, чем на кассеты VHS, а стоили «бетамаксы» дороже.

все только на Ви-эйч-эс. Не врубаются, что за «бетамаксом» будущее.

Джанк согласился.

— Может, остальные на Ви-эйч-эс?

— Ладно… Хотя, если честно, сомневаюсь, что тебе удастся загнать так много кассет в этом формате.

Джонни сказал, что покупатель у него уже есть.

— В восемь тридцать, — бросил он, прежде чем направиться к двери. А потом, когда они уже скользили по лестничным перилам, добавил: — Надеюсь, к тому времени я разживусь деньгами, чтобы за них заплатить.

Торговый центр «Арндейл» был весь в рождественском убранстве: от яруса к ярусу тянулись ленты серпантина, над центральным вестибюлем раскачивались на тридцатифутовых проволоках звезды, эскалаторы подмигивали гирляндами из волшебных огоньков. Не было никакой общей темы или цвета, а сияющие мраморные полы только усиливали впечатление от всего этого рождественского перебора. Джейк и Джонни разделились еще на улице, на Маркет-стрит, так что с яркими ощущениями приходилось справляться поодиночке.

Джейк проехал на эскалаторе мимо «Смитс»,[35] рядом с электронной табличкой, на которой из технотронно-зеленых букв складывалась фраза «Веселого Рождества». Несколько лет назад под этой табличкой продавались самые разные пластинки, но все больше синглы-миньоны. Понятное дело, среди них были «Крафтверк» и Гари Ньюман, но также и неизвестные группы, которым тоже хотелось вовремя подсуетиться и закинуть удочку в будущее — «Зе Полис» или «Зе Тьюбс». Теперь же альбомы под рождественской табличкой заранее выглядели слегка просроченными. Как будто бы даже Рождество будет в этом году какое-то позапрошлое: наравне с пост-футуризмом — все те же пост-панк, пост-нью-вейв, пост-мод и ска. Пост-все. Пост-канун Рождества.

На другом эскалаторе Джейк спустился к дверям магазина одежды «Венера». Магазин располагался внутри какого-то архитектурного излишества на нижнем этаже торгового центра, так что случайно на него наткнуться было просто невозможно. Казалось, будто управляющие торговым центром проанализировали направление потока покупателей и слишком поздно сообрази-

[35] Примечания: 35

«Смитс» — сеть однотипных книжных магазинов компании «У.Х. Смит» (W.H. Smith), одна из самых крупных в Великобритании.

ли, что в один угол совершенно никто не заходит. Тогда они подумали: «Замуровать!», потому что все равно ничего путного из этого не выйдет. Теперь к их промашке добавили свою лепту еще и рождественские декораторы: праздничного блеска в этом месте было ощутимо меньше — этакая рождественская проплешина на фоне всеобщей сияющей волосатости торгового центра. Удивительно, что «Венера» все равно выглядела не менее театрально-гомосексуальной, чем вся эта рождественская мишура. Но Джейк не потому так сильно сюда рвался. Просто он обожал покупать себе одежду. И даже хорошо, что Джонни решил провернуть рождественскую охоту на кошельки в одиночку.

Продавщица магазина «Венера», девушка по имени Клэр, окликнула Джейка, едва он открыл дверь.

— Ты один?

Она как будто бы удивилась.

— Да, — ответил Джейк, но не стал рассказывать, чем занят Джонни. — Он, может, заскочит позже, не знаю. Если не поймают.

Джонни хотел, чтобы Джейк ему помог: чтобы отвлекал покупателей, пока он будет рыться у них в сумках.

— Очень заманчиво, — ответил ему Джейк. — Дай-ка подумать.

И послал его куда подальше.

— И какого хрена я тебя сегодня разбудил? — возмутился Джонни. — Надо было бросить тебя там и посмотреть, как ты будешь выкручиваться.

Клэр взгромоздилась на высокий стул у прилавка, позади витрины, в которой были разложены ремни, металлические браслеты и распятия. Они с Джейком хорошо знали друг друга. Она работала в «Венере» почти все будние дни и на время обеденного перерыва начальника оставалась в магазине одна. Больше всего ей нравилось сидеть на высоком стуле — видно весь магазин и удобно дотягиваться до магнитофона. Там сейчас как раз начиналась песня группы «Софт Селл».

Клэр повернулась, чтобы сделать музыку чуть погромче, и спросила:

— В «Пипс» завтра идете?

Джейк кивнул. На прошлой неделе диджей ставил несколько старых панк-дисков, так что, пожалуй, неплохо будет нарядиться панком: килт, муслиновая рубашка с чересчур длинными рукавами, штаны с ремнями и молниями и новые ботинки. Наверное, лучше не «Доктор Мартине»,

а обезьяньи — более молодежные и стильные.[36] Главное — чтобы ничего такого в духе поклонников ой-панка[37] и фанатов «Эксплойтед» — всех этих немытых ребят в заклепках из их чокнутой армии.[38] Никто не должен подумать, что Джейк собирается отныне так выглядеть всегда: он слишком дорожил своей репутацией в области стиля.

Он прошелся, повиливая бедрами, по магазину, просмотрел вещи, висящие на плечиках, но так и не нашел ничего подходящего. Похоже, магазин решил сделать ставки на глэм[39] — если, конечно, не считать их постоянного ведьминского ассортимента в стиле Сьюзи Сью, такие вещи носило большинство девчонок. На Клэр, например, был черный топ из искусственной лакированной

---

[36] Примечания: 36

Monkey boots — «обезьяньи ботинки» были популярны в среде панков и скинхедов 60-х годов. Внешне они немного напоминали «Доктор Мартинс» — такая же грубая, рабочая обувь. Но покрой у них был проще (немного похоже на покрой кедов) и стоили они дешевле.

[37] Примечания: 37

Oi — направление панк-культуры, призванное уравнять понятия панка и молодежи рабочих кварталов. Ой-панк вначале назывался «уличным панком», и большое влияние на это направление оказала культура скинхедов. Называние «oi» предположительно взято из названия песни группы «Cockney Rejects» «Oi! Oi! Oi!». («Oi» — словечко из диалекта кокни, простонародная и немного вульгарная форма обращения, вроде нашего «эй!». Кроме того, с помощью междометия «oi» английские кокни выражают удивление и недовольство.)

[38] Примечания: 38

Ссылка на песню «Чокнутая армия» («Barmy Army») британской трэш-группы «Exploited». Песня вошла в их первый альбом «Punks Not Dead» 1981 года.

[39] Примечания: 39

Глэм-рок — направление в музыке, популярное в Великобритании и крупных городах США в 70-е годы. «Glam», сокращенно от «glamorous» — эффектный *(англ.).* Стиль глэм-рока выделялся не столько музыкальными особенностями, сколько яркими костюмами и театрализованными выступлениями. Глэм-исполнители одевались в андрогинные наряды, расшитые блестками и перьями, и пользовались броским макияжем. Самым ярким представителем глэм-сцены начала 70-х был Дэвид Боуи.

кожи на шнуровке и пурпурная юбка вся в лохмотьях. Ее волосы, того же оттенка, что и юбка, были склеены в отдельные тонкие пряди.

— Вы с Джонни все так и живете вместе? — спросила она.

— Да, — ответил Джейк. Интересно, зачем ей это? — Ты что, размышляешь над тем, можно ли нас разлучить?

Он нарочно задал вопрос игривым тоном, и теперь Клэр, кажется, покраснела. Трудно было сказать наверняка, поскольку на лице у нее лежал слой белой пудры в дюйм толщиной. Рядом с прилавком висела пара штанов из золотой парчи, похожих на те, в которых Игги Поп сфотографирован на обложке альбома «Raw Power».[40] Джейк подошел и взял штаны. Приложил к талии и разгладил на ногах, рассматривая себя в зеркало.

— Может, эти?

— Да, тебе пойдут, — сказала Клэр. — Какой там размер? Джейк посмотрел на бирку.

— Двадцать восемь. Пойду померяю. — И по дороге в примерочную обернулся: — Слушай, Клэр, а у тебя нет ничего из Игги?

Клэр отвернулась и провела пальцем по полке

---

[40] Примечания: 40

«Грубая сила» *(англ.),* альбом «Iggy & The Stooges» 1972 года.

с кассетами, висящей над прилавком.

— «The Idiot»?[41]

Джейк помотал головой.

— Нет. Что-нибудь более раннее.

Ее длинный черный ноготь еще раз пробежался по корешкам кассет.

— Не-а. Может, «TV Eye»?[42]

— А, есть? Давай, поставь «Dirt».[43]

Безнадежно грязный звук этой концертной записи многих отпугивал, но у Джейка «TV Eye» был одним из самых любимых альбомов — в нем слышалось такое отчаяние! Неприятный факт: на всем альбоме на клавишах играл Дэвид Боуи, но, к счастью, ничего похожего на фирменный стиль его игры там не было. Как-то пару недель назад Джейк надрался и решил, что, возможно, Боуи и вправду талантлив — может быть, даже как музыкант, но больше все-таки как аранжировщик. Вот только когда он начинает записывать поверх инструментов свой голос, все сразу идет

---

[41] Примечания: 41

«Идиот» *(англ.),* сольный альбом Игги Попа 1977 года.

[42] Примечания: 42

«Теле-глаз» *(англ.),* концертник Игги Попа 1977 года, выпущенный в 1978 году.

[43] Примечания: 43

«Грязь» *(англ.).* Песня с альбома «TV Eye».

наперекосяк.

Клэр промотала кассету вперед, до начала нужного трека. Джейк разделся в кабинке за занавеской, втиснулся в узкие штанины и застегнул молнию на ширинке. Когда песня началась, его голая спина появилась из-за занавески: он стоял перед зеркалом и вращал худым белым торсом: вроде как смотрел, хорошо ли сидят штаны сзади, но на самом деле хотел продемонстрировать парочку выкрутасов из арсенала Игги.

— Ой, да, очень хорошо сидят, — сказала Клэр.

— I been dirt and I don't care,[44] — сказал Игги.

Джейк настроился на волну этого голоса: когда слушаешь его, понимаешь, какой мощью наделяет человека безрассудство. Похоже на что-то из «Паттона»[45] или «Генри V».[46] Наверное, эту черту правильнее всего назвать бесчувственностью: Игги словно бы накручивает себя, окунаясь все глубже и глубже в будничную череду своих

---

[44] Примечания: 44

«Я веду себя паршиво, и мне плевать» *(англ.).*

[45] Примечания: 45

Джордж Паттон, генерал американской армии, герой Второй мировой войны. На основе его биографии в 1970 году снят художественный фильм «Паттон».

[46] Примечания: 46

Художественный фильм Лоренса Оливье 1944 года, первая полнометражная экранизация трагедии Шекспира.

пороков. Джейк выгнул спину и с важным видом прохаживался туда-сюда, по-петушиному выпятив грудь — точь-в-точь, как это делал Игги.

— Ну, что скажешь? — спросил он. — Лучше без рубашки?

— Ты прямо так пойдешь в «Пипс»?

— Хм, я еще никогда не появлялся на людях полуголым. Как думаешь, прокатит?

— Смотря на кого ты хочешь произвести впечатление.

Ответ был: *на всех.*

— Ну вот если, например, на тебя? — спросил он.

Клэр поджала губы, слегка откинула назад голову — поза, в которой следовало бы слегка притоптывать ногой, будь это мультфильм. Ее не так-то просто было обдурить — этим она и нравилась Джейку.

— Ну не знаю, — сказал он. — Пожалуй, сниму.

Одеваясь, он выкрикивал из-за занавески свою идею насчет наряда в стиле панк, а Клэр ее сама себе переводила.

— То есть ты хочешь выглядеть изящно и чисто

— типа по духу ты мод,[47] но одет как панк?

Джейк задумался и решил, что, пожалуй, да, именно так. Клэр предложила ему зайти в «Рокси»: она слышала, что у них в подсобке еще осталось немного вещей из старой коллекции «Бой».

— Угу, — кивнул Джейк. — Может, потом зайду. Надо дождаться Джонни.

— А вот он, — сказала Клэр.

— Здорьво, — заорал через весь магазин Джонни.

— Здорьво, — ответила ему Клэр.

— Как дела?

Вскоре Джонни уже задергивал за Джейком занавески кабинки.

— Ты там достаточно непристойно выглядишь? — Он подмигнул и раскрыл пакет магазина «Вулвортс» так, чтобы только Джейку было видно, что лежит внутри. А внутри лежало штук пять кошельков.

Джейк был впечатлен, но умудрился говорить шепотом.

---

[47] Примечания: 47

Модизм — стиль, зародившийся в конце 50-х в Лондоне и распространенный вплоть до 60-х годов. Главными жизненными ценностями модов провозглашались мода и музыка. В отличие от пришедших им на смену панков, моды всегда выглядели очень чистыми и ухоженными.

— Ты что, с ума сошел? Хочешь, чтобы тебя со всем этим загребли?

— Ну ты и тупой, — зашипел Джонни в ответ. — Я затем сюда и пришел — закрыться в примерочной и все спокойно рассортировать.

— Почему бы тебе не воспользоваться для этого общественным туалетом, как делают все нормальные карманники?

— Потому что тогда бы я точно попался — если бы вел себя так же, как все они. Подвинься.

Джонни уже совсем было влез в кабинку вместе с Джейком, но Клэр крикнула:

— С пакетами нельзя!

Джейк с шорохом выбрался из-под занавески.

— Ладно, я уже все. — Золотые штаны висели у него на плече.

— Что он там делает, с пакетом и без одежды?

Джонни перебросил пустой пакет через перекладину кабинки.

— Ну так дай же мне что-нибудь примерить! — воскликнул он.

— Я — его стилист, — сказал Джейк.

Он выбрал узкое красное платье и пару босоножек на платформе. Платье перекинул через перекладину, а босоножки затолкал под занавеску.

— Ну вот, Джонни. Заставь нас плакать от восхищения.

— Спасибо, — ответил Джонни.

— Слушай, Джейк, — крикнул он через несколько секунд, разобравшись, что за одежда ему досталась, — Я все хотел спросить, ты что — педик или как?

Но когда он, танцуя, вышел из кабинки, вещи были на нем. Платье болталось на груди, а пятки на дюйм свисали из босоножек, но в целом все очень даже подошло. Джонни покачиваясь прошелся от одного конца магазина к другому и обратно.

— Вот он, истинный я.

— Ты обрел свободу, чувак, — сказал Джейк.

Джонни спросил, сколько это стоит.

Клэр сложила вместе две цены, получилось тридцать фунтов.

— А туфель побольше нет?

Она пошла в подсобку посмотреть нужный размер, а Джонни тем временем вернулся в кабинку и ногой затолкал груду пустых кошельков под занавеску, чтобы их не было видно.

Клэр вернулась с босоножками большего размера, и Джонни тут же их натянул.

— Пожалуй, возьму только туфли.

Пока он переодевался обратно в свою одежду, Клэр спросила, что Джейк решил насчет брюк.

— Может, возьму, — ответил он. — А где твой начальник? У него сейчас вроде обед?

Клэр медленно кивнула.

— Но он с минуты на минуту вернется, — сказала она.

Джейк тоже кивнул. Она знала, о чем он хочет спросить.

— Может, тогда я их просто возьму, ты не против? У меня сейчас с деньгами туговато.

Клэр прикусила губу.

— Ладно. Только спрячь под курткой. А то еще увидит тебя на эскалаторе.

Это случилось на эскалаторе. Джонни залез в сумку к какой-то женщине, но тут лестница эскалатора выровнялась, женщина шагнула вперед и почувствовала, как натянулся на плече ремешок сумки. Джонни оттолкнул ее и со всех ног бросился вперед. Джейк шел немного позади, он тоже хотел было побежать, но женщина успела его схватить. Секунды через три, не больше, Джейк изловчился дернуться так сильно, что женщина его отпустила. Он видел, что происходящее напугало ее до смерти, но она все равно ни за что не хотела его отпускать.

Чтобы догнать Джонни, потребовалось еще пять минут. Тот промчался через два вестибюля, помотался по рядам крытого рынка и остановился, только когда оказался на пятом этаже соседнего здания.

Джейк согнулся пополам, он еле дышал.

— Какого хрена ты добиваешься? — выдохнул он.

— Ну ведь ты убежал, правильно? — Джонни тоже с трудом переводил дух, но уже рылся в карманах в поисках сигарет. Он прислонился к перилам и над головой у него было только синее небо, а в голове — свежий ветер.

— Я убежал? — воскликнул Джейк. — Да мне чуть не пришлось ей вмазать, чтобы вырваться! Никогда больше так не делай.

Он наконец разогнулся, подошел к Джонни и выхватил у него из руки сигареты.

— Зараза.

— Ну ладно-ладно. Извини. Но денег мне все равно не хватает. — Джонни швырнул на пол пакет из «Венеры». — Не надо было покупать эти долбаные туфли!

Хорошо еще, что Джонни их не надел — а ведь собирался. Далеко бы они убежали, ковыляй он на каблуках. Джейк достал сигарету, зажег ее и

швырнул пачку обратно Джонни.

Какое-то время они молча стояли над Хай-стрит, и ждали, пока сигареты начнут оказывать свое расслабляющее действие. Джонни от них пока только повело на рассуждения.

— И вообще — при чем тут я? Это ведь не твоя рука была у нее в сумке. Мог бы просто стоять там и делать вид, что не знаешь меня. Кто тебя заставлял бежать?

Джейк расстегнул пуговицы на пальто. Вокруг талии у него были намотаны штаны Игги.

— Как бы я объяснил это охране, если бы меня решили обыскать?

Хорошо еще, что они не размотались на бегу. В какой-то момент Джейк почувствовал, что они с него сползают.

Джонни изумленно уставился на штаны.

— Ты их украл? Что же ты и туфли заодно не прихватил?

Джейк мог ошибаться, но Джонни, похоже, всерьез расстроился. А может, просто устал. Он отвернулся и посмотрел через перила в сторону небоскреба Радио Пикадилли — автобусная станция «Чорлтон-стрит» была сразу за ним.

— Сколько времени? — спросил он, помолчав.

Джейк был без часов. Где-то середина дня.

— И что мне теперь делать? — вздохнул Джонни. — Продавать свою задницу?

— Ага, давай, только смотри не продешеви. Пятьдесят центов — нормальная цена.

— Буду перехватывать тех, кто идет с работы.

Они пошли через Пикадилли-Гарденз в сторону Деревни и почти всю дорогу молчали. Джейк уже слышал, как с шипением подкатывает депрессия, а дизельный запах автобусов и тени нависающей над головой многоэтажной стоянки делают этот звук еще более невыносимым. К счастью, Джонни не нужно будет торговать задницей в буквальном смысле. Если все пойдет по плану, он просто обработает вручную парочку парней, даст себя потискать на заднем сиденье машины и, может быть, пустит в дело рот или, наоборот, позволит кому-нибудь отсосать у него. По крайней мере, не придется работать в одиночестве: вон Кевин Доннелли уже стоит на своем привычном месте, у лестницы, ведущей на стоянку, поближе к мужскому туалету.

Джейк кивнул мальчику и едва заметно ему улыбнулся, а потом повернулся к Джонни.

— Ну, ладно, тогда до вечера.

Глупая идея, конечно, но, может, надо было предложить Джонни свою помощь? Хотя ведь

он сам не просил, да и страшно было представить, как можно заниматься подобными вещами прежде, чем настанет вечер пятницы. Они договорились встретиться позже в «Добром дне». Джонни надеялся появиться там уже через пару часов.

— Ты съездишь потом со мной на эту их вечеринку? Поможешь сбагрить кассеты?

— Конечно.

Джейк прошел переулками к черному ходу «Доброго дня», но там оказалось закрыто. Для начала он постучал, а потом толкнул дверь и вошел. В конце коридора стоял Леди-Добрый-День и говорил по телефону. Джейк постучал еще раз — на этот раз по лестнице. Леди-Добрый-День посмотрел в его сторону и помахал рукой.

Официально паб открывался минут через сорок пять, поэтому внутри пока было пусто, только в углу сидел одинокий постоянный посетитель да на лавке спал один из барменов. Поскольку Джейк вошел через черный ход, он оказался по другую сторону бара. Нырнув под стойку, он дожидался, пока Леди-Добрый-День договорит по телефону. Подпирая головой выкрашенную под дерево меламиновую кромку прилавка, Джейк пытался припомнить, когда в последний раз ви-

дел Леди-Добрый-День без женского платья и без грима. Сейчас хозяин паба был во всем мужском: в огромной, свисающей до колен футболке и с сеткой на голове, которая прикрывала его прическу в стиле Бобби Чарльтона.[48]

Добрый-День положил трубку и спросил:

— Это кто тут у нас такая ранняя пташка?

— Ты бы, наверное, оделся, если бы знал, что я приду? — спросил Джейк.

— Если бы я знала, что ты придешь, я бы, наоборот, разделась! — Леди-Добрый-День подмигнул так энергично, что, казалось, лицо у него набито пружинами.

— Теперь с тебя причитается. «Бакарди» с колой.

Добрый-День постучал по стойке тыльной стороной ладони, его кольца прозвенели как рассыпавшиеся монеты.

— Гони наличку, или томись от жажды.

Мужчина и женщина в одном лице, Добрый-День считал, что за себя всегда нужно платить

---

[48] Примечания: 48

Известный английский футболист (род. в 1937 году, пик славы пришелся на 60-е годы). Чарльтон довольно рано начал терять волосы и, отказываясь с этим смириться, долгое время зачесывал остатки шевелюры на лысину. Когда Чарльтон бежал забивать очередной гол, волосы смешно развевались на ветру. У нас такую прическу называют «внутренний заем».

самому. Свод законов у него был точь-в-точь как в манчестерской торговой палате, а пользовался им Добрый-День так же грубо и размашисто, как и косметикой. Оплату совсем необязательно было производить по наличному расчету — Добрый-День никогда и не притворялся неподкупным.

— Конечно, ты можешь отработать. Кажется, у меня осталось одно незанятое местечко. — При этих словах он снова подмигнул. Толстяк, строящий из себя раболепствующую кокетку — зрелище так себе.

— Дай мне «Бакарди» с колой, — спокойно сказал Джейк. Деньги у него сегодня были.

Сидя за стойкой и глядя, как в бар постепенно стекаются офисные служащие, он мог наконец подумать о своем разговоре с констеблем Грином. Если отбросить в сторону все его дурацкие истории и притянутые за уши аналогии, Грин прямо и без обиняков дал Джейку понять, чего хочет: он честолюбив и, пока полицией управляет Паскаль, будет ему подыгрывать. Сидя за пустым столом в комнате для допросов, он говорил так:

— Буду с тобой откровенен, сынок, мне нужно кого-нибудь засадить. В Манчестере семь тысяч полицейских, и, если я буду сидеть и плевать в потолок, один из этих ублюдков займет мое ме-

сто. Ну а с тобой все типа наоборот… Я предлагаю тебе возможность именно сидеть и плевать в потолок. Подскажи мне, кого засадить, или сядешь сам — уж об этом я позабочусь. Подумай.

Скоро Джейк кого-нибудь сдаст — и все ради безумной веры Джона Паскаля в Ад и Спасение и ради карьеры— констебля Дэйви Грина. Судя по тому, как складываются дела, его первой жертвой может стать даже Джонни. Не то чтобы Джейк не мог себе представить, как такое возможно — предать друга. Переспал же он этой ночью с Домино — что это, как не предательство? Как только он попадется на глаза Шону, развернется нереальная драма, в которой Фея и Ребекка будут исполнять эпизодические роли пострадавших. Изобразить из себя невинную овечку не получится, ведь Джейк прекрасно понимал, что делает. Дело в том, что, будь это всего лишь двухминутный перепих, он, возможно, устоял бы перед соблазном и остался чистеньким. Позже, когда его предательство станет совсем уж необъятным, он не сможет просто так загладить всю эту историю, смыть ее со своих рук. В ней будет слишком много измен, чтобы от них можно было так легко очиститься… дело зайдет уже слишком далеко, ничего нельзя будет исправить.

Добрый-День все еще был не одет и неряшливой домохозяйкой в футболке и тренировочных штанах метался между пивными помпами.

— Как тебя называть-то, когда ты вот так одет? — спросил Джейк.

Хозяин бара кокетливо провел рукой по волосам и вразвалку подошел к Джейку.

— Во что бы я ни был одет, все равно я леди. Породу не скроешь.

— Тебе мало быть просто педиком? Обязательно надо еще и выряжаться черт знает как?

— Крик необузданных желаний, золотце, — объяснил Добрый-День.

— Хренов крик о помощи — вот что это.

Отличная уловка: разыгрывать эффект и шик, зная, что на самом деле спираль времени уже несет тебя вниз. Единственной спасительной соломинкой была мысль о том, что в этом бесповоротном падении вниз и только вниз тоже есть свое очарование — окончательное и безнадежное. Ступив на эту дорогу, ведущую вниз, ты обрекаешь себя на погибель, и нет такой силы, которая могла бы тебя спасти. Джейк готов был предать кого угодно и утверждать, что особая прелесть есть в каждом таком предательстве. Но на самом-то деле он прекрасно понимал:

по-настоящему привлекает его лишь то, что с каждым предательством он опускается все глубже в бездну. А констебль Грин лишил его и этого последнего утешения, пообещав: «Заложишь другого — спасешься сам». Их сделка прервала бесповоротное падение Джейка, вернула его обратно все в тот же мир — подлый, твердозадый, небезнадежный — у него не хватало прилагательных, чтобы этот мир описать. Весь последний год Джейк сознательно превращал свою жизнь в одну большую катастрофу. Но, возможно, все это не для него. В ту минуту в центре «Арндейл», когда женщина держала его за руку, а Джонни убежал далеко вперед, у Джейка все крутилось в голове: «Я не имею к этому никакого отношения. Я просто, мать вашу, проходил мимо».

Констебль Грин четко дал ему понять: лично он ни на кого зуба не держит. Он вообще думает, что это дурацкая затея.

— Вам, детишкам, хочется поиграть в педиков — пожалуйста, играйте на здоровье.

Он не поддерживал Андертоновой борьбы за нравственность и был уверен, что Джон Паскаль — просто-напросто очередной лицемер и подхалим. Грин не верил в то, что кто-нибудь воспримет их крестовый поход всерьез.

Джейк заказал еще «Бакарди». Напрасно Грин сомневается в серьезности происходящего. Дело может принять очень серьезный оборот — по крайней мере, Джейк сделает для этого все возможное.

Глава девятая

Инспектор Грин подпрыгивал, сидя на краю одной из кроватей, как будто бы дело происходило на фабрике «Сламберленд»,[49] где он работает главным испытателем прыгучести. Он никак не мог просечь идею номера с двумя односпальными кроватями.

— Если вон ту убрать, сколько места освободится! — кивал он на кровать напротив. — Не понимаю.

В чем-то он был прав. Непонятно только, почему у него такой разочарованный вид. Может, он надеялся побарахтаться на водяной постели или обнаружить в номере джакузи?

В голосе Грина наконец слышалась неуверенность — впервые с тех пор, как он уселся в такси к Джейку и принялся с патриотической гордостью расхваливать Манчестер. Сейчас он как будто бы даже о чем-то призадумался, а вот по дороге в отель это был не человек, а прямо-таки рекламная феерия, шоу одного актера. Взгромоздившись на одно из откидных кресел такси, он сопровождал

---

[49] Примечания: 49
Английская фабрика по производству матрасов.

каждую перемену в центральной части города своим личным непрекращающимся комментарием. Если Джейк выказывал малейший признак удивления, Грин тут же хватался за него, как хватаются в зале суда за допустимые показания. Так было, например, на первом же светофоре, когда на перекресток выехал новенький трамвай и покатил в сторону Пикадилли-Гарденз.

Теперь, из гостиничного окна, Джейк мог заново рассмотреть трамвай. Он наблюдал за тем, как вагоны змейкой проползают по замысловатому повороту в виде буквы «S» и вливаются во всеобщий транспортный поток на Сент-Питерс-сквер, и старался не замечать Грина с его кроватным анализом.

— Так, ну что ж, — заключил тот наконец. — Вроде удобненько. Да ты быстро придешь в себя, голову только пониже опусти.

Джейк промолчал. Во рту до сих пор оставался кисловатый привкус рвоты.

— Что это с тобой было-то? Припозднившийся шок, что ли?

— Все в порядке.

— Это ведь ты не из-за того, что завтра у тебя встреча с Холлидеем?

Джейк помотал головой.

— Нет. Съел что-то не то.

Это произошло в такси, по дороге от станции «Пикадилли». Джейк вдруг почувствовал прилив слюны и крикнул водителю, чтоб тот остановил. Как раз вовремя. Он едва успел согнуться над обочиной, как его вырвало чашкой горького кофе. Больше в желудке ничего не было. Расположившись в отеле, Джейк еще чувствовал некоторую слабость, но в общем было намного лучше. Он продолжал во все глаза смотреть в окно спальни, пытаясь зарядиться энергией Манчестера третьего тысячелетия так, чтобы его при этом не стошнило.

Он повернулся к инспектору Грину.

— А это что?

Грин проследил за взглядом Джейка, устремленным далеко, в сторону Лауэр-Мосли-стрит.

— Вон то? Да это уже лет сто как построили.

Там, где раньше стоял заброшенный центральный вокзал, теперь возвышалось здание из арматуры и стекла со стальной сводчатой крышей. Снаружи развевались флаги, обещавшие целый сезон «Золушки на льду». «Заказывайте билеты заранее! Развлечение для всей семьи!» Никому бы не пришло в голову рекламировать семейные ценности шестнадцать лет назад, когда

Джейк, подрабатывая проституткой, укрывался под полуразрушенными сводами вокзала. Он поступал каждый раз одинаково: высматривал себе клиента на Чорлтон-стрит и вел его по улицам до большого зала станции. И там, в суете парковки, клиент покупал себе билет на коротенькое — всего каких-то несколько минут — путешествие на «эротическом экспрессе».

— А вон там, рядом с ним — новый концертный зал «Халле».

Грин подошел к окну и, встав рядом с Джейком, показал куда-то далеко вправо, на еще один высокотехнологичный корабль мечты.

— Открыли всего полгода назад, и уже, говорят, приносит прибыль. Эти хреновы лейбористы в муниципалитете свое дело знают.

Джейк посмотрел в сторону здания, напоминавшего уменьшенную версию оперного театра на площади Бастилии. Симпатичная постройка, яркая картинка на небесном полотне. Возможно, у нее тут роль двойного памятника: Новому Манчестеру и Новым лейбористам. Насколько Джейк успел разглядеть в пути, пока к горлу не подступила тошнота, в городе много чего перестроили. По крайней мере, косметический ремонт провели чуть ли не по всему Манчестеру — вряд

ли будущее лейбористское правительство сможет проделать такое по всей стране. И все-таки концертный зал тут как-то не к селу. Это же Манчестер, а не Париж. А этот вид из гостиничного окна — Джейк ведь прекрасно его знает. От Сент-Питерс-сквер вниз по Лауэр-Мосли-стрит должна тянуться полоса урбанистического запустенья. Они с Джонни всегда ходили этой дорогой домой, когда жили вместе.

— А «кресченты» где же? Их отсюда должно быть видно.

— Их теперь на хрен ниоткуда не должно быть видно, потому что все эти крысиные норы посносили.

Джейк во все глаза уставился в окно: ведь должна же на том месте остаться хотя бы какая-то дыра, пунктирная линия на месте того, что было здесь в прошлом.

Он почему-то продолжал сжимать в руке огромный бумажный платок, который дал ему водитель такси, чтобы вытереть рот. Он скомкал платок, прицелился в мусорное ведро под туалетным столиком и попал, с первого броска. И чего это его так вывернуло? Никак не ожидал от себя такого — и до сих пор теряется в догадках, почему это произошло. Едва их машина отъехала

от вокзала, как Грин тут же начал составлять план предстоящей полномасштабной экскурсии по городу. Джейк пытался вежливо отказаться: «Спасибо, не надо» — уж он как-нибудь справится сам. Но от инспектора Грина просто так не отделаешься. Тошнота подкатила к горлу, когда первая половина экскурсии была уже позади и они объезжали временные ограждения, которые окружали центральную часть города, сильно пострадавшую от взрыва. Кто бы мог подумать, что спустя полгода после взрыва тут по-прежнему будет такая разруха? Как будто бы кто-то прорубил на пересечении Кросс-стрит и Корпорейшн-стрит дыру размером в два футбольных поля, да еще заодно отхватил кусок торгового центра «Арндейл».

— Охренеть, да? — снова заговорил Грин. — Долбаные ублюдки из ИРА, устроили такое дерьмо в Манчестере! Да тут ведь половина города — ирландцы.

Взрывом задело даже Хлебную биржу. Когда они подъехали к стальному каркасу ремонтных лесов на здании, Джейк попросил водителя притормозить. Он хотел посмотреть, что осталось от «Пипс». Пятнадцать лет назад это был самый большой ночной клуб на севере Англии. Вмонти-

рованный в подземные погреба Хлебной биржи, он тянулся чуть ли не на целый квартал. Теперь над ним возвышалась груда камней. Взрывом у старого здания снесло купол, он перевернулся в воздухе и с грохотом опустился на прежнее место. Остальные части постройки были в таком плачевном состоянии, что казалось, будто она просела под тяжестью собственного купола.

Примерно тогда Джейк попросил водителя остановиться — и его вывернуло. Что-то такое его накрыло — ощущение беспомощности и злости одновременно. А полгода назад он испытал еще более грандиозную смесь ощущений: политические игры, Манчестер и Ирландия с ее безумным восприятием религии. Джейк ненавидел ИРА за то, что она сделала — не просто взорвала Манчестер, но подгадала под «Евро-96»,[50] когда центр города был наводнен не только обычными покупателями, но еще и болельщиками из Чехии и Германии. Джейк тогда смотрел по телевизору экстренные включения новостных программ и видел, как повсюду мечутся люди с окровавленными головами и как их укладывают на носилки. Это было ужасно, даже хуже, чем просто ужасно.

---

[50] Примечания: 50

Чемпионат Европы по футболу 1996 года, проводившийся в Великобритании.

Теперь, полгода спустя, он снова наблюдал результат деятельности ИРА. И все равно не чувствовал в себе сил их осуждать. Так уж его воспитали. ИРА — это католики, а Джейк до сих пор считал, что католики чересчур недалекие, чтобы испытывать хоть какое-то чувство ответственности. Если их и мучила совесть, то только до тех пор, пока какой-нибудь сельский священник не отпускал им все прегрешения. С чего все началось? С ольстерских юнионистов, развязавших войну, в которой обе враждующие стороны выглядят настоящими психопатами и ведут себя соответствующим образом, с потворствующего им консервативного правительства, с преподобного Йена Пейсли[51] и кучи дерьма, которую он, словно шлейф, повсюду таскает за собой; с безумства и злобы людей, предавших свою веру. А замыкал цепь все тот же Паскаль с его религиозной войной. Пошатываясь, с гудящей головой, Джейк выбрался из такси на тротуар и выдавил из себя еще немного кислятины — казалось, на этот раз вывернуло его легкие. Да неужто чувство отчаяния по-прежнему имеет над ним

[51] Примечания: 51

Политический и церковный лидер в Северной Ирландии. Основоположник и глава демократической юнионистской партии, образованной в 1970 году.

такую власть? И что же, вырываясь на свободу, оно всякий раз будет прикрываться религией? Ну нет, с религией покончено.

Джейк говорил Грину, что не надо провожать его до гостиницы. Он не настолько плох, чтобы не справиться со своим единственным багажным местом. Но Грин заверил Джейка, что его это совсем не затруднит. Все равно он давно хотел посмотреть, какими стали комнаты отеля «Мидленд» после переустройства. Раньше все как-то не доводилось попасть внутрь. Грин поймал взгляд Джейка и сказал:

— И когда это, интересно, я буду селиться в четырехзвездных отелях? Я же, мать твою, здесь живу!

Комната была… да обыкновенная была комната — точно такая же, как во всех отелях «Холлидей-Инн». Даже бесплатный туристический справочник на прикроватном столике — все как везде. На обложке, под словами «Добро пожаловать в Манчестер» красовался футуристический набросок еще одного трамвая — обтекаемого электропланера, пулей вылетающего со станции Пикадилли. Джейк взял справочник и нашел расписание транспорта с дорожной картой и перечнем пересадок. Сверху через всю страницу

протянулся знакомый с детства девиз: «Что в Манчестере уже сегодня… в остальном мире только завтра». В справочнике город представал немного более совершенным, чем в описании Грина, но и тут между строк звучала та же огнеметная уверенность. Может, эта штука заразна? Вот только Джейк — не самый подходящий человек, чтобы ее подхватить. Он ведь сам, считай, не из Манчестера: и родился в другом месте, и прижился тоже не здесь. Можно попробовать прокатиться на трамвае, но лучше, наверное, взять машину в «Хертц». Хотя, возможно, пора экономить, хватит бросаться деньгами направо и налево.

Грин сидел на корточках перед телевизором и, листая руководство пользования кабельным телевидением, пытался настроить ящик на порноканал. Джейк пресек его попытки.

— Я за это платить не буду.

— А я думал, ты — великий транжир: ездишь первым классом, останавливаешься в шикарных отелях.

Джейк был готов платить за удобство, но не собирался тратить деньги впустую. Он не стал утруждать себя попытками объяснить это Грину, а просто открыл мини-бар и достал оттуда бутылку минеральной воды — смыть кислый

вкус, который остался во рту после рвоты. Полюбовавшись две секунды умоляющим лицом Грина, Джейк позволил ему выбрать миниатюрный «Блэк лейбл» и отошел в сторонку, чтобы дать инспектору поиграть с устройством для приготовления льда. Из-за дверцы мини-бара раздался такой звук, что можно было подумать, будто игральный автомат выплачивает джекпот.

— Ты правда ничего этого еще не видел? — спросил Грин, не вынимая головы из бара.

Да, Джейк ни разу не возвращался в Манчестер.

— Я знаешь, почему спрашиваю? У тебя совсем не осталось акцента.

Правда, не осталось. Теперь по его речи можно было понять только то, что он не из южной Англии — а откуда, даже и не скажешь.

— У меня был манчестерский акцент только те полтора года, что я здесь жил.

— Так ты не из Манчестера? — Грин перестал заниматься льдом и высунул голову из-за дверцы, похожей на дверцу холодильника. Насколько Джейк мог оценить взгляд инспектора, в нем было либо истинное изумление, либо что-то очень близкое к этому.

— У меня тут родственники, — сказал он, по-

жав плечами. — Но настоящим манчестерцем я никогда не был.

— А, ну да, наверное. — Грин задумчиво вертел в руке пластиковый стаканчик с виски. — И откуда же ты?

— Из Колденстолла.

— Правда? Из этого городка овцеводов-зоофилов в Пеннинах? Я и не знал. — Грин так жадно приложился к виски, что лед забарабанил по зубам. — А надо было догадаться. Ты такой злобный — кем тебе еще быть, как не йоркширцем.

— Колденстолл — это уже почти и не Йоркшир. До границы каких-то четыре мили.

— Знаю, — кивнул Грин. — Я там был в прошлом месяце — ездил на золотую свадьбу Джона Паскаля. Представляешь, я даже никогда не знал, что он женат, но когда увидел его жену, понял, почему он ее скрывал. Если бы мне сказали, что у нее есть близнец, я бы не удивился. Она — выпитый Артур Скаргилл.[52] А в остальном праздник в общем-то удался. По крайней мере, Паскаль на один вечер забыл о том, что он трезвенник, и слегка нажрался.

Когда виски в стакане кончился, в руке у Грина

---

[52] Примечания: 52

Артур Скаргилл — политический деятель, лидер британской социалистической рабочей партии.

появилась еще одна мини-бутылочка.

— Я вообще-то так и не понял, чего ему вздумалось после отставки перебираться туда. Ну, в смысле, конечно, Манчестер уже не тот, что при Андертоне, но уж в этом-то Колденстолле, насколько я понял, живут одни хиппи, поэты, телепродюсеры и однополые парочки, строящие из себя счастливые семьи. Никогда бы не подумал, что Паскалю может понравиться в таком месте.

Да, богемно-либеральный процент населения в Колденстолле и в самом деле был довольно высок. Но и исконные черты городка не исчезли полностью. Колденстолл возник как место привала вьючных ослов и теперь достаточно было сковырнуть ногой верхний слой чернозема, чтобы обнаружить под ним нетронутый Север, погрязший в религиозном фанатизме, брошенный в жернова вересковых пустошей Пеннин. Такое ничем не сотрешь — по крайней мере, не корзинками из африканской соломки и не разноцветными майками хиппи.

— Он туда не после отставки перебрался, — сказал Джейк. — У него всегда был дом в Колденстолле. Он там родился.

— А, да? — Грин засунул руку обратно в шкафчик для льда, набрал целую горсть кубиков и

бросил их в стакан. — Я знал, что он из Йоркшира. Андертон выписал его из Брэдфорда, когда Паскаль стал там начальником полиции.

Грин пальцем помешал виски, позвякивая льдом и вороша в памяти какую-то старую историю.

— Ты ведь слышал байку об одном старом йоркширце — ну, о том, у которого умирала жена? Она, короче, лежит в постели, он задернул шторы, зажег свечи и теперь сидит и ждет, пока она помрет. Ну, она, понятно, уже еле дышит, но все-таки находит в себе силы прошептать: «Тебе необязательно сидеть тут со мной, ты же знаешь». А он ей: «Нет, дорогая, ты была мне хорошей женой, я тебя не оставлю». Но она ведь видит, что ему не терпится свалить, вот и говорит ему снова: «Я знаю, что у тебя много дел, ступай». Он отвечает: «Ну да, дорогая, там еще полку надо прибить, но ты была мне хорошей женой, я тебя не оставлю». Через десять минут он начинает беспокойно вертеться, и жена говорит: «Ступай, любимый. Тебе необязательно сидеть здесь со мной, ты же знаешь». Йоркширец начинает загибать пальцы: «Ну да, надо еще накопать картошки, и старые ворота совсем развалились, но ты была мне хорошей женой, я тебя не оставлю». Так продолжается

долгое время: она все шепчет, чтобы он уходил, а он в нетерпении бродит взад и вперед по комнате, но уходить отказывается. В конце концов он подбирается к двери и начинает топтаться у самого порога — ему уже совсем невмоготу. «Ну ладно, дорогая, — говорит он наконец. — Ты меня убедила. Только пообещай мне одну вещь». «Конечно, — шепчет она в ответ. — Какую?» «Пообещай мне, что, когда почувствуешь, что отходишь, слегка приподнимешься и задуешь свечу. Чего ей гореть впустую».

Грин широко осклабился. Прополоскав рот виски, он спросил.

— Ну, как тебе?

Джейк вежливо улыбнулся. А звали их, видимо, Иаков и Сара. Одно из двух: либо это еврейская история, переродившаяся в образец ланкаширо-йоркширского шовинизма, либо подлинный местный текст, нацеленный на йоркширских протестантов, чья новая библейская добродетель бережливости хорошо подходила к их старозаветным именам.

— Вы ведь никогда не воспринимали Паскаля всерьез? — спросил Джейк.

— Я его всегда воспринимал как йоркширского засранца. — Грин прикончил уже и второй ста-

кан виски. — А во всю эту религиозную мутотень, понятно, не верил.

— Когда я учился в школе, он был у нас директором, — сказал Джейк.

— И что, интересно, он делал как директор школы? Следил за тем, чтобы ученики не сбились с пути истинного и не подхватили где-нибудь всякой там новомодной дарвинистской хрени — так, что ли?

На самом деле у Паскаля была тогда только одна странность: при любом удобном случае он устраивал утренние собрания. По меньшей мере раз в семестр урывал возможность сыграть роль светского проповедника — это не считая разных спортивных праздников, церемоний вручения наград и рождественских служб. Конечно, Рождество не было бы Рождеством без выступления высокопоставленного полицейского, орущего на тему распущенности современной эпохи. Джейк мог бы про это рассказать. Но он бросил только:

— Прямо в точку.

— И видишь, все не зря. Религиозность — твоя вторая натура.

Грин посмотрел все, что хотел, и собрался уходить. Накорябав номер в блокноте на прикроватном столике, он сказал Джейку, что увидится

с ним завтра…

— Непременно поспи. Ты должен быть в форме, если хочешь вытянуть из Холлидея что-нибудь новенькое.

И уже в дверях Грин вдруг обернулся, как будто бы эта мысль только сейчас пришла ему в голову:

— Кстати, знаешь, от тюрьмы рукой подать до Колденстолла. Может, заедем, остановимся где-нибудь выпить или вроде того? Я там видел парочку пабов, с виду очень даже ничего — типа им уже триста лет и все такое. Ездил на золотую свадьбу к Паскалю и задумался: что-то я давненько не бывал в этих краях. — Говоря все это, Грин кивал, а тут вдруг отрицательно помотал головой. — Что ж, ничего удивительного. В последний раз мне там весело пришлось — приделывал бирки к кусочкам твоего друга Джонни. Мы его в таком виде нашли — до сих пор мороз по коже, как вспомню. Ну, в общем, давай, отдыхай…

Джейк пожалел, что уже не держит в руке сумку. Один точный удар Грину в бок — и от бутылочек с виски, которыми инспектор набил себе карман, осталась бы одна стеклянная пыль.

Глава десятая

Вернувшись в свой «кресчент», Джонни остановился в холле и крикнул:

— Есть кто-нибудь?

Фея был в ванной, мыл голову и, по-видимому, не услышал. Но Джейк и Шон сидели каждый в своей комнате и оба откликнулись. Они не разговаривали только друг с другом.

Минуту спустя Джонни уже проталкивался в дверь к Джейку и интересовался геополитической обстановкой в квартире. Джейк рассказал, что инцидент с Домино по-прежнему не исчерпан и он, Джейк, пребывает во внутренней ссылке. Последние несколько часов он провел у себя в комнате — лежал на кровати и читал «Диких мальчиков».[53]

Джонни поморщил нос.

— Если планируешь сидеть здесь взаперти, постирал бы одеяло.

— По-твоему, оно воняет? — Может, одеяло и воняло, но Джейк этого не заметил.

— Да как чертова задница!

---

[53] Примечания: 53
«The Wild Boys», роман Уильяма С. Берроуза (1914–1997).

Джейк приподнял уголок одеяла и принюхался. Хитро прищурив глаз, он сделал вид, будто до него только начинает доходить, в чем дело.

— А, ну конечно! Я понял. — Он понюхал еще раз. — Все дело в том, что это тебе кажется, что воняет мое одеяло. А на самом деле воняешь ты! И как раз — задницей! Как там она, кстати, хорошо поработала, мальчик-потаскушка?

Хорошо ли, плохо ли, но нельзя сказать, чтобы Джонни сиял *om joie de la viva*.[54] Зато у него с собой был вещмешок, значит, все-таки удалось заработать достаточно, чтобы оплатить услуги видеозаписи.

— Ты уже готов? — спросил Джейк.

Джонни кивнул.

— Только ополоснусь. Все идут?

В девять часов Джонни подбил всех на то, чтобы вместе с ним поехать продавать кассеты. Он поклялся, что к двенадцати ночи они уже вернутся — и смогут попасть в «Поли диско». Не хватало только Кевина Доннелли.

Фея сидел на лестнице с парой железных щипцов, которые он воткнул в розетку у нижней ступеньки, и мучительно прожигал себе дорогу

---

[54] Примечания: 54
Радость жизни (смесь *фр.* с *ит.).*

сквозь толстый слой геля и лака — строил на голове бешеный начес. Половина была уже готова, и казалось, что у Феи вместо волос небольшая рифленая крыша. Прежде чем перейти к челке, он остановился и спросил у Джонни, будут ли они ждать Кевина. Джонни посмотрел на часы и сказал, что вряд ли. С этим парнем что-то не так — никак не может перестать работать.

Если не считать химической вони от паленых волос Феи, дышать в квартире стало намного легче. Шон все еще злился, но, с тех пор как Фея взял на себя роль дипломата, положение Джейка улучшилось. Речь больше не шла о тотальной и беспредельной ненависти. Он мог даже попросить взаймы фен, карандаш для глаз, да что угодно — и не получить за это по морде.

Правда, в такси по дороге в Олдэм Фее пришлось сесть посередине, потому что Шон отказался сидеть рядом с Джейком. Возможно, Джейку вообще нужно было пересесть на переднее сиденье, но Джонни настоял на том, что рядом с водителем сядет он. Джонни сжимал между коленями свою здоровенную сумку, полную порнофильмов, и ему требовалось дополнительное пространство.

Когда машина въехала в город, Джонни обернулся и спросил, знает ли кто-нибудь из них

Олдэм, потому что водитель определенно не знает.

— Я знаю, — сказал Фея.

— Да? — Джейк изобразил заинтересованность. — И как там у них со старичками?

Дом стоял в самой середине каменного ряда викторианских вилл, сбегающего по склону холма. Пока Джонни платил по счетчику, мальчики ждали его на обочине, и Джейк почувствовал себя как-то стремно. Дело было не только в том, что Фея опять с ног до головы окатывал его *своим froideur.*[55] Хотя и в этом, конечно, тоже было мало веселого. Последним проскользнув в ворота и продравшись сквозь ограду из кустов бирючины, Джейк уже не сомневался в том, что начинается один из тех мучительных вечеров, в которые он чувствует себя нелепой, неуклюжей размазней. Над темным стеклом входной двери висел венок из остролиста, и, разглядев среди листьев и ягод свое отражение, Джейк подумал, что видит перед собой индюшку, которую вырядили для рождественского пира.

Встретивший их человек показал мальчикам, где повесить пальто. Джейк хорошо запомнил эти

---

[55] Примечания: 55
Холодок, отчуждение *(фр.).*

лицо и усы и сразу узнал вчерашнего долговязого — одного из тех двух клонов, которые разговаривали с Джонни в пабе «У Бернарда». Сегодня на нем были темно-синяя рубашка с желтым галстуком, полосатые носки и красные кроссовки. Видимо, футболку и джинсы долговязый считал костюмом для выхода в свет, а для сегодняшнего случая предпочел стиль «домашняя вечеринка».

Джейк вытер ноги, повесил свое кроличье пальтишко куда было велено и, ежась от волнения, проследовал за остальными по коридору. Непонятно, зачем Джонни понадобилось тащить их всех с собой, ну да ладно, плевать. Самое главное сейчас — это постараться сохранять спокойствие.

В тесной кухне в дальнем конце дома обнаружилось еще пятеро мужчин. Они сидели за столом и так радостно улыбались своим недоеденным тарелкам, что их можно было принять за группу полковников из комедийного сериала. Под бумажными коронами, найденными в хлопушках, скрывались стрижки ежиком, а улыбки, с которыми они ничего не могли поделать, у всех пятерых были оторочены совершенно одинаковыми усами. Как будто склеенными из конского волоса.

Любовник того парня, что встретил их у двери, пошатнувшись, поднялся из-за стола.

— Дэйви, может, пойдем в комнату? Тут все не уместятся. — И, обернувшись к мальчикам: — Вино, пиво, бренди?

Среди остатков ужина стояло несколько открытых винных бутылок, но возле раковины были и непочатые, еще с фольгой на пробке. Богатством выбора воспользовался один только Фея — он предпочел банке «Карлсберга» вино. После этого все они пошли обратно к входной двери, а оттуда — направо, в гостиную.

Несмотря на свои наряды, дом хозяева оформили с маниакальной заботой о сочетаемости оттенков. Стоящая в эркере рождественская елка была главным элементом интерьера, но нарядили ее по возможности скромно: на ветках висели золотые игрушки и красная мишура — и больше никаких цветов. В целом обстановка в комнате была довольно безвкусной, хотя и уютной. Композиция из ландышей на телевизоре смотрелась там чересчур громоздко, но Джейк догадался, что обычно она стоит на столике в эркере. Пройдет Двенадцатая ночь,[56] и ландыши вернутся на

[56] Примечания: 56

Двенадцатая ночь — католический праздник, отмечаемый 6 января.

свое место у окна — укрывать комнату от взглядов соседей.

Пока остальные подтягивались с кухни, Джейк уселся в углу. Более мелкий из хозяев подпрыгивал на заднем плане и кричал, чтобы включили музыку. Когда она заиграла, Джейк плотно сжал губы и постарался не смотреть ни на что определенное. Между ним и акустическими системами, где-то высоко над головой повисла плотная пелена из Джуди Гарленд и ее «Someone To Watch Over Me».[57]

Некоторое время спустя Фея застал Джейка на лестничной площадке второго этажа: воровато озираясь, тот стоял у дверей спальни. Чтобы открыть дверь, ему пришлось совсем чуть-чуть надавить на нее кончиками пальцев. Внутри обнаружилась отделка от Лоры Эшли и антикварная мебель из сосны. Стены были усеяны мелкими голубыми цветочками, точно такие же сбегали на пол по складкам подобранного в тон покрывала. По обеим сторонам от кровати располагались одинаковые деревянные тумбочки: на одной — книжка, очки для чтения и будильник, на другой — фоторамка в форме сердца. На фото-

---

[57] Примечания: 57
«Тот, кто меня бережет» *(англ.).*

графии хозяева дома стояли на морском берегу спиной к фотографу, бок о бок и рука об руку, в одинаковых плавках, и, обернувшись через плечо, радостно улыбались.

Джейк почувствовал себя неловко.

— Туалет был занят, я ждал, пока освободится.

— Там был я, — ответил Фея.

Фея не видел ничего предосудительного в том, чтобы немного полюбопытствовать. Он уже просунул голову в дверь и присвистнул от восторга.

— Мило тут у них, да? А ванную ты видел? У них там такие, знаешь, бамбуковые жалюзи на окнах и над ванной здоровенный фикус! — Фея показал рукой, какой высоты был фикус — фута в три. — Вот такущий. А кухня! Видел, какая там старинная печка?

— Называется «Ага».[58]

— Точно. Фил говорит, что на ней можно нагреть воды на целый дом. А заметил, как у них в кухне уютно?

На взгляд Джейка, тесновато.

---

[58] Примечания: 58

Печка «AGA» была изобретена в 1922 году шведским физиком, нобелевским лауреатом Гюставом Даленом. Владельцы частных домов в Великобритании активно пользуются такой печкой с 1929 года. Особая конструкция позволяет печке после растопки оставаться горячей целые сутки — и почти целые сутки на ней можно продолжать готовить пищу.

Оказывается, Фея шарил по дому легально: у него было на то личное разрешение хозяев.

— Дэвид и Фил обещали попозже мне все тут показать… Знаешь, сколько у них спален?

— Три, — кивнул Джейк.

— Ты что, уже посмотрел?

Нет, не смотрел. Просто догадался. Все дома вроде этого были одинаковыми. Если бы Джейк заметил тут лестницу, ведущую на чердак, то понял бы, что комнат не три, а четыре. И чего это Фея так восторгается? Как будто бы никогда в жизни не видел ничего подобного. А впрочем, он ведь дитя муниципальных кварталов — наверное, и в самом деле не видел.

Джейк направился к освободившейся уборной.

— Встретимся внизу.

Фея упустил из виду еще две вещи, которые были у этих парней в ванной: фотографию Пэт Феникс[59] с автографом и стопку книг рядом с унитазом. Толстенный сборник быстрых кроссвордов, наполовину разгаданный; сборник комиксов про Снупи; фотоальбом пятидесятых годов с изображениями мускулистых парней — правда, не такие уж эти парни были и муску-

---

[59] Примечания: 59

Патрисия Феникс, британская актриса (1924–1986).

листые, и не такие уж голые, но что поделаешь, тоже часть культурного наследия. Посмотрев на себя в зеркало над умывальником, Джейк отметил, что, пожалуй, выглядит уже не таким взволнованным и неуклюжим. Судя по тому, как складывается вечер, это всего-навсего провинциальный рождественский праздник — только чуть-чуть извращенный. Нужно просто немного потерпеть — и все закончится. Внизу шесть баритонов соглашались друг с другом в том, что да, эта девица — шлюха.

Спустившись по лестнице, Джейк свернул налево — обратно в кухню, к пивным запасам. Он думал, что там никого нет, и, когда из-за двери появился Шон, нервно кивнул.

— Я только хотел…

Шон догадался, чего он хотел. Он протянул Джейку банку, черты его лица как-то расплылись и вместе с тем заострились — Шон был пьян.

— Держи, засранец. — Шон замолчал и насмешливо улыбнулся. — Ничего себе местечко, да? Может, сделать обложку для журнала «Идеальный гом»? Стиль «Как у нас в деревне».

— А спальню ты видел? — спросил Джейк.

Шон громко вскрикнул — его уже сильно повело от алкоголя. Он не только видел спальню,

но и подробнейшим образом ее запомнил. Если бы Дэвиду и Филу когда-нибудь пришлось предстать перед Нюрнбергским трибуналом за преступление против стиля, у Шона был готов целый список обвинений. Джейк смеялся, но не очень-то разделял его ожесточенность. Лично он просто никак не мог настроиться на уютную волну этого дома и поэтому держался немного настороже. Шон же, похоже, воспринял здешнюю атмосферу уюта как-то чересчур болезненно. Даже вся принятая анестезия не помогала.

— Нет, ну как ты думаешь, какого черта они так выдрючиваются? Гребаные домовитые гомосеки — поют под Джуди Гарланд так, как будто это им гимн регби-клуба, и кувыркаются под этой, на фиг, Лорой Эшли с ее долбаными розочками.

Джейк с щелчком вскрыл банку, приладился губами к отверстию и попытался вспомнить, видел ли он когда-нибудь Шона таким пьяным. И уж с Шоном-то можно быть уверенным: он не станет надираться только потому, что выпивка бесплатная — это, как и многое другое, просто не в его стиле.

— Прям какое-то телешоу «Посмеемся вместе». Парень-гомосек в своем пре-прекрасном-пригородном домике.

— Шон, чего ты так разошелся?

— Я — пидор! Какого хрена устраивать из этого цирк?

Ну уж нет, в Шоне определенно не было ничего смешного. Он так напился, что даже начал буянить: плеснул вина себе в бокал и заодно залил всю печку. От горячих конфорок повалил винный пар — пролитое вино закипело и растворилось в воздухе.

Шон принюхался и взглянул на этикетку.

— «Ламбруско», мать их.

Он вылил содержимое бутылки в раковину. Мыльная вода, приготовленная для мытья посуды, окрасилась в кроваво-красный цвет.

В кухне была дверь, ведущая в небольшой садик. Джейк попробовал ручку, дверь открылась и с улицы подуло зимой.

— Не хочешь выйти проветриться?

Шон подошел к двери, вгляделся в темноту за дверным проемом.

— Если у них там в саду гномы, то эти парни просто конченые придурки.

Джейк щелкнул зажигалкой. Перед ними предстал аккуратно прополотый коридор узкого сада, дальний край которого был усажен голыми деревцами. Каждое растение было заботливо

укутано, чтобы перестоять зиму и дождаться весеннего освобождения.

Шон пошатываясь вывалился наружу.

— Я ошибся с изданием. Журнал «Гом и сад».

Джейка пробрал озноб от ночного воздуха. Он предоставил Шону одному бродить по саду, а сам остался на пороге. Там его и нашел Фея. Он подошел сзади и спросил, что это творится с Шоном.

— Он подавлен, — ответил Джейк.

— Ему следует пройти в комнату отдыха. — Фея постарался как можно более шикарно произнести две последние буквы «о». — Все танцуют. Он мог бы показать кое-что из своих танцев.

Джейк вышел из зоны холодного воздуха и, ритмично покачивая бедрами, двинулся по коридору на звук шести мужских голосов, которые распевали: *«We are D-I-S-C-O. We are D-I-S-C-O.».* Сквозь дверной проем он увидел, что гости Дэвида и Фила выстроились в кружок и тычут пальцем в потолок в едином, чисто мужском диско-порыве.

Джонни стоял в сторонке перед телевизором и сворачивал пустой вещмешок — сделка состоялась. Звук был выключен, и на экране с молчаливой страстью трахались двое мужчин: на одном из одежды был только шлем космонавта, на другом — носки. Определенно, порно

придумали мужчины и для мужчин. И с тех пор, как отпала неприятная необходимость высчитывать, чем бы таким привлечь к экрану женщин, порноиндустрия бросилась во все тяжкие. Когда Джейк смотрел гетеросексуальное порно, ему всякий раз бывало не по себе: в задумке режиссера обязательно чувствовалась какая-то звериная грубость. А снимать мужчину с мужчиной — тут уж не грех вздохнуть свободно и дать себе волю. С мужчинами можно делать все, что душе угодно — и совершенно не париться по этому поводу. Джейк уперся взглядом в экран, сосредоточив на нем все свое внимание и отгородившись от звука стереосистемы.

Джонни посмотрел на него.

— Джейк… Чувак, ты в порядке?

Джейк мигом вернулся на землю.

— Да… Был где-то не здесь.

Джонни ткнул большим пальцем в сторону телевизора.

— Перед этим была классная вещь — жаль, ты пропустил. Разносчик газет приходит за своими рождественскими чаевыми, а мужик стоит там в халате и говорит: «А как тебе это?» — Джонни сделал вид, будто раскрывает полы халата, указал глазами себе на ширинку и игриво приподнял

одну бровь.

— Много продал?

— Все. Те, которые заказали Фил и Дэвид, и еще хренову кучу их гостям. Наверное, будут дарить друзьям на Рождество. Беспроигрышная затея. Такое ведь больше нигде не достанешь. — Джонни сунул пустую сумку под мышку и начал строить планы на будущее. — В следующий раз надо взять побольше американских. В немецких у всех такой вид, как будто они все делают по плану. У янки получается куда веселее.

Хорошее жесткое веселье. Такое, для которого еще нужно набраться храбрости — иначе не пропрет. Веселье без какой-либо трансцендентальной цели и без конца. То самое веселье, о котором поет Игги Поп в своем «Funhouse», в «Funtime» и даже в «No Fun».[60] Если бы потребовалось назвать основное занятие Игги, то вот ответ: жесткие поиски жесткого веселья — такого, о котором всегда поется безнадежно-тяжелыми прописными: «ВЕСЕЛЬЕ». В мире, которому нет конца, аминь.

— Можем валить? — спросил Джейк.

Джонни кивнул — пожалуй, да.

---

[60] Примечания: 60

«Дом веселья», «Время веселья» и «Ничего веселого» *(англ.).*

— А Шон и Фея?

— Они на заднем дворе, — ответил Джейк. — Вызывать такси?

Джейк вешал трубку, когда Джонни вернулся со стороны кухни.

— Машина будет через две минуты. Они готовы?

Джонни помотал головой.

— Фея остается. Поедем только мы с тобой.

— А что же Шон?

— Он был в саду. Фея сказал, они потом возьмут тачку на двоих.

Джейк забеспокоился.

— Ты разговаривал с Шоном?

— Нет, но Фея говорит, что доставит его до дома невредимым.

Джейк посмотрел в сторону кухни, Фея стоял в конце коридора и махал им рукой. На лице его пока сияла улыбка, но вот как оно будет, когда Шон обнаружит, что его бросили…

— Подождем на улице? — спросил Джейк.

По дороге обратно в Манчестер Джейк уже не мог думать ни о чем другом, кроме как о «спиде», который собирался купить, как только они снова окажутся в Деревне. Джонни сидел рядом и говорил о придурках, с которыми ему пришлось

иметь дело днем.

Он тряхнул головой.

— От одного воняло тухлой рыбой. Я спросил у него, почему, а он сказал, что каждую субботу заготавливает себе недельный запас сэндвичей с рыбным паштетом. Заготовит — и потом всю неделю не парится по поводу того, чем пообедать.

Джейк слушал достаточно внимательно, чтобы в нужный момент сказать:

— Во дает…

— Ну! — ответил Джонни. — К счастью, его голова находилась в таком месте, что мне можно было не беспокоиться о том, как он воняет.

— Ты хоть помыться потом не забыл?

— Спрашиваешь! Слушай, а у этих парней туалет-то! — Джонни махнул головой в сторону заднего стекла — туда, где вот-вот должен был скрыться из виду Олдэм. — Джунгли на хрен какие-то!

Такси завернуло за здание «Дейли экспресс», и Джонни поинтересовался, что Джейк думает о Кевине Доннелли. Когда Джонни уходил со станции, заработав достаточно, чтобы оплатить услуги видеозаписи, парень все еще работал.

Джейк пожал плечами. Просто несчастный

мальчик.

— А чего он с нами сегодня не поехал? — спросил он. Настала очередь Джонни пожать плечами.

— Привык жить только так и не представляет, что бывает что-то другое. Не знаю… Может, когда я его позвал, он не поверил, что я всерьез. А может, ему просто нравится зарабатывать деньги.

— Может быть, — кивнул Джейк. Интересно, сколько заработал Джонни на этом дельце с кассетами? У него-то самого была одна десятка с мелочью — не хотелось бы, чтобы это стало помехой его веселью. — Он, кстати, говорил, что встретил какого-то знакомого, которому тоже нужно кое-что переписать.

— Какого еще знакомого?

— Не знаю… Друга или постоянного клиента — что-то вроде того. Я сказал ему, что мог бы это устроить — за определенную плату.

— Ты уверен, что там не будет ничего незаконного?

— Ну, вряд ли он решил переписать фильм «Бэмби», правда?

— «Белоснежка и семь сексуальных гномиков».

— «Тысяча и одно феллацио».

Машина скользила вдоль южной стороны Пи-

кадилли-Гарденз — там, где заканчивают свое путешествие все ночные автобусы Манчестера. Было уже почти двенадцать, но автобусы отходили от станции полупустыми. Уезжать домой только потому, что закрываются пабы, — непростительная глупость. Ночь с пятницы на субботу — время сборов: люди собираются в кучи, не забыв перед этим собрать рюкзак с зубной щеткой. Толпы гетеросексуалов бодро шагали по унылому саду,[61] все в одном и том же направлении — в сторону дискотеки «Роттерс» на Оксфорд-роуд. Они называли поклонников «Роттерс» ротти-ротвейлерами за то, что те наперекор зиме шли на дискотеку в майках без рукавов и с голыми ногами. От обморожения их спасало лишь выпитое спиртное. Хорошо, конечно, что они так полны страсти, но только изливают ее куда-то не туда. Пока такси дожидалось возможности свернуть налево, Джейк рассмотрел цвет ног девушек-ротти: ноги были красные, белые и голубые под глазурью фальшивого загара. Ротти было так много, что водителю пришлось пробираться

[61] Примечания: 61

В 80-е годы Пикадилли-Гарденз уже нельзя было назвать садом («Гарденз» — сады *(англ.)).* Если прежде (годов до 60-х) это был красивый, ухоженный парк с клумбами и скамейками, то теперь от него осталась только так называемая «пешеходная зона»: просто небольшой невеселый островок скошенной травы.

сквозь них как через отару овец, не снимая руки с клаксона. Впереди уже возвышалось здание автобусной станции «Чорлтон-стрит». Еще секунда — и вот они снова в Деревне, у входа в «Добрый день».

Джонни сразу занял место у стойки, а Джейк потащился в глубь зала, спрашивая всех, не видел ли кто дилера. Знакомый мальчик отправил его на улицу: он видел, как Пауло разговаривал с кем-то у входа в рыбную забегаловку. Джейк помахал Джонни, произнес одними губами: *«Я на минутку!»* — и вышел из паба.

В забегаловке у входа на автовокзал была целая толпа: очередь тянулась вдоль всего прилавка и еще столько же от конца прилавка до двери. На выступе под витриной рядком сидели мальчики-проститутки и о чем-то болтали над промасленными бумажными пакетами с рыбой и жареной картошкой. Ближе к концу витрины пристроился Кевин Доннелли, его рука двигалась от пакета ко рту и обратно так, словно это был железный кран-хваталка в игровом автомате. Услышав, как Джейк спрашивает у мальчиков, не видел ли кто Пауло, Кевин поднял голову. Джейк ему кивнул.

Парень с рыжими волосами сказал, что Пауло

будет через минуту. Джейк решил подождать. Он присел на карниз рядом с Кевином, и тот вдруг шепнул ему на ухо:

— Тебя искали.

— Кто?

— Тот коп. — Пауза. — Ну, помнишь, вчерашний.

— О господи! — Джейк поднял глаза к небу и пробежал взглядом по крышам домов напротив. — Чего он хотел?

— Сказал: «Пускай не зевает». — Слова были переданы без прикрас, со стенографической точностью. — Он что, против тебя что-то имеет?

Джейк помотал головой.

— Не знаю.

В конце улицы Джейк наконец заметил Пауло — тот пробирался сквозь толпу у автобуса на Бирмингем, пошатываясь на своих высоких каблуках. Джейк поднялся.

— Время веселья.

— Что?

— Ничего. Увидимся позже… Приходи, если опять захочешь где-нибудь переночевать.

Подъемный кран отправил в рот очередную порцию картошки. Когда Кевин промямлил: «Ага, спасибо», картофельная мякоть вылезла у

него изо рта, и это было похоже на зубы из ваты, с которых стекает подсолнечное масло. Джейк порадовался, что сегодня уже не собирался есть.

Перебегая через дорогу, он крикнул:

— Эй, Пауло! Стой!

Глава одиннадцатая

Джейк полдня проспал. В пять он принял душ, чтобы окончательно избавиться от чувства тошноты. Позвонил в казино сказать, что берет отгул, потом домой — чтобы услышать гудок пустого автоответчика, и, одевшись, вышел из номера. Он направлялся в Деревню. Единственное, что немного все портило: он забыл взять с собой воск для волос. Ну и ладно — перед кем тут красоваться?

Можно было бы пойти в Деревню напрямую или даже срезать через Чайнатаун. Но Джейку захотелось поплутать в паутине переулков, чтобы почувствовать себя настоящим местным, который знает тут все входы и выходы. Улицы были узкими, слева и справа громоздились нескончаемые ряды викторианских складов. Здания казались на первый взгляд пустыми и заброшенными — до того мало было в них признаков жизни. Видимо, на задние дворы домов правительственная кампания «За новый Манчестер» не распространялась. Тут, в переулках, Джейк не обнаружил никаких серьезных перемен — пят-

надцать лет прошли для них незамеченными.

А потом дворы расступились, и за ними показалась автобусная станция Чорлтон-стрит — точь-в-точь такая же, как будто бы Джейк никуда и не уезжал. Все тот же грязный бар с фортепьяно в углу, ночной клуб, втиснутый в угол многоэтажки, те же автобусы «Нейшнл экспресс» медленно сворачивают на Сэквиль-стрит. А напротив автовокзала — все тот же ряд деревенских домиков в серой побелке: порномагазин для голубых, паб для голубых и ларек с китайской кухней там, где раньше стояла рыбная забегаловка. На тротуаре несколько проституток — мужчин и женщин — наскоро перекусывают, пользуясь затишьем после часа пик, который всегда наступает тут в конце рабочего дня.

В далеком 1981-м Кевин Доннелли, казалось, вообще жил на одной жареной картошке. Ел ее обычно прямо из бумажного пакетика, с солью и уксусом. Или, для разнообразия, с подноса, с соусом карри. Джейк считал, что все это осталось в далеком прошлом, но тут и сегодня околачивалось несколько точно таких же ребят. Особенно один был похож — точно так же жевал картошку, не закрывая рта, прямо настоящий Доннелли Кевин Второй. Даже цвет лица как у Кевина — в

тон соусу карри.

Джейк стоял у обочины и наблюдал за уличной сценкой, до того натуральной — прямо готовый документальный сюжет для телевидения. Единственное, что не вписывалось в общую картину, — это сам Джейк. Любой, кто увидел бы его здесь, мог подойти и провести сквозь него рукой. Джейк был здесь призраком. Точная дата, когда он перестал существовать для этого места: 2 февраля 1982 года. К тому времени прошло уже почти два месяца со дня смерти Джонни, и Джейк чувствовал себя таким одиноким и потерянным, что единственное, на что его хватало, — это покупать «Ивнинг ньюс», каждый раз надеясь увидеть там новую информацию о случившемся.

Когда же наконец он наткнулся на кое-что интересное, это было совсем не то, чего он ждал.

Случилось так, что Джейк оказался в городе рано утром. Он купил утреннюю газету в киоске у Пикадилли-Плаза. На первой полосе была статья о двух мужчинах — учителе и старшем медбрате. Суд над ними закончился, и теперь репортерам позволили наконец опубликовать ранее закрытую информацию — например, о том, что учитель с самого Рождества не работал. Теперь, когда присяжные вернулись и огласили

свое решение признать подсудимого виновным, было очевидно, что с работы его уволят. Что же до медбрата, то он сам подал в отставку, хотя, судя по тому, как подчеркивалась в статье фраза «по собственному желанию», понятно было, что на работе его заявления ждали, причем давно. На фотографии, сделанной у входа в здание суда, оба мужчины старались спрятать лица. Напрасно тратили силы: газета уже раздобыла снимок из личного архива и опубликовала его на той же полосе: они стоят, взявшись за руки, на пляже, в похожих плавках. Одинаковые стрижки ежиком, одинаковые усы, а под фотографией — подпись: Дэвид Корнер и Филипп Томас. Дэвид и Фил… Подробнее о порнографических записях, обнаруженных в их коллекции, читайте на странице 3.

Джейк стоял под навесом у «Пикадилли-Рекордс» и, развернув газету, читал дальше. По словам инспектора полиции Джона Паскаля, полицейское нападение стало кульминационным завершением удачного сотрудничества между его собственным спецподразделением и олдэмским отделением службы криминальных расследований. Цитата: офицеры полиции обнаружили видеозаписи «невообразимой греховности». Сообщение, вплоть до упрощенного синтаксиса,

было шаблонным отчетом о пресс-конференции, но Джейк все равно узнал в нем истинно паскалевские фразочки — нечто подобное он слышал на школьных собраниях и в приходской церкви Колденстолла. Дай Паскалю волю поговорить перед публикой, и он немедленно попытается захватить слушателей в заложники и обратить их к Слову Божьему — с помощью своего собственного слова.

Врезкой к статье в «Ивнинг ньюс» были опубликованы соображения Паскаля о *подложных* отношениях между двумя мужчинами: об их обмане, который *порочит* институт христианского брака. И под отдельным заголовком — рассуждения Паскаля о том, насколько это ужасно: позволять *гомосексуалисту,* признавшемуся в своих наклонностях, формировать сознание детей. В статье подчеркивалось, что на многих из обнаруженных записей разыгрывались сцены *явно педофильского* толка. Очевидно, Паскаль имел в виду тот самый сюжет, в котором разносчик газет ждет своих рождественских чаевых. Джейк видел всю берлинскую коллекцию Джонни и, пожалуй, да, этот разносчик в самом деле выглядит очень молодо — молодо для мужчины лет двадцати пяти.

Дочитав статью до конца, Джейк бросил газету в урну и даже не стал заходить обратно в квартиру. Он просто прошел два квартала до станции и сел на первый же лондонский поезд.

Все произошло именно так, как обещал Грин. Если Джейк кого-нибудь сдаст, он спасет свою шкуру. Может быть, Грин имел в виду что-то немного другое, но Джейк не стал упускать возможность и все-таки спас свою шкуру. Он даже толком не помнил, что называл Грину имена этих двоих — только теперь сообщение об их суде освежило ему память. Дело в том, что последние два месяца он вообще ни о чем не думал. Сказал своей матери, когда наконец удосужился ей позвонить, что был не в себе. Всю рождественскую неделю продрожал у себя в квартире, умирая от ужаса и отгородившись от внешнего мира до такой степени, что был не в курсе поразительной иронии судьбы: его собственная мать была убеждена, что он мертв.

Тело Джонни бросили у самой деревни Коддентолла, и, хотя мать ничего не знала о том, что он был другом Джейка, гибель незнакомого мальчика стала отличной пищей для ее воображения. К тому времени, когда Джейк догадался позвонить домой, уже настало лето и он работал в парке

аттракционов неподалеку от Пикадилли-Серкус. Одним гигантским прыжком — из манчестерской Пикадилли в лондонскую. Мать плакала так сильно, что едва ли расслышала, как он извинился. Может, надо было слушать ее внимательнее: он говорил с ней еще раз двенадцать, не больше, прежде, чем она умерла в 1993-м.

Джейк сделал шаг в сторону, повернулся спиной к автобусной станции и пошел по направлению к каналу. Никакого плана у него не было, просто хотелось перевести дух и казалось, что лучше всего это получится сделать там, у воды — если, конечно, удастся не обращать внимания на запах. Впрочем, внизу обнаружились кофейные столики на веранде сияюще-чистого современного бара и ослепительные диско-огни стеклянного фронтона в два этажа высотой, безмятежно скользящие по поверхности канала. А сам канал — это просто что-то невероятное. Его подсветили со всех сторон, превратили в городскую достопримечательность. Даже построили симпатичный мостик в японском стиле, чтобы с этой стороны попадать прямиком к новому кафе на той. Было еще довольно рано, но Джейка охватило такое чувство, будто он садится на карусель: так жарко, ярко и шумно было все вокруг.

А людей-то сколько, и все по поводу ярмарки нарядились в лучшее.

Джейк осмотрелся по сторонам — влево-вправо, — выбирая, куда пойти для начала: в «Союз», который был тут давно, но, похоже, перенес второе рождение, или сделать ставки на один из новых пабов. Решил попробовать и то, и другое.

Третьим пабом на его пути был «Рембрандт», изменившийся до неузнаваемости. Кирпичные стены снесли, на их место установили стеклянные панели гармошкой. Джейк встал спиной к бару: отсюда была видна Канал-стрит и вдалеке — автобусная станция. Даже «Добрый день» можно было отсюда разглядеть, если наклониться на тридцать градусов. Он пил холодное пиво, слушал «Хэндбэг Хаус» и нельзя сказать, чтобы чувствовал себя как-то неважно. В первый раз за последние минут десять к нему кто-то подвалил.

— Ты один?

Джейк обернулся и увидел перед собой мужчину, который был лет на пять-шесть его моложе. Отличные ухоженные волосы, мягкий ирландский акцент.

— Боюсь, что да, — ответил Джейк.

— По собственному желанию?

Джейк кивнул:

— К сожалению, да.

Мужчина улыбнулся и отошел. Джейк пересел на другое место. Если смотреть между двух колонн, видно кусочек «Доброго дня». Он изменился не так основательно, как «Рембрандт», но над входом висела новая вывеска и на окнах больше не было затемнений. Джейк никак не мог решить, когда будет правильнее туда пойти. Стоит ли дождаться начала выступления? Ведь Леди-Добрый-День наверняка не перестал устраивать свои вечерние дивертисменты.

Взяв еще «Бекс», Джейк задумался над тем, хорошо ли это, когда вонючую дыру превращают в приличное место. «Рембрандт» был теперь таким чистым и опрятным, что прикати сюда полный автобус йоркширских пенсионеров, они бы подумали, что отыскали прелестный французский ресторанчик. Правда, возможно, им бы не понравилось, что музыкальный автомат работает чересчур громко, но тогда к ним на помощь подлетел бы официант с советом подкрутить колесики на слуховых аппаратах. Джейк сделал еще один глоток и вдруг явственно расслышал, как пиво с ним разговаривает. Оно сказало, что хорошо бы прогуляться по залу. А если кто спросит, скажешь, что это решение пива.

Джейк направился к той стороне паба, которая выходила на Канал-стрит. Раздвижные окна здесь были настежь раскрыты, и Джейк пристроился среди пьянчуг, которые частично находились внутри паба, а частично — снаружи. Джейк подумал: *Интересно, я — внутри с теми, кто снаружи, или снаружи с теми, кто внутри?*

Он наблюдал за группами людей, перемещающимися взад и вперед по Канал-стрит, и внимательно изучал молодых парней, студентов, клабберов, красавчиков, едва не орущих во все горло «посмотри на меня!», и женоподобных любителей дискотек. Толпа двигалась, текла мимо «Рембрандта», который стоял незыблем в центре этого движения и напоминал собой не то оазис, не то смотровую площадку. А может, и вовсе — исторический монумент, место боевой славы здешних ветеранов. Возраст посетителей — от тридцати до пятидесяти — был той самой категорией, куда силился вписаться Джейк. Если продолжать размышлять, то, возможно, удастся унять гудение в голове и в желудке. Еще, говорят, подобные ощущения заглушает пиво, но Джейк видел, что проку от пива никакого. Хотя, возможно, оно ни в чем не виновато — просто еще слишком мало выпито. Бросив бутылку в урну,

Джейк двинул дальше.

В пятнадцать минут одиннадцатого он выходил из «Кастро». Паб располагался в погребке, и, когда Джейк поднимался по лестнице, кто-то его окликнул:

— Уже уходишь?

— Уже ушел… Вою на луну, барахтаюсь в канаве. В последнее время. — Он перешагивал через две ступеньки разом и даже умудрился споткнуться, когда добрался до верха.

Эти улицы, застывшая сеть Деревни, почти что Нью-Йорк в миниатюре, — Джейк знал здесь каждую сточную решетку, каждую крышку канализационного люка, и даже то, сколько времени требуется, чтобы пройти в туфлях на каблуках от одного квартала до другого. Единственное, что было ему незнакомо, — дома, которые стояли теперь на этих улицах. Такое впечатление, будто весь район подорвался на какой-то особой стильной бомбе — странные шутки Господа. И на шестой день создал он искусственный мех, и увидел Бог, что это хорошо-о-о — и занялся созданием интерьеров. В голове у Джейка проносились картинки «до» и «после». Даже старые пабы — «Союз», «Нью-Йорк, Нью-Йорк», «Диккенс», «Центральный парк» — все как-то одинаково

сияли, будто родились заново. Вообще-то насчет «Центрального парка» Джейк не знал наверняка: паб и сейчас выглядел таким непривлекательным, что не хотелось тратить на него время. И о «Добром дне» Джейк пока ничего не мог сказать, но это был следующий пункт его сегодняшнего маршрута. Ностальгическое путешествие продолжается — нужно нанести на старые карты новые объекты. А уж когда с этим будет покончено, тогда — Привет, Добрый-День… честное слово.

Предстояло заново открыть для себя целую археологию давно забытых связей. Все начиналось с автовокзала, куда Джейк долгое время приезжал и откуда уезжал на автобусе Йорк — Манчестер, пока не решил наконец, что, пусть он и провинциальный мальчик, но пора потребовать у города политического убежища. Для этого понадобилось пойти в муниципалитет и записаться в очередь на жилье в Хьюме. От автовокзала нить вела к «Диккенсу», где с ним впервые заговорил Фея и уговорил сходить как-нибудь в «Поли диско». В тот же вечер — да, точно, именно тогда — он в первый раз встретился с Шоном. А несколько недель спустя все они познакомились с Джонни.

Отсюда нужно повернуть направо, мимо «Ночного клуба легенд», где Джейк впервые купил у

Пауло грамм «скорости». А дальше либо обратно к автовокзалу — клетка «старт», получай десять фунтов[62] — примерно столько брал с клиентов Кевин Доннелли. Либо промчаться по Канал-стрит мимо того самого места у стены канала, где, если не считать вчерашнего дня, Джейк в последний раз видел констебля Грина. И про эту их встречу тоже есть что вспомнить.

Джейк оставил Доннелли выгрызать душу из ломтика жареной картошки и побежал догонять Пауло, то появлявшегося, то исчезавшего в свете автобусных фар, которые так его подсвечивали, что он казался пятидесятифутовым трансвеститом на шпильках и в белом парике. Сначала Джейк подумал, что Пауло его не услышал, слишком уж громкий шум издавали автобусы. Он нагнал его на углу Чорлтон и Блум-стрит.

— И как ты в них бегаешь? — Джейк кивнул на туфли Пауло.

— Я был рожден для этого, — ответил Пауло. И вполголоса добавил: — Нехорошая ночь, Джейк.

— Что, нет мефа?

Пауло посмотрел в одну сторону Чорлтон-стрит, потом в другую, и Джейку бы уловить его

---

[62] Примечания: 62

Аллюзия на игру «Монополия», в которой на клетке «Старт» игрокам после каждого круга выдается определенная сумма «денег».

беспокойство. Может, и уловил бы, не выпей он так много на рождественской вечеринке Дэвида и Фила.

— Иди за мной, — сказал Пауло.

Они свернули на Чорлтон-стрит. Всю длинную улицу освещал, казалось, только один-единственный фонарь. Пауло остановился рядом с ним, сел на край парапета над каналом и полез в сумочку. Достав оттуда целую горсть свертков, он спросил:

— Сколько ты хочешь?

— Мать твою, Пауло, я хочу все. — Джейк подумал, что у него в этот момент, должно быть, завращались глазные яблоки — мультипликационный любитель «скорости». — Но не могу себе позволить.

— Сколько у тебя?

Ответ: двадцать фунтов, которые Джейк только что вытянул из Джонни, и, может быть, фунтов пятнадцать, которые были у него самого.

— Двадцать, может, тридцать, — сказал он. — Но тогда я на мели до конца выходных.

— Давай руку, — сказал Пауло и, накрыв своей ладонью ладонь Джейка, насыпал ему штук десять пакетиков.

Джейк не понял, что происходит.

— Извини, — только и сказал Пауло.

В это самое мгновенье дорогу осветили фары, пригвоздив тени Джейка и Пауло к ограде канала. Джейк даже не слышал шума мотора. Он обернулся и увидел, как из света фар «воксхолла-кавалье» вразвалку выходит какой-то толстый мужик. Походку он не узнал, но вот голос констебля Грина был ему уже хорошо знаком.

— Пол, ну ты молодец, сынок. — Грин отдал Пауло честь. Пауло на это пожал плечами, снова сказал: «Извини» — и побрел по улице. Казалось, из них троих только один Джейк не понимает, почему Пауло так странно себя ведет.

— Как думаешь, — спросил Грин, — если я тебя обыщу, достанется мне какой-нибудь трофейчик?

Джейк посмотрел налево, на всю длину пустынной улицы, упирающейся в Пикадилли-Гарденз.

— Даже и не думай убежать, — сказал Грин. — Если мне придется гоняться за тобой на этой долбаной тачке, клянусь, я скорее тебя перееду, чем догоню.

Грин стоял всего в трех ярдах от него, и Джейк смог в полной мере оценить широту улыбки констебля.

Джейк затолкал пакетики к себе в карман.

— Констебль Грин, — сказал он. — Мне кажется, я располагаю информацией, которая может быть вам интересна.

— Правда? Ну, наконец-то мне повезет!

Глава двенадцатая

Суббота удалась на славу. У Джейка от всего кружилась голова: от сплетен, которых наслушался за день, от предвкушения того, что может случиться ночью, от наркотиков, красоты и одежды. На то, чтобы собрать наряд, в котором он пойдет сегодня в «Пипс», ушло семь сладких часов, промелькнувших, как одна минута. С такой задачей не всякий бы справился, дело для настоящего специалиста. Джейк закончил ходить по магазинам только потому, что они стали закрываться. И вот теперь он был один, бегал вокруг высотных башен, что стояли вдоль Спринг-Гарденз, и чувствовал легкую дурь в голове. Со вчерашней ночи он проспал всего каких-то три часа — в спальном мешке. Три, или даже меньше — а потом в голове прозвенел амфетаминовый будильник и пришлось вставать. Неудивительно, что теперь он так плох — чудо, что вообще удалось справиться с покупками. Например, сейчас ему никак не удавалось решить, стоит ли вернуться обратно в квартиру, или лучше скоротать время, шатаясь по улицам.

Он перешел через Мосли-стрит рядом с Городской художественной галереей, промчался по Чайнатауну и оттуда спустился в Деревню. В самом тяжелом из его полиэтиленовых пакетов с покупками лежала новая рубашка и бутылка колы, из которой Джейк вылил больше половины и заполнил освободившееся место «Бакарди». Когда он доберется до барной стойки в «Добром дне», у него будет беспроигрышный план: либо разжиться выпивкой за чей-нибудь счет, либо наливать себе под столом.

Добрый-День обслуживал в своем мужском штатском, вечер еще только начинался, посетителей почти не было. Когда повалит ночной поток, за стойку станут его работники, и Добрый-День сможет сбегать наверх переодеться.

Добрый-День сразу раскусил хитрость Джейка, когда тот попросил налить ему просто колы.

— Я должен поверить, что тебе хватит этого стакана на всю ночь — а ты тем временем будешь подливать себе из собственной бутылки?

— Тогда попроси кого-нибудь из этих старых педрил угостить меня выпивкой. — Джейк указал на сидящих за барной стойкой мужчин.

Постоянный посетитель из тех, что приходят раньше других, стоял достаточно близко, чтобы

расслышать слова Джейка.

— Налейте моему юному другу, чего ему хочется, — сказал он, стараясь выговаривать слова так, как это делают выпускники Итона — с правильным произношением члена высшего общества, где другим напиткам предпочитают джин.

Джейк получил свой «Бакарди» с колой. Из вежливости он остался сидеть у стойки и слушать этого типа.

— Я в здешних краях чужой… Увы, там, где я предпочел бы обосноваться, ритм жизни просто невыносим.

Джейк даже не пытался сосредоточиться на его рассказе. Целый день он закидывался «кислотой», перебегая от одной примерочной кабинки к другой — и так по всему городу. В зеркале за барной стойкой «Доброго дня» от его отражения остались только два бешеных глазных яблока, застывших в кислотной неподвижности.

Пожилой ухажер щелкнул пальцами, чтобы им с Джейком налили еще, и позволил Леди-Добрый-День самой взять деньги из сдачи, которая с прошлого его заказа так и осталась горкой лежать на стойке.

— …Это было в пабе «Колони рум», о котором вы, безусловно, наслышаны? Дорогуша Фрэнсис

прямо-таки писал от радости, из него даже, кажется, пар валил — так он был рад, когда увидел нас в тот вечер. Кто там был еще, я сейчас уже не вспомню, кроме, разве что, никому не приятного Толстяка Фарсона, который отказывался от хорошей водки, поскольку утверждал — и совершенно справедливо, как я позже, к своему неудовольствию, лично убедился, — что абсолютно не ручается за свое поведение, если водка станет дополнительным фактором его привычной диеты.

Джейк знал этот тип — клинический случай занудства, причем соответствующий некоему определенному стандарту. Может, он и другие такие же зануды как-то посменно распределяли между собой все эти истории про приключения в Сохо? Сегодня историю «Фрэнсис и я» рассказываешь ты, а завтра, чур, я.

В стакане у Джейка было пусто, и он собрался идти. Когда он поднялся, Добрый-День отозвал его в тихий уголок в дальнем конце бара.

— Тебя искали.

«Констебль Грин», — подумал Джейк.

— К-кто? — спросил он, заикаясь.

— Гэри Холлидей, — ответил Добрый День.

Это имя было Джейку незнакомо.

— Чего он хотел?

— Не знаю. Его прислал сюда тот зашуганный паренек, который околачивается возле автовокзала.

— Кевин Доннелли? — У Леди-Добрый-День было любопытное свойство не замечать, чем занимаются мальчики возле автовокзала. Возможно, обсуждать это ему не позволяло чувство такта. А может быть, знай Добрый-День, что желаемое продается у него прямо под дверью, ему было бы не так интересно принуждать своих работников оказывать ему такие же услуги.

— По-моему, он что-то говорил про видео, — сказал Добрый-День.

— А, ясно, — все встало на свои места. — Тогда это не ко мне. Ему нужен Джонни.

— Он спрашивал вас обоих.

Джейк пожал плечами. Если так, то винить надо Доннелли.

— Я тут ни при чем, — сказал он.

— А, ну ладно, смотри, осторожнее. — Предупреждение из ниоткуда. Да еще вдобавок к этому — бесплатная выпивка. Что, черт побери, происходит?

Добрый-День, очевидно, заметил удивление на лице Джейка и, ставя перед ним бокал, сказал:

— Просто береги себя.

Рекламные ролики дискотеки «Пипс» всегда заканчивались словами: *«За кафедральным собором»,* которые медленно и отчетливо проговаривал полуночный американский диджей. И сами слова, и то, каким тоном они произносились, звучали как-то старомодно и после грохочущей основной части ролика с описанием клуба казались совершенно неуместными. Но в результате каждый раз, когда в разговоре упоминался «Пипс», кто-нибудь обязательно произносил слова: «За кафедральным собором» — подсознательно хотелось закончить разговор именно так. Викторианский готический собор, а за ним, в подземелье Хлебной биржи, — ночной клуб, полный неоготических девочек «сьюзи» и выряженных по берлинской моде мальчиков «боуи».

Джейк явился в «Пипс» к половине одиннадцатого, готовый ко всему, но еще не одетый. Он направился в туалет на нижний из пяти уровней, расположенных на пяти разных этажах. Нижний туалет был самым большим в клубе, но и тут Джейку еле удалось протиснуться мимо толпы мальчиков, захвативших зеркало. Найдя пустую кабинку, он оставил дверь открытой, чтобы

участвовать в разговоре.

Кто-то крикнул ему:

— Джейк, как там, нормально тебя впустили?

Джейк узнал голос: Стиви, девятнадцатилетний парикмахер из Рочдейла.

— Да, — крикнул он в ответ.

Вышибалы всегда были с ним милы. Ну, милы не в том смысле, что прямо уж *милы,* но они ему просто кивали и отходили в сторону, когда он подваливал сразу к началу очереди, и говорили: «Давай».

— А меня, суки, не пускали! Я пришел в килте, а они говорят, что клуб против того, чтобы мужчины носили женское платье. Я им говорю: «Да какое же это на хрен платье!» — Стиви выразительно зашипел, изображая свое недавнее возмущение. — Но им все лесом.

— И что?

— Ну, я был с Луизой — ты ее знаешь — и она предложила мне с ней махнуться: я надену ее брюки, а она — мой килт, а когда войдем внутрь, переоденемся обратно. Но только у нее бедра такие здоровые, что килт никак на них не налезал. Сидели, натягивали его в машине. Я, такой, стараюсь ничего там не порвать, а она сидит, дергается во все стороны и причитает: «Он мне жмет,

жмет». Ну я тогда ей говорю: «Зайка, может, тебе вдохнуть поглубже?» Но и это не помогло. Сидим, не знаем, что делать. А потом — слава богу! — у нее там в машине лежит такой шведский плед — собачья подстилка — ну и она намотала ее на себя, а я надел ее штаны.

— И вы вошли?

— Ну да, вошли. После того, как почти полчаса простояли в очереди. И все это время от нее воняло псиной, да к тому же она без конца ныла, что плед колется… — Стиви привел полный перечень жалоб Луизы — можно себе представить, через какие мучения ему пришлось из-за нее пройти. — А когда мы наконец вошли в клуб, я понял, что оставил килт в машине, и ее совсем скрутило. Она, такая: «Мы должны НЕМЕДЛЕННО поменяться обратно». А я, значит, должен пока походить в собачьей подстилке. Я ей на это: «Ну уж нет, ни хрена! Это твоя собака — ты и носи ее гребаную подстилку. Ты меня за кого вообще держишь?»

Джейк хохотал.

— И где она теперь?

— Да ну, даже не спрашивай. На тропе войны. Так что, если встретишь ее, не говори, где я.

На Джейке была новая одежда. Отхлебнув тай-

ком из своей бутылки с колой и «Бакарди», он, повиливая бедрами, вышел из кабинки — пускай все смотрят и рыдают: мягкая бархатная рубашка черного цвета с ниспадающими рукавами и шнуровкой на груди, немного ослабленной, чтобы видна была белая худющая грудь; обтягивающие брюки из искусственной крокодильей кожи, ради которых ободрали фальшивого крокодила черно-серого цвета; и высокие-превысокие кубинские каблуки.

— О, очень рок-н-ролльно! — сказал парикмахер Стиви.

— Не знаю, — заметил кто-то еще. — По-моему, скорее, распущенно и беспутно.

— Рок-н-ролльный вампир! — предложил третий голос.

Джейк согласился на такой вариант и попросил Стиви одолжить ему лак для волос.

— Бери. Он мне бесплатно достается.

Расческу Джейк тоже одолжил. Уходя, Стиви спросил, пришел ли Шон. Джейк не знал… Когда он видел Шона в последний раз, тот был взбешен, пожалуй, даже сильнее, чем после истории с Домино — из-за того, что его бросили на произвол судьбы в провинциальном гомоаду в Олдэме.

— Я не говорю о тебе Луизе, а ты обо мне —

Шону.

— А-а-а, вон оно что! Не волнуйся, если встречу Шона, я тебя не видел.

Джейк расчистил себе немного места перед зеркалом и начал причесывать волосы, закрепляя их токсичными парами лака экстра-сильной фиксации. Затем подкрасил брови черным карандашом и отбелил лицо светлым тональным кремом. Напоследок еще на минуту заглянул в кабинку — глотнуть из бутылки и нюхнуть «спида», и, вполне довольный, вышел из туалета, являя собой очередную готическую катастрофу.

В «Пипс» на каждом из пяти танцевальных уровней была своя тема, совсем необязательно имеющая отношение к готам, романтикам, голубым, гламурным красоткам, трансвеститам — да и мало ли как еще вздумалось бы друзьям Джейка нарядиться на этой неделе. На верхнем уровне был «Зал Рокси», под ним — «Зал Боуи», ниже — «Зал Электро», еще ниже — «Зал Перри[63]», а самый последний, пятый уровень не

[63] Примечания: 63

«Перри» — дорогая марка мужских теннисных рубашек, основанная известным британским теннисистом Фредом Перри, главный конкурент фирмы «Лакосте». На левой стороне груди рубашек «Перри» вышита их эмблема — лавровый венок. (На рубашках «Лакосте» в этом месте — крокодил.) Рубашками «Перри» увлекались британские моды и скинхеды.

имел ни названия, ни постоянных посетителей. Когда Джейк вышел из туалета, диджей экспериментировал с глэм-роковым звучанием, играла «Ballroom Blitz»[64] «Свита», но никто не танцевал. Джейк пошел дальше.

На лестнице, ведущей в «Зал Перри», он встретил Домино. Первое, что тот спросил, это не видел ли Джейк Шона.

Джейк раздраженно дернул плечом.

— Да чего вы все! Не видел я его.

— Да нет, — сказал Домино. — Я в том смысле, что ты его видел? Он там, наверху.

Домино показал рукой на следующий уровень.

— Вырядился в «Перри» — рубашка «Лакосте», вельветовые брюки, все дела.

— Правда, что ли? — Джейк побежал вверх по лестнице, Домино тоже повернул и ринулся за ним.

— Видишь его?

Джейк помотал головой.

— Вон, у колонны.

Джейк прищурился, приспосабливаясь к яркому свету. Зал был уже полон, и почти все здесь были одеты в вельветовые джинсы — «Пепе»

---

[64] Примечания: 64
«Нападение на танцзал» *(англ.)*.

или «Ли», красные или цвета загара. Довершали образ рубашки для гольфа в тон к джинсам и итальянские кожаные туфли. Все выглядели до того одинаковыми, что Джейк не сразу узнал в толпе Шона. Тот топтался под группу «Гэп Бэнд», изображая странный Перри-танец — что-то вроде ходьбы взад-вперед с высоко поднятой головой.

— Охренеть! — воскликнул Джейк. — Где он взял все эти шмотки?

Домино пожал плечами.

— А цепь видел?

Да, Джейк видел. Золотая цепь, поблескивающая поверх воротничка рубашки.

— Ну ладно, — сказал Домино. — Он в любой момент может обернуться, так что я валю.

Он побежал обратно вниз по лестнице, и Шон действительно в ту же секунду оглянулся, отбросив с глаз длинную челку в стиле Перри и посмотрев в сторону лестницы. Джейк махнул, чтобы он подошел — было так интересно узнать, что же с ним произошло, что Джейк даже забыл про их сегодняшнюю ссору.

Когда Шон спустился, Джейк спросил:

— Что с тобой такое?

— Ничего. Просто осточертела музыка внизу. — Он махнул головой в сторону залов «Боуи»

и «Рокси».

— А с одеждой-то что?

— Выглядеть педиком тоже осточертело.

— Но ты ведь и есть педик.

Шон снова убрал со лба свою огромную челку. Он только сегодня подстригся, мягкая завеса нового хаера скрывала пол-лица, а сзади над шеей была выстрижена аккуратная запятая.

— Это ты педик, — ответил Шон. — А я — гей.

Джейк посмотрел на девочек и мальчиков Перри, всех в одинаковых мальчишеских джинсах. На некоторых до сих пор были рубашки Фреда Перри, популярные в начале года, но большинство уже перешло на «Лакосте» и «Таччини».

— Думаешь, они почувствуют разницу?

Шон улыбнулся.

— Мне тут нравится. По крайней мере, с музыкой у них получше.

Начинался какой-то трек группы «Эрт, Уинд энд Файр». Шон танцуя двинулся обратно и бросил на ходу:

— И еще я переезжаю. Подыскал себе кое-что во Фликстоне.

Ну да, нормально: с таким новым хаером во Фликстоне самое место. Шон поднял руку ладонью вверх и изящно щелкнул всеми пальцами,

как было принято у Перри-мальчиков.

— Пока!

— Ага, пока, чувак! — махнул ему Джейк в ответ.

Он проскакал вниз по низким ступенькам в зал «Электро», где звучала «The Model» группы «Крафтверк». За следующей аркой начинался зал «Боуи», войдя в который Джейк тут же увидел Фею: тот стоял у барной стойки в шелковой пижаме с вышитым китайским драконом на спине. Однажды Фея уже надевал этот наряд. Джейк тогда его обсмеял, но Фея сказал, что для поклонников Боуи это очень даже знаковый костюм. Джейк понятия не имел, что тут знакового, лично он никогда не видел, чтобы Боуи носил что-нибудь подобное. Джонни сидел неподалеку в компании двух девушек, которых Джейк знал, поскольку они обе работали в магазинах одежды. Когда он подошел, девушки оглядели его с головы до ног и воскликнули:

— Вот это да! Отлично выглядишь!

— Подзаправиться есть чем? — спросил Джонни.

Джейк кивнул. Сел и потихоньку засунул бокал Джонни под стол. Когда бокал снова оказался на виду, он был уже полон «Бакарди» с колой.

Девушки пили, судя по цвету, «Перно» с черной смородиной. Они тоже подлили себе под столом. Все чокнулись.

— Ты видел, что случилось с Шоном? — спросил Джейк.

Джонни кивнул.

— Он всегда больше любил соул. А Кевина ты видел?

Джейк не видел. А что, что-нибудь произошло?

— Он в туалете. Придется тебе подождать.

Диджей поставил «Golden Years»,[65] и Фея начал торопливо листать страницы своего альбома, где были собраны изображения разных жестов. Боуи где-то в начале 70-х некоторое время учился в Европе на мима. Вот сейчас заиграет «Port of Amsterdam»,[66] и там вообще для каждой строчки есть какой-нибудь жест — даже для той, в которой говорится: *«Он поднялся, засмеялся, застегнул свои штаны».* Джейк миллион раз видел, как при этих словах Фея самозабвенно гладит себя по ширинке. Слишком часто, чтобы можно было

---

[65] Примечания: 65

«Золотые годы» *(англ.),* песня с альбома Боуи «Station To Station» 1976 года.

[66] Примечания: 66

«Порт Амстердама» *(англ.),* песня с сингла Боуи «Sorry» 1973 года, которая также вошла в эксклюзивную версию альбома «Pin-Ups» того же года.

по-прежнему находить в этом что-то смешное.

— Пойду еще туда загляну, — сказал он и кивнул в сторону зала «Рокси».

Танцзалы размещались в бывших погребах, стены которых покрывал грубый слой штукатурки. В зале «Боуи» были развешаны всевозможные портреты Боуи, которые некрасиво топорщились на неровной, выкрашенной «политексом» поверхности.

В зале «Рокси» висели такие же изображения Брайена Ферри, а еще — огромная фотография Лу Рида, которую увеличили с задней обложки его альбома «Transformer». В отличие от зала «Боуи», в «Рокси» привязанность к названию ощущалась не так сильно. Джейк прошел под низкой аркой, и на мгновенье в голове у него смешались две разные песни. Боуи пел про «золотые годы», а этажом ниже в это время гудел какой-то более мрачный, перегруженный басами трек. Джейк на секунду задержался, пытаясь угадать, что там играет.

Спустившись, он услышал, как последние такты «Warm Leatherette»[67] Грейс Джонс плавно переходят в «Homo Sapiens» Пита Шелли. На

[67] Примечания: 67

«Теплая искусственная кожа» *(англ.),* заглавный трек с одноименного альбома 1980 года в стиле R&B.

неровном круге танц-пола танцевал сам с собой Кевин Доннелли, он плавно двигался в такт музыке и ни разу не сбился с ритма. На нем была обтягивающая виниловая футболка и штаны в стиле группы «Клэш» — вещи, которые надоели Джонни и он решил их отдать.

Джейк сошел с ковра на паркетный пол и начал нащупывать ритм, понимая, что тот будет намного медленнее, чем он рассчитывал: амфетамин разрывал его тело с мощью шквальной волны. Кевин Доннелли оглянулся и улыбнулся Джейку. На веках у мальчика лежали голубые тени, скулы были покрыты блестками в стиле диско, а на одной из щек красовалась черная мушка. Все это вместе называлось белым диско-трэшем: мальчишеское воплощение Дебби Харри.[68] Джейк моргнул и попытался сосредоточиться — надо было все-таки постараться поймать ритм.

Время медленно подползало к часу ночи, и только теперь они поставили «The Passenger».[69] Джейк был оглушительно пьян и до предела разо-

---

[68] Примечания: 68

Дебби Харри — американская поп-звезда, солистка группы «Blondie».

[69] Примечания: 69

«Пассажир» *(англ.)* — песня с альбома Игги Попа «Lust For Life» 1977 года. Почти все песни для этой пластинки Игги Поп написал в соавторстве с Дэвидом Боуи, но «The Passenger» была написана без участия Боуи, который в ней только пел.

гнан «скоростью». Джонни соображал не лучше его, но готов был спорить с Джейком на любую тему, какую бы тот ни выбрал.

— Да нормальная песня! — говорил он. — Тебе же вроде нравится Игги Поп?

Из колонок гремели строчки припева, очень похожие на то, как распевают в пивнушке: *«Ла-ла-ла — ла-ла — ла-ла!»* — Джейк не сомневался, что такой припев — дело рук Боуи. Танцпол был забит до предела, народ суетливо размахивал руками и ногами, как будто бы это не дискотека, а канкан.

— Да ты вслушайся в текст! — кричал в ответ Джейк. — Он же выдран из какого-то романа. Явный Боуи, Игги там и близко нет!

Песня вся была про то, как нужно куда-то там смотреть и ничего не делать. Каждая строчка — об отчужденности и прочей дури, из которой состоит вся эта претенциозная писанина боуианства. Ничего общего с Игги, который поет всегда законченными простыми фразами о том, как он *существует* и что *делает* — даже если речь идет всего лишь о том, что ему все осточертело и он в отчаянии ищет только одного — ВЕСЕЛЬЯ.

— Да что ты мелешь? — возмущался Джонни.

Джейк шевелил губами, но из горла рвалось

наружу так много слов и все они были до того исполнены злобой, что смысла было не разобрать.

— Боуи, — снова пытался объяснить Джейк. — Таскается за Игги, типа потому что сам он ничего не может. У Игги получается, а у него — ни хрена.

— Чушь собачья. Это Боуи — би. А Игги — гетер.

— Боуи — никто. Дружок-прихлебала, который примазывается к чужой гениальности и купается в лучах славы других, потому что самому смелости не хватает чего-нибудь добиться.

Джонни ходил вокруг Джейка и говорил всем, кто стоял поблизости: не желаете ли, мол, послушать.

— Этот парень утверждает, что Боуи приходится бегать за Игги Попом, потому что… почему?

Джейк был убежден в своей правоте. Вращаясь на месте, он оглядывал горящими глазами людей вокруг, их прически и одежду, то, под какую музыку они пытаются танцевать — все разом, весь этот хрупкий ночной стиль. «Спид» делал вещи вокруг ярче и отчетливее, и Джейк понимал, что без Игги все это было бы не больше, чем представлением гомиков-мимов. Настоящие вещи, реальное отчаяние было бы здесь невозможно,

если бы не такой человек, как старина *Иг.* Будь тут один только Дэвид Боуи, вся эта комедия гроша бы ломаного не стоила.

А Джонни все что-то говорил.

— Ну, так что ты там хотел сказать? Что Боуи — ничтожество, прихлебала и таскается везде за Игги, чтобы казаться круче?

И тут из толпы раздался еще чей-то голос:

— А, ну это как Джейк таскается за тобой, что ли?

Джейк увидел, как его же собственный кулак взметнулся в воздух и врезался в нос парня, который это сказал. Следующий удар пришелся в живот, а когда обидчик начал падать, Джейк вдогонку наподдал ему ногой. Рядом кричала какая-то девчонка, кто-то орал: «Больной! Да он с ума сошел!» Ну да, отлично, сойти с ума — это серьезно. Уж всяко лучше, чем худосочные мимы в пижамных штанах. Две пары рук тащили Джейка за плечи, пытаясь оторвать его от лежащего на полу мальчика. Джейк попытался напоследок все-таки еще разок врезать тому ногой, но смог всего лишь коснуться его головы ботинком.

Вырвавшись из чьих-то рук, он помчался через весь танцпол и вверх по лестнице: два прыжка по две ступени в каждом. Еще один лестничный

пролет — и вот он, выход.

Он бежал по Манчестеру, из одного конца в другой. С неба лил ледяной зимний дождь, но Джейк его не замечал. В низине на Пикадилли-Гарденз он увидел рассеянную группу припозднившихся девушек, которые двигались в сторону «Роттерс». Он крикнул: «Шлюхи!», они едва повернули головы, бросили на него короткий взгляд сквозь стену дождя и крикнули в ответ: «Педик!» Их потрескавшиеся от холода ноги лишь совсем чуть-чуть замедлили ход и тут же снова набрали прежнюю скорость.

Джейк несся дальше так быстро, что ветер шумел в ушах. Пролетая через парковку ночных автобусов, он посмеялся над субботними пьянчужками, которые ехали домой. Через дорогу, у подножья башни «Радио Пикадилли», он увидел других субботних гуляк — эти ели жареную картошку из бумажных пакетов и прятались от дождя в ночных огнях Плазы. Перед амфетаминовым взором Джейка они предстали как участники театральной массовки, до начала действия укрывшиеся за портьерой дождя. Он махнул им рукой, сложив пальцы победоносной буквой «V», и крикнул: «Пожиратели жи-и-ира!» Они стали бросаться в него своими промаслен-

ными пакетиками, но ни один не долетел до линии, отделяющей сверкающе-мокрую темноту от приютившего их квадратика света.

Джейк побежал наискосок через дорогу, в сторону автовокзала. Машины отскакивали от него в разные стороны — не машины, а тоже какое-то дерьмо-о-о! Приходилось изображать безумный танец, чтобы увернуться от всех их фар и добраться до противоположного тротуара.

Все это время шайка с автобусной остановки гналась за ним, но шлепанье их ног по мокрому асфальту донеслось до Джейка только теперь — когда они буквально начали дышать ему в спину. Он остановился и повернулся к ним лицом: это были трое ребят с тошнотными лицами примерно его возраста, но пониже ростом. К драке они готовы не были. Джейк сбил с ног того, что стоял к нему ближе других, и, пока парень катился через дорогу, встретил следующего ударом ладони по горлу. Мальчик затрясся и стал медленно оседать на землю, а Джейк прицелился ботинком ему в пах и машинально пнул, тем временем уже присматриваясь к третьему: надо было и с этим придумать что-нибудь несложное. Джейк не успел закрыться рукой, как третий сам ему вмазал. Удар пришелся прямо в лицо, и Джейк,

поскользнувшись, упал на мокрый асфальт. К счастью, ему удалось схватить мальчишку за ногу, когда тот попытался вдогонку еще и наподдать ему ногой. Один резкий поворот — и парень валялся на земле.

Тем временем на той стороне улицы зашевелились другие двое: изо всех сил стараясь подняться на ноги, они походили на двух гигантских ящериц. Джейк думал над тем, как бы отключить этого последнего парня, прежде чем его товарищи соберутся с мыслями и снова вернутся в строй. Когда перед глазами у него мелькнула тень от палки, Джейк отступил назад, приготовившись почувствовать боль переламываемой кости в предплечье, которое он поднял, чтобы защитить лицо. Но с предплечьем так ничего и не произошло: палка опустилась прямиком на череп противника Джейка и расколола кость надвое.

Джейк еще не до конца осознал присутствие человека с палкой. Посмотреть на него не было времени: Джейк уже шел навстречу первому парню — тот наконец поднялся на ноги на другой стороне дороги, куда доскользил по асфальту. Джейк хотел подпустить его поближе — чтобы можно было сразу ударить по почкам. На той стороне человек с палкой обрабатывал остав-

шегося мальчика, который так до сих пор и не смог подняться с колен после удара в пах. Джейк позволил противнику подойти совсем близко и уже схватил его за грудки, но в этот момент к ним подбежал человек с палкой.

Джейк разжал руки, палка во второй раз мелькнула у него перед глазами — и последний оставшийся парень упал на землю. Из головы брызнула струя крови, но, натолкнувшись на стену дождя, тут же рассеялась в воздухе.

Человек с палкой взял Джейка за плечо.

— У меня машина.

Джейк хохотал. Адреналин и амфетамин, амфетамин и адреналин — когда они смешиваются, сердце спит.

— Залезай.

Открылась дверь машины. Джейк упал на переднее пассажирское сиденье. Когда открылась дверь водителя, первой появилась палка — ее бросили на приборную доску, она слегка проехала в сторону и остановилась прямо перед носом Джейка. Старомодная дубинка полицейского. С одной стороны — гравировка, вырезанная на токарном станке, с другой — блестящая черная кровь.

Джейк повернул голову. Человек за рулем тя-

жело дышал, но при этом довольно улыбался.

— Джейк Пауэл? А я тебя везде ищу.

— Меня? — Джейк помотал головой, он сам не знал, почему.

Мужчина выглядел вполне прилично: ухоженный, с правильными чертами лица и открытой улыбкой. На вид лет двадцать пять.

— Кевин Доннелли тебе про меня не говорил?

Джейк никак не мог перевести дух. Что-то там такое говорил Доннелли?

— Он сказал, что ты можешь переписать для меня кассеты. Я собирался встретиться с тобой еще вчера, но полиция тебя перехватила.

Машина уже ехала по мостовой. Человек не оглядываясь протянул руку к заднему сиденью, нащупал там пластиковый пакет и протащил его между спинками передних кресел.

— Вот они.

Джейк взял пакет, внутри было три кассеты «бета-макс» без коробок.

— А, да, это я смогу переписать.

В конце улицы машина свернула. Из своего окна Джейк увидел на дороге тела трех мальчиков.

— Спасибо за вон то, — кивнул он в их сторону.

— Без проблем. — Человек приветливо улыбнулся. — Тебе повезло, что я как раз выходил из

паба Бенни.

Джейк, наверное, выглядел озадаченным.

— Бенни Сильвера. Леди-Добрый-День.

Джейк сжал в руках пакет с кассетами.

— А, да, видео. Он мне говорил.

Глава тринадцатая

Раньше табличка над дверью гласила, что лицензия на содержание паба принадлежит Бенни Сильверу — Бенни, а не Бенджамину. Джейк всегда недоумевал, зачем Доброму-Дню понадобилось писать на вывеске уменьшительную форму имени, которым он никогда не пользовался. Наверняка за этим скрывалась какая-то история. Но с тех пор прошло пятнадцать лет и теперь над дверью висело другое имя. Никакого плана действий у Джейка не было, поэтому он просто вошел внутрь — по крайней мере посмотрит, сильно ли тут все изменилось. За дверью оказалась просторная квадратная комната, заполненная больше чем наполовину. Местечко было довольно тухлое, и музыка по-прежнему орала чересчур громко. В целом все осталось как прежде. Несколько престарелых голубых сбились в одном углу, пытаясь создать атмосферу веселого вечера. Они радостно шумели и время от времени принимались то петь, то танцевать. Тяжелой поступью направляясь к бару, Джейк посмотрел в их сторону и увидел, как несколько

человек оглянулись. Он мог и ошибаться, но один из мужчин показался ему знакомым. Впрочем, Джейк не успел его как следует разглядеть.

Джейк, виляя бедрами, двинулся в туалет. У писсуаров стоял только один парень, он приветственно кивнул Джейку. Джейк подошел и, выдержав паузу, сказал:

— Тут почти ничего не изменилось.

— С каких пор, дорогуша?

— С восемьдесят первого.

— Да, как тогда было, так все и осталось.

Джейк еще раз взглянул на парня. В потемках он сразу и не разглядел, что тот не так уж и молод. Стоит порасспросить его о Леди-Добрый-День.

А парень тем временем разговорился:

— …В семьдесят восьмом, когда все вдруг разом подсели на дискотеки, у нас тут провели грандиозный ремонт, все переделали… кажется, в восемьдесят пятом постелили новый ковер, большое было событие. Потом, году, наверное, в девяносто третьем, с окон поснимали ставни — распоряжение нового руководства. Видно, хотели пролить немного света на то, что тут происходит, но были офигительно не правы. Большинству из нас, чтобы подчеркнуть свою красоту, необходимо освещение в тридцать ватт и ниже. Конечно,

к тебе это не относится, солнышко.

Последние слова парень произнес с улыбкой. Джейк нашел в себе силы улыбнуться в ответ. Он еще не дошел до той степени опьянения, когда уже не получается одновременно улыбаться и застегивать ширинку. Прежде чем отойти к умывальнику, он спросил, как можно более небрежно:

— Добрый-День, значит, паб кому-то продал?

— Ага, продал за миллион. Везунчик хренов.

В туалет вошел еще один человек, такой круглый, что ему пришлось слегка потолкаться локтями, чтобы уместиться перед писсуаром. Он говорил в нос, извиняясь за свою толкотню.

— Извини, дорогуша, — и, устроившись, добавил: — Добрый-День? Кто тут спрашивал про этого засранца?

— Он правда срубил миллион? — спросил Джейк.

— О, как ми-ни-мум, — ответил вновь пришедший. — Уж можешь мне поверить.

— И что с ним потом стало? Переехал на Багамы или вроде того?

— Добрый-День переехал? Не смеши меня. Кому он там нужен?

— Кто его полюбит так, как любим мы? — под-

хватил первый парень.

— Старая задница.

— Ха-ха.

— Он что же, здесь бывает? — спросил Джейк.

— Он тут напивается, дорогуша. Исключительно шампанским.

Джейк вышел из туалета и направился в сторону тех немолодых геев, что облюбовали себе дальний угол. Вдруг прямо перед ним поднялся со стула щеголевато одетый лысый мужчина, который не очень уверенно держался на своих старых кривых ногах. Он пошел, шатаясь, к задней двери, и на черепе у него обнаружилась тоненькая полоска аккуратно подстриженных седых волос — над шеей и над ушами. Вот почему Джейк не сразу его узнал. Если Добрый-День когда и показывался на людях без парика, то волосы его были причесаны под Бобби Чарльтона. К тому же парень сильно постарел. За пятнадцать — шестнадцать лет мужчина в полном расцвете может превратиться в настоящего старика. Именно это и произошло с Леди-Добрый-День.

Догнать его ничего не стоило. Они вышли в задний коридор, Добрый-День поднялся было до середины лестницы, но Джейк схватил его за руку.

Добрый-День сидел в своем кресле, повернув голову к окну с тюлевой занавеской, и смотрел на улицу. От Джейка его отделял дорогой стол орехового дерева, в центре которого была расстелена кружевная салфеточка. Джейк вертел в руках стакан виски, разглядывая его отчетливое отражение в глубокой полировке древесины.

— Ты тут живешь? — спросил он.

— В этой одной комнате. Я ее снимаю, но мебель принадлежит мне.

— Если тебе интересно услышать мое мнение, то как раз с мебелью тут что-то не так.

Ее было слишком много, вот что было не так. Кроме кровати и стола с четырьмя обеденными стульями Добрый-День разжился буфетом, диванчиком и здоровенной старинной радиолой.

Добрый-День пожал плечами.

— Да я знаю. Но когда у меня умерла мать, захотелось сохранить несколько ее вещей. Наверное, я слишком обезумел от горя, чтобы проявлять здравомыслие…

— Мог бы снять себе что-нибудь побольше. Говорят, ты выручил за паб миллион.

— Ага, десять! Нет, ну не задаром отдал, конечно.

— Нельзя сказать, чтобы в пабе навели поря-

док.

— Да кому это теперь надо! Вокруг пооткрывалось столько новых мест, все молодые мальчики бегут туда, а к нам стекаются одни только грустные старики — потосковать.

— А ты чего отсюда не свалишь?

— Это мой дом. Даже лучше, чем дом: гостиница. Мне застилают постель, готовят завтрак. Ем я в одном из этих новых ресторанов или хожу в Чайнатаун. А бар доверяю новому менеджеру. Может, он проявит хоть немного воображения, если позволить ему всем тут управлять.

Старик (Джейку проще было называть его про себя Бенни Сильвером, до того незнакомым казался ему этот человек) грустно пожал плечами.

— Я теперь на пенсии. Пускай Деревней управляют международные гомосексуальные корпорации. Для разнообразия, а? Как ты думаешь?

Джейк по-прежнему не был уверен, что старик его узнает. Он назвал свое имя раньше — когда схватил его за руку. Бенни Сильвер тогда только кивнул и пригласил Джейка пройти к нему в комнату. Комната сильно удивила Джейка: вся эта громоздкая мебель в стиле ар деко, будто бы специально созданная для темных пригородов Манчестера — более мрачные и неуклюжие пред-

меты смастерить было просто невозможно.

— Когда умерла твоя мать? — спросил Джейк.

— Месяца четыре назад или пять.

— Ее дом выглядел вот так?

Бенни Сильвер огляделся по сторонам.

— Очень похоже — по крайней мере, гостиная. Мрачнуха, да?

Джейк кивнул. Настоящее старушечье жилище — во всем, начиная от мебели и заканчивая запахом отсыревшей пудры для лица. Просто невозможно пить виски в комнате с таким запахом.

— Ей было девяносто два, — сказал Бенни. — На прошлой неделе должно было исполниться девяносто три.

— Много.

— Да уж… Так что мне, может, тоже тут еще лет тридцать околачиваться. Надо бы найти энергию для чего-нибудь. Начать сначала.

На салфеточке расположился еврейский канделябр, тоже в стиле ар деко — массивный, угловатый и сделанный из серебра. Бенни предоставил Джейку созерцать канделябр в одиночестве, а сам возился с древней автоматической чаеваркой. Он совсем запыхался, пока вернулся к столу, но не из-за какой-нибудь болезни, а просто потому, что

был таким толстым.

— Ты ведь меня помнишь? — решил развеять сомнения Джейк.

— Конечно. Ты Джейк — друг Джонни.

— Джонни убили пятнадцать лет назад.

Говорить это не было нужды. По тому, как задрожал в руках Бенни заварочный чайник, было ясно, что он знал и так.

— А что с Кевином Доннелли?

— Он тоже умер, — ответил Бенни, не поднимая глаз.

— Нет, я хотел спросить: ты его знал?

— Да, знал.

В таком случае оставался всего один вопрос.

— Кто его убил?

— Гэри Холлидей.

И как раз его-то полиция держит под присмотром в безопасной тюремной камере. Джейк вылил виски из бокала себе в чай и отхлебнул.

— Ты ведь всегда знал про Гэри Холлидея?

Старик кивнул. Джейк отхлебнул еще раз. Даже виски не помогало: все равно вкус у чая был такой, как будто его дня два заваривала в молоке с пенкой какая-нибудь старушка. Он швырнул чашку в безжизненное пространство комнаты. Казалось, долетев до верхней точки описанной

ею дуги, чашка на мгновенье зависла в воздухе — прямо под абажуром — и только потом с разгону влетела в радиолу. Чашка разбилась вдребезги, чай мигом испарился на бакелитовой панели.

— Если захочешь что-нибудь в этой комнате переделать, — сказал Джейк, — обращайся за идеями.

В глазах Бенни читалось: *«О, нет, нет, нет»*, а вслух он сказал:

— Вряд ли я на это решусь.

— Тебе ведь сейчас сколько — шестьдесят с чем-то? Да я уверен, что ты еще на многое решишься, ты даже сам не представляешь, сколько всего тебе по плечу. Ты знал о Гэри Холлидее и ничего не сделал.

Бенни довольно долго жевал внутреннюю сторону губы.

— Я ничего не сделал, — наконец сказал он. — Сколько раз я слышал, как люди говорят друг другу: они ничего не сделали — знали, но все равно ничего не делали. Я слышу это всю свою жизнь! Я — еврей, представляешь себе, сколько я всего понаслушался? И каково мне, как ты думаешь? Я знал о существовании монстра, но никому ничего не сказал. Хочешь знать, почему?

Джейк кивнул.

— Это длинная история, так что, пожалуйста, не торопи меня. Мне бы не хотелось, чтобы ты начал тут все крушить из-за того, что я рассказываю слишком медленно.

— Я подожду, пока ты не закончишь.

Бенни начал.

— Ну так вот. Когда я был маленьким… я не слишком издалека начал? В общем, все это началось, когда я был совсем еще маленьким мальчиком. Люди все время говорили: «Они думают, что мы едим младенцев». Помню, у меня была тетушка, она часто сажала меня к себе на колени, качала, подбрасывала, обнимала и говорила: «Они думают, мы едим маленьких детишек». А потом целовала или же отправляла на кухню, где мне давали печенье, и моя мать или какая-нибудь другая из тетушек тоже меня целовали. «Они думают, что мы едим детишек» — представляешь? Так что я с самого начала знал, что Они — где-то там, Они рассказывают про нас ужасные враки и, возможно, Они даже верят во все это! Когда я стал постарше, мне было, наверное, лет девятнадцать, я прочел одну историческую книгу о старых временах. И тогда я узнал про традиционный обряд обрезания: сделав надрез, раввин набирал в рот красного вина, поднимал младенца

и, взяв его членик губами, полоскал в вине у себя во рту. Это был лучший способ простерилизовать надрез, а может, еще и анестезирующее средство. И вот теперь представь себе, как к еврейской хижине подкрадывается тупой славянский крестьянин и тайком заглядывает в окно. Он видит, что все стоят вокруг алтаря, горят свечи, а посередине какой-то странный священник, одетый наполовину в женское платье и наполовину — в наряд владельца похоронного бюро, с безумно торчащими из-под огромной шляпы волосами, вгрызается в пах младенца, и кровь вперемешку с вином стекает по его огромной седой бороде. Что еще, по-твоему, могли подумать эти хреновы недоумки? Понятное дело, они бежали по деревне и орали: «Эти евреи едят младенцев!» Я читал и не мог поверить, насколько все просто. Все объясняется…

Бенни Сильвер качал головой, как будто бы наконец понял, что напрасно был таким доверчивым в этом недобром мире. И теперь уже никому не удастся его провести.

— Хасидим возрождают так много глупостей, что теперь-то я знаю: полоскать младенческий членик в вине во рту у раввина — нормальная традиционная вещь. Я даже видел, как это дела-

ется. И знаю, почему никто никогда не пытался разъяснить, откуда взялась эта легенда гоев о том, что мы едим младенцев. Просто потому, что все было бы зря. И не потому, что они уже и без того решили, что нас надо ненавидеть, и не стали бы даже слушать. Может, это и так, а может, и нет. Не знаю. Но проблема в том, что это и в самом деле звучит ужасно. Полоскать во рту младенческий член после того, как ты сделал на нем надрез — как вообще такое можно объяснить? А?

— Да, отвратительно.

— Ага. Даже если ты видел это своими глазами. А каково другим услышать про такое? Попытаешься объяснить, и они подумают: ну хорошо, младенцев они не едят, но все равно делают омерзительные вещи. Так вот, возвращаясь к нашему делу: да, я знал про Гэри Холлидея, и знал о нем только потому, что он принимал меня за своего — за такого же, как он, любителя потрахать юных мальчиков. Когда я понял, почему он так дорожит нашим с ним знакомством, я стал держаться от него подальше, но эта история очень меня напугала. Если он думал, что я такой, как он, то что же думали остальные?

Бенни приготовился исповедоваться.

— Я — старый козел. Я люблю тех, кого всегда

называл мальчиками. Но я никогда не имел в виду мальчиков в буквальном смысле этого слова. Я говорил о таких, как ты. Я всегда был козлом и любил молодых ребят. Из кожи вон лез, чтобы заставить их раздеться и нырнуть ко мне в постель. Мужиков вроде меня, наверное, миллионы, а может, даже почти все мужчины таковы. Разница только в том, что большинство из них предпочитают девочек. В смысле, слишком молодых женщин. А поскольку лично мне нравятся слишком молодые мужчины, я боялся что-нибудь сказать. Очень многим мое пристрастие само по себе показалось бы омерзительным, и что с того, что я не причастен к какому-то там конкретному преступлению, если по уши виновен в чем-то еще? Сколько тебе тогда было — семнадцать, восемнадцать?

— Семнадцать и восемнадцать.

— Если бы мне удалось тебя тогда умаслить, я мог бы за это сесть.

— Да, мог бы. Хотя теперь закон изменился, в восемнадцать уже можно.

Они немного посидели молча, пока Джейк наконец не произнес.

— Так говоришь, главная проблема была в том, что ты боялся.

— После того, как Джонни погиб, я был просто в панике.

— Гэри Холлидей сказал тебе, что это он убил Джонни?

— Считай, что сказал.

— И сказал, зачем?

— У Джонни были кассеты, на которых Холлидей с друзьями занимались этими своими делишками. Он собирался отнести их в полицию.

— А Кевин? За что убили его?

— За то же самое. Каким-то образом ему удалось заполучить те же записи — или их копии.

— Это Холлидей тебе так сказал?

— Он не сказал, а проорал. Он бегал по всей Деревне и искал кого-нибудь, кто бы знал, где искать Кевина Доннелли, — его нужно было перехватить прежде, чем тот доберется до участка.

Мысли путались. Джейк размышлял, стоит ли разнести всю эту комнату и сумеет ли он себя потом оправдать. Вероятно, старику он этим только поможет — пускай еще разок как следует все обдумает.

Глава четырнадцатая

Джейк положил пакет с кассетами на дымчато-голубую обшивку стереосистемы. В комнате почти ничего не было видно, и куда бы он ни поставил ногу, всюду что-то валялось: чашки, банки, опрокинутые блюдца, полные окурков. На диване спали какие-то мальчик и девочка, еще один человек растянулся прямо на полу, укрывшись пальто. Когда Джейк проходил через комнату, открылся чей-то глаз.

— Здоров, Джейк, как дела?

Могло быть и получше, но Джейк только кивнул, *отлично,* и переступил через тело интересующегося.

Шалаш Феи цел и невредим стоял в углу — чтобы его завалить, нужно было бы веселиться уж слишком круто. Джейк отодвинул розовое мохнатое покрывало, которое играло роль входной двери, и заглянул внутрь. Там лежал Кевин Доннелли, и с ним больше никого. Джейк вернул покрывало на место и пошел к лестнице. Теперь он вспомнил: Шон перебрался во Фликстон, райончик любителей Перри. Фея, очевидно, занял

его комнату. Он первым кричал «чур моя».

Поднявшись наверх, Джейк увидел под дверью Джонни полоску дневного света и вошел. Джонни лежал в постели с двумя девушками. Джейк не сразу узнал в них Ребекку и ее подружку Дебс. Разобравшись, кто есть кто, он смутился и порадовался, что вроде бы никто его не услышал.

Но когда он начал закрывать за собой дверь, Джонни вдруг поднял голову и спросил:

— Джейк, это ты? Который час?

— Полдесятого.

— Охренеть. — Джонни морщился от дневного света, хотя солнце светило еще не очень ярко. — Что с тобой случилось?

Джейк не знал, что ответить. Придумал только: обкурился и бегал по улицам.

— У тебя что, фингал?

Джейк знал, что у него подбит глаз, но сам не стал бы называть это фингалом, не так уж там и заметно. Видно, осталось от вчерашней драки у автовокзала.

— Я встретил того парня, о котором тебе говорил Кевин Доннелли, ну, того, что хотел переписать кассеты. Они внизу, на проигрывателе.

— Отлично. Отнесу их Джанку, — ответил Джонни и показал рукой на девушек. — Попозже.

Вы о цене договорились?

Холлидея, похоже, не очень волновала цена, главное, чтобы все было сделано с предельной осторожностью.

— Не-а.

— Ну хотя бы сколько копий ему надо?

— Каждой по четыре, все на Ви-Эйч-Эс. — Это Джейк помнил. — Слушай, Джонни, я умру, если сейчас же не лягу. Увидимся позже.

Ребекка зашевелилась на груди у Джонни и открыла сонные глаза, опухшие и ранимые, как у игрушечного инопланетянина. Странно, ведь по ночам лучшим в ней были именно глаза. Подводка в стиле Клеопатры даже и сейчас была на месте. Джейк прикрыл за собой дверь прежде, чем Ребекка окончательно проснулась.

Дверь в его собственную комнату была закрыта. Джейк толкнул ее и почувствовал, что изнутри к двери привалена горка небрежно брошенной одежды. Это были вещи Домино. А сам Домино лежал в его постели. Джейк немного постоял, соображая, что делать, потом повернулся и заглянул в комнату Шона. Так и есть: теперь тут расположился Фея. Он лежал голый на едва застеленной кровати и спал, укрывшись клетчатой собачьей подстилкой и прижавшись к парик-

махеру Стиви. Собачьим духом в комнате пахло очень сильно, сексом — нет. Это не означало, что никакого секса тут не было, просто Джейк и сам пах тем же и уже принюхался. Он вернулся к себе, подгоняемый подкатившей к горлу тошнотой.

В шкафу у Джейка, под нижней полкой, на которой лежали аккуратно сложенные рубашки, хранился спальный мешок. Джейк развернул его, расстелил на полу в тени кровати и забрался внутрь. Еще с полчаса крошечные колокольчики амфетамина в крови и мозгу не давали ему уснуть. А потом все вдруг стихло.

Его сон только один раз ненадолго прервал Домино, но Джейк накрылся с головой, и тот отстал. Прошло еще очень много времени, прежде чем в комнату вошел Джонни и разбудил Джейка, усевшись на край кровати у него над головой. Он протянул руку прямо в его сны и энергично потряс за плечо.

— Джейк, Джейк.

Из сна он прямиком вынырнул в море света. Кто-то раздвинул шторы на окне.

— Чего?

У Джонни возле ног лежал пластиковый пакет. Видеокассеты.

— Джейк, ты знаешь, что тут?

Джейк помотал головой.

— Порно? — предположил он.

— Нет. Не порно.

Джейк изо всех сил старался проснуться. Голова просто раскалывалась где-то в районе глаз.

— Не порно?

— Тут настоящая хрень. Реальное насилие. Этот чувак трахает детей в своем доме.

Теперь Джейк проснулся окончательно.

— Ты это видел?

— Выдержал только одну минуту. Джанк отказался такое переписывать. Просто не мог на это смотреть. И хотел бы я знать, какого хрена Кевин Доннелли прислал этого парня ко мне? У него вообще с головой все в порядке?

Джонни выбежал из комнаты и, перепрыгивая через ступеньки, влетел в гостиную. Джейк выбрался из спального мешка и пошел за ним. Джонни стоял, наклонившись над диваном, и разговаривал с Феей. Никто не знал, куда ушел Кевин Доннелли. Фея предположил, что он, должно быть, работает, но Джонни так не думал.

— Сегодня же воскресенье, мать его! Какая, на хрен, работа в воскресенье!

— Чай кто-нибудь будет? — спросил Джейк.

— Чай? Да меня им вывернет! — Джонни достал

из пакета кассету и помахал ею в воздухе. — Там реальный ребенок, совсем мальчишка, с вот такими выпученными от боли глазами. Этот Кевин что, совсем больной? Ведь это тот самый чувак, который когда-то его самого затрахивал до смерти, а Кевин ему теперь помогает. И пока он помогает, этот мудак делает то же самое с другими детьми.

В конце концов Джонни все-таки согласился на чашку чая. За один час он выглушил несколько чашек крепкого и очень сладкого варева — и его не вывернуло. Кевин Доннелли объявился как раз на третьей чашке.

Он остановился напротив дивана, и все трое уставились на него, казавшегося еще более сгорбленным и побитым, чем обычно. На Кевине опять была его повседневная одежда — теплая куртка и джинсы в обтяжку. Карманный воришка из Борстала — у них на скамье подсудимых.

— Этот долбанутый ублюдок — он вообще кто, а? — спросил Джонни.

— Гэри Холлидей, — ответил Кевин.

Джонни сказал, что ему насрать, как этого парня зовут, он только хочет знать, какого черта Доннелли его к ним прислал. Мальчик не знал, что ответить, и прикусил свою тонкую нижнюю

губу.

— Я вообще не врубаюсь, тебе-то это на фиг нужно? — Джонни повернулся к Фее. — Не, ну что за хрень происходит, а?

Джонни чувствовал себя так, будто вывалялся в грязи. Он сказал об этом не один раз. Он сидел на диване, и видно было, что ему не по себе: грязной кажется его же собственная одежда и даже кожа. Джейк никогда еще его таким не видел.

— Он говорит мне, что делать, — сказал Доннелли.

— И ты делаешь?

— Если не делать, будет только хуже.

Джейк снова припомнил историю Кевина: после того, как тот провел один год в исправительном доме, приставленный к нему социальный работник счел этот срок достаточным. Но Гэри Холлидей сказал: нет, мальчик еще не готов, еще несколько месяцев и тогда, может быть… но не сейчас. Сказал — и все. Каково это — пережить подобное в четырнадцать лет? И еще: всякий раз, когда он убегал, ему добавляли несколько месяцев сверх положенного срока. Даже если бы не все остальное, одного этого было довольно, чтобы убедить Доннелли в том, что у него нет другого выхода, кроме как продолжать в том же

духе и выполнять все прихоти Холлидея.

Джонни говорил отчетливо и твердо, даже немного торжественно. Джейк таким его никогда раньше не видел.

— Ты больше там не живешь. Ты живешь здесь. Тебе семнадцать лет, ты сам зарабатываешь на жизнь и можешь поступать так, как тебе хочется.

Кевин топтался на ковре перед диваном.

— Он говорит мне, что делать, и я стараюсь его не подвести.

— Нет. Нет. Нет. — Джонни говорил еще медленнее и еще громче — так, наверное, вдалбливают идиотам очевидные вещи. — Этот жирный лысый ублюдок подползает к тебе, и ты делаешь все, что он говорит? Нет. Послушай меня, в следующий раз пни этого козла по яйцам. Или разбей стакан о его рожу. Понял?

Кевин мотал головой.

— Он не жирный и не лысый. Это мистер Форд, а не Гэри.

— Кто?

— Мистер Форд, наставник в отделении Дрейка. Гэри — из отделения Ради.

Джонни все никак не мог въехать. Он ведь видел парня на кассете.

— Гэри не жирный и не лысый, — настаивал Доннелли. — Правда?

Джейк вдруг понял, что мальчик в упор смотрит на него. Он помотал головой.

— Нет. Довольно молодой. С волосами.

— Так кто же тогда Форд? — не унимался Джонни.

Кевин, мямля и запинаясь, объяснил, что в школе было четыре наставника: в отделениях Дрейка, Рали, Нельсона и Скотта.

— И все четверо трахают детей?

Доннелли кивнул.

— В Колчестер-Холле — четверо. Но иногда они брали нас с собой на вечеринки в другие исправительные дома.

Торжественность улетучилась из голоса Джонни, он начал понимать, что все намного сложнее, чем он предполагал. Оказывается, мало просто пойти и вырубить этого парня — одним ударом по яйцам проблему не решишь. Но и принять страшную правду он никак не мог.

— Почему никто ничего не делает? Не может быть, чтобы об этом никто не узнал, раз их так много!

Джонни забыл, что ведь и сам он тоже об этом знал. Знал задолго до сегодняшнего дня. Ну или,

по крайней мере, слышал разговоры про это. Разница состояла лишь в том, что теперь он своими глазами увидел видеозапись того, как жирный лысый череп обрабатывает плачущего мальчугана. Уж слишком это было наглядно. И теперь его интересовало, почему никто до сих пор не обратился в полицию.

— Думаю, в полиции знают, — сказал Доннелли.

— Как?

— Ну, должны знать. Ведь это они нас туда отправляют, и они же привозят нас туда снова. Я знаю, что некоторые ребята говорили им про это. И то ли они все об этом знают, но им насрать, то ли ни слову не верят.

Джонни размахивал над головой кассетой.

— Но ведь у тебя есть доказательства, мать его! Теперь-то они просто обязаны поверить!

Доннелли все больше и больше съеживался в своей одежде, становился короче и сверху, и снизу, как будто парня засасывало в ту самую его часть, которой больше всего доставалось. Ему было наплевать на доказательства, ему неинтересно было знать, что там увидел Джонни на пленке.

Джонни отшвырнул кассету.

— Полиция Манчестера ненавидит геев. Как же

они могут допускать такие вещи и продолжать через день устраивать облавы в Деревне?

Он никак не мог прийти в себя. И два часа спустя все продолжал возмущаться слепым тупизмом полиции. Никто не знал, что ему на это сказать.

— Чтоб они сдохли, лицемеры долбаные.

Джейк и Джонни снова шли вдвоем по полосе гудрона, смеси из грязи, стекла и солярки, к дому Джанка в противоположной стороне Хьюма.

Джейк смог выдвинуть только одно предположение, придумать что-то получше не удалось.

— Полиция ничего не видит. Все, что происходит в Колчестер-Холле, — мертвая точка.

— Да ни хрена! Все это происходит прямо у них под носом!

— Нет. Это происходит у них за спиной. Под носом у них только такие места, как Мосс-Сайд, Уэлли-Рендж[70] и Деревня. Они думают, что ведут войну со злом, им и в голову не придет заглядывать в разные там исправительные дома и докапываться до учреждений, которые помогают им в работе.

Когда они проходили мимо поля для мини-футбола, в глаза бросился искореженный забор,

---

[70] Примечания: 70

Уэлли-Рендж — манчестерский район «красных фонарей».

из которого повыдергивали бетонные опоры — наверное, утащили но время мятежей, проходивших тут в начале года, и использовали в качестве тарана. По всему Мосс-Сайду и Хьюму стены домов изрядно пообтрепались — их разбирали по кирпичику и пускали на боеприпасы. На дороге тут и там темнели выжженные пятна — это мятежники поджигали машины и возводили баррикады. Однажды вечером можно было подумать, что тут снимают римейк фильма «Бронкс, форт апачей»: работали телекамеры, а народ карабкался на крышу полицейского участка Мосс-Сайда и грозился выжечь логово легавых дотла. Вот это действительно была война. В нее полиция верила, и не только полиция, но и все остальные — как ее сторонники, так и противники.

— Андертон знает, что все его ненавидят. Муниципалитет набит троцкистами, студенческие союзы бастуют против полицейской жестокости, половина города побывала на мятежах. Его крепость в осаде, так с чего бы ему вдруг начать вылавливать таких людей, как Холлидей?

— Никакая это на хрен не осада, — ответил Джонни. — Это игра. Просто им на руку раздувать опасность, которую представляют собой эти

троцкисты-мятежники — тогда заурядные добропорядочные засранцы перепугаются и начнут оказывать поддержку полиции.

— Заявляясь каждый вечер в Деревню? Нет, это война. После Мосс-Сайда они воспринимают Деревню как второй фронт.

Джонни не согласился.

— Ни хрена! Люди вроде Паскаля не испытывают ненависти к Деревне. Просто это легкая мишень.

В представлении Джонни полиция была прибежищем для прагматичных лицемеров. Учреждением для недоумков, которым хватает благоразумия только на то, чтобы не показывать, какие они на самом деле придурки.

Но Джонни ошибается — Джейк был в этом совершенно уверен. Если говорить о сущности полиции, о том, что лежит в основе ее деятельности, в чем состоят ее главные ценности, то надо понимать, что на карту здесь поставлены реальные принципы. Возможно, обычные полицейские, такие, которые просто выполняют грязную работу, и в самом деле плохо понимают, что делают. Но Андертон и Паскаль — фанаты. Они реально живут мыслью, что добро должно бороться со злом. Ну нет, конечно, они не какие-нибудь там

гениальные личности, но у них в голове есть четкое представление: вон то — плохо, а вот это — хорошо. Джейк пытался втолковать это Джонни, но тот стоял на своем.

— Да дерьмо все это, Джейк! Если у них и есть какой-нибудь веский повод всеми силами набрасываться на Деревню, то этот повод — мы. Им так нравится за нами гоняться, что они думают, будто всем есть до нас такое же дело. Они считают нас заразными и заботятся о том, чтобы зараза не расползалась по городу. Ведь они же уверены, что весь мир только и мечтает, чтобы попасть под влияние таких, как мы.

А может, Джонни в чем-то и прав. Андертон и Паскаль вполне могли на такое купиться: поверить в то, что искушение — единственная неопровержимая сила на земле, сила, перед которой без Божьей помощи не устоишь. Только это, пожалуй, и сближает их веру с твердой убежденностью Джейка и Джонни в том, что весь мир хочет с ними переспать.

— Таких, как мы? — переспросил Джейк. — А таких, как Гэри Холлидей?

— Чтоб он сдох.

— Ты думаешь, он какой? С рогами и с гребаным хвостом на заднице? Он молодой, хорошо

одевается и может…

Джонни не дал Джейку договорить и раздраженно сплюнул:

— Да уж, он *может!*

Джонни весь скривился от омерзения. Джейк совсем не это имел в виду — он и не собирался говорить, что парень силен в постели. Разговор явно не клеился: что бы он ни сказал, все сводилось к одному.

— Я имел в виду, что он совсем не такой, как мы. Не какой-нибудь там педик в нарядных одежках. Не панк, не проститутка, не балдеет от «кислоты». Он может внушать доверие. Если бы Кевин Доннелли решил на него пожаловаться, ему бы никто не поверил. И будь ты Доннелли, понимал бы, что у тебя нет никаких шансов в борьбе против Холлидея.

— Я — не Доннелли.

— А что бы ты сделал — вырвал ему яйца?

— Да я бы его заставил их жрать!

— А, ну да, ты — не Доннелли. Ты не прошел через то, через что прошел он. Он уже не нормальный человек. И, возможно, считает, что никогда не был нормальным. Наверняка он думает, что, будь он нормальным, Холлидей бы его не выбрал.

— Но это ведь не означает, что он должен из кожи вон лезть, чтобы помогать этому ублюдку! И еще просить меня сделать копии его долбаных кассет.

Джейк подумал: *Он не тебя просил. Он просил меня.*

А вслух сказал:

— Нельзя винить Кевина. Он считает, что заслужил такое отношение. Ты только взгляни на него: самый трудолюбивый мальчик-проститутка во всем Манчестере. Ты думаешь, он хоть раз сделал паузу, чтобы поразмыслить, в этом ли его истинное предназначение? Ведь он просто не знает ничего другого.

— И поэтому он, мать его, водится с парнем, у которого год просидел под замком в качестве персональной игрушки для трахания? В этом его гребаное предназначение?

Джейк не знал, что именно думает Кевин Доннелли. Лично он, Джейк, продолжал жить так, как живется. И все остальные занимались тем же — жили, как живется, и разница была лишь в том, как именно они это делали. Одни, будто калеки, толкали перед собой все свое дерьмо из прошлого, а другие плевали на боль, убегая от нее далеко вперед. И вылетали из игры первыми,

в ослепительной вспышке отчаяния.

Глава пятнадцатая

Джейк проснулся от пронзительной боли в голове. Оказывается, пронзительно визжало не в голове, а на прикроватном столике — звонил телефон. Однако, когда Джейк поднял трубку, там были только короткие гудки. Он лежал с трубкой у уха и с минуту соображал, в чем дело, пока наконец не понял, что это гостиничный будильник, которого он вообще-то не заказывал. Достал из-под кровати очки и часы: пятнадцать минут девятого. Через каких-то двадцать секунд ему был доставлен английский завтрак. Джейк определенно не имел к этому никакого отношения. В том состоянии, в каком он завалился в постель прошлой ночью, он просто физически не мог столько всего напланировать. Пока он пил кофе, позвонил инспектор Грин. Инспектор готов был сознаться в том, что да, он подумал, Джейку может понадобиться помощь в пробуждении.

— Ты один?

Джейк оглядел левую половину своей постели и посмотрел на вторую кровать.

— Да.

— А то ты вчера так разгулялся в Деревне, что наверняка должен был кого-нибудь подхватить.

— Нет.

— Не больно ты сегодня разговорчив. Знаешь что, даю тебе полчаса. Буду ждать внизу.

Джейк спустился в холл гостиницы ровно в девять. Полицейский пил чай с тремя бурбоновыми печеньями, но, завидев Джейка, бросил на столик несколько монет и бегом ринулся к нему, высматривая Джейка из-за колонн, пока наконец не настиг его у будки швейцара.

— Не забудь свою машину. — Грин кивнул на швейцара, который, широко улыбаясь, стоял в дверях.

— Что? — не понял Джейк.

— Скажи этому человеку, какой у тебя номер комнаты. Он даст тебе ключи от машины, которую ты взял напрокат.

Ключи лежали в увесистом конверте. Там же находилась ксерокопия техпаспорта автомобиля с его описанием: марка, модель, регистрационный номер. Джейк развернул листок и обнаружил, что взял в прокате «лексус». Он едва заметно кивнул: *благодарю вас*, но ничем не выдал удивления. Не стал спрашивать, зачем ему машина и откуда Грину известен номер его водительских прав.

Просто попытался изобразить такую же тундровую непробиваемость, какую демонстрировал вот уже два дня — по крайней мере, когда знал, что за ним наблюдают. Странно только, что Грин не пристает — даже не сказал ничего о том, что вчера вечером Джейк вел себя пораскованнее, чем сегодня. Напиваясь поочередно то в одном пабе Деревни, то в другом, Джейк запросто мог теперь не упомнить всего, что с ним вчера произошло. Но и инспектор, похоже, не был настроен поболтать — даже не стал спрашивать, удалось ли Джейку выведать что-нибудь у Бенни Сильвера — Доброго-Дня.

Машина цвета мокрого асфальта выглядела скромнее, чем стоила, и была припаркована у «Джи-Мекс».[71] «Лексус», как и было указано в отксерокопированных документах. Инспектор Грин открыл дверцу с пассажирской стороны и уселся в кресло. Он словно показывал всем своим видом, что есть люди, которые водят машину, а есть такие, кто привык иметь шофера. Джейк не стал спрашивать Грина, не тут ли кроется объяснение всей этой истории с прокатом. Он даже не

[71] Примечания: 71

G-Mex — Greater Manchester Exhibition Center — Выставочный центр Большого Манчестера, расположенный в здании уже упоминавшегося ранее бывшего центрального вокзала.

спросил, куда ехать.

Они проехали уже миль шесть, когда Джейк обернулся к инспектору и сказал:

— Вы — лицемер.

Заявление было сделано до того прямо и однозначно, что прозвучало даже враждебно. Нельзя сказать, чтобы Грин подскочил в своем пассажирском кресле, но он метнул на Джейка оценивающий взгляд — попытался определить его настроение, прежде чем придумать ответ.

— Ну вот скажите, — решил пояснить свои слова Джейк, — что вы на самом деле думали тогда о Деревне?

— Как лицемер?

— Да.

Ну что тут ответишь, когда спрашивают так в лоб? Грин размышлял совсем немного.

— Я думал, — сказал он, — что благодаря этому дерьму мне дадут повышение.

— А как же те двое голубых из Олдэма — медбрат и учитель? Ведь мы сломали им жизнь.

Грин пожал плечами.

— Знаю. Я много кому ломаю жизнь. Зарабатываю этим на хлеб. По большей части я стараюсь ломать жизнь плохим людям, но если бы мне вздумалось взвешивать все за и против в каж-

дом конкретном случае, я бы вообще не смог работать.

Джейк конечно же понимал, что инспектор вовсе не имеет в виду, что его сгубили бы противоречия и парадоксы, что в конечном итоге у него произошел бы разлад с самим собой. И зачем он вообще спрашивал…

— Да нет же, етить! — Грин в голос расхохотался. — Просто, если бы я заморачивался такими вещами, то не дал бы работать всем этим распиздяям в Королевской прокуратуре. Ведь кто я такой? Простой полицейский.

Грин откинулся в кресле. Он будто бы ждал, что Джейк обернется посмотреть на него, и тогда он продемонстрирует ему свое непроницаемое выражение лица. Сработало, но вот только Джейк не разобрался, что именно изображал Грин — самодовольство или что-то такое, что сам считал ироничным взглядом. Поэтому он решил вернуть взгляд на дорогу. Они добрались до холмистой местности и теперь ехали в гору. От Манчестера за спиной осталась только мутная дымка, изрезанная шрамами конструкторских идей. Еще несколько миль, и приличная трасса закончится. Они свернут с дороги, и вокруг останутся одни только холмы да овцы. Лобовое стекло уже сей-

час разделилось по всей длине: в нижней части — темно-красные и коричневые тона Пеннин, а сверху — холодное голубое небо.

Грин, увидев такое, забеспокоился. По крайней мере, настолько, чтобы прекратить наконец свою игру в молчанку. Все равно он бы долго не выдержал — не тот темперамент.

— Так что ты там спрашивал? — начал он. — Что я думаю о Деревне теперь? Должен тебе признаться, она мне очень нравится. Приятное и чистое местечко, для туристов самое оно. И городу приносит деньги, и полиции мороки никакой. Что может быть лучше! А если ты спросишь меня, сожалею ли я о том, как жестоко мы с ней обходились, я отвечу тебе: нет. Безумные были времена — считай, культурное наследие. Благодаря тому, что здесь происходило, теперь любой может сказать: раньше тут было гетто, а теперь вы только взгляните — это ведь просто парк культуры и отдыха, посвященный городскому планированию!

— А что вы думали об Андертоне и Паскале?

— Ну да, у них была другая точка зрения. Расскажу тебе одну вещь, которая врезалась мне в память. Как-то раз я пил с ними пиво, давно — я тогда еще был констеблем, и какой-то пьяный пидор повернулся к Паскалю и говорит: «А, куч-

ка дрочил к нам пожаловала!» Ну, может, я не дословно запомнил, но суть была такая. Паскаль сделал вид, что ничего не услышал, и сказал нам, что задача полиции — подавать обществу пример высокой нравственности. Не знаю, что этот засранец вообще делал в пабе, он ведь не пьет.

Грин покачал головой — просто оттого, что смеялся.

— Да, в те времена какого только ржача люди не придумывали про нас, полицейских. Хотя, знаешь, все эти разговорчики о том, для чего мы нужны, приносили нам нереальные прибавки к жалованью. Представляешь, в восьмидесятых годах одно время было такое, что даже полицейский в самом младшем чине — то есть такой, которому еще и двадцати лет нет — получал больше, чем учитель с десятилетним стажем плюс еще до этого четыре года учебы в университете. А мне что, мне было насрать. Просто чудно было смотреть, как какой-нибудь молокосос едет на дорогушей спортивной машине, и думать: твою мать, а ведь этот засранец — коп!

Они приближались к перекрестку. По ту сторону показались неровные очертания Сэдцлуорт-мур, куда свалили тело Кевина Доннелли. А оттуда — рукой подать до границы с Колденстолл-

мур, где много лет назад обнаружили останки Джонни. Грин не забыл указать на обе эти достопримечательности, когда они проезжали мимо.

Джейк только покрепче вцепился в руль и постарался не расслышать ни слова из того, о чем рассказывает инспектор — тот вспоминал, как пришлось рубить торф мотыгами, чтобы извлечь тело Джонни целиком, земля уж больно тогда промерзла.

— Когда приедем, смотри на его руки, — сказал Грин.

— Что? — Джейк резко обернулся.

— В тюрьму когда приедем. Смотри на руки Холлидея — сразу поймешь, виновен он или нет. Старый полицейский трюк.

— Они что, должны быть красными или какими?

— А хрен его знает! У меня самого ни разу не сработало. Просто сейчас вдруг вспомнил. Однажды я стоял рядом с Паскалем на одной конференции и думал: *И как мне перед ним объясняться, когда он узнает, что дальше гребаного бара я тут не сунусь?* Но тут к нам подошел какой-то там старший инспектор из Девона или вроде того и стал расспрашивать про Андертона. Старик явно не мог поверить в то, что такому человеку доверили

руководить вторыми по значимости вооруженными силами в стране. Он, правда, старался говорить очень осторожно — ну, мямлил там что-то про высокие интеллектуальные требования этой должности. А Паскаль улыбнулся ему такой, знаешь, самодовольной улыбочкой и говорит, что да, мол, начальник полиции — не интеллектуал, но ему это и не надо, вы только посмотрите на его руки. Паскаль типа считал, что руки у Андертона честные и что сама судьба вложила в них эту власть. Ты можешь в такое поверить? Джейк мог. Это было очень в духе Паскаля.

— Ну, так и что же? Ты считаешь, это Холлидей замочил твоего дружка Кевина Доннелли?

— Бенни Сильвер думает, что да. Он рассказал мне, как Холлидей за несколько дней до того бегал по Деревне и расспрашивал у людей, не видел ли кто Доннелли. Боялся, что у Кевина есть против него улики.

— Я тоже про это слышал. Но мне как-то в голову не пришло спросить об этом у старика Доброго-Дня. Он тебе еще что-нибудь сказал?

— Сказал, что хочет, чтобы его считали старым козлом.

— Ого, какое честолюбие! Значит, просто быть миллионером ему мало? — Грин не преминул

продемонстрировать Джейку, что и ему тоже известны сплетни о сказочном богатстве Бенни Сильвера.

Скоростное шоссе закончилось, и дорога пошла еще круче в гору. Когда они снова выберутся на ровную поверхность, на горизонте покажется тюрьма.

— Есть еще какие-нибудь полицейские штучки? Что-нибудь, чтобы можно было понять, виновен он или нет.

— Спроси его, какие улики были у Доннелли.

— Видеокассеты, — сказал Джейк и тут же об этом пожалел. Лицо инспектора Грина вытянулось так, как будто он впервые об этом слышал.

— Это тебе Сильвер сказал?

— Видеокассеты были в этом деле с самого начала. Джонни знал одного парня — Джона Ки, который мог переписать их для Холлидея.

— Да ну? Старина безглазый Джанк переписывал его кассеты?

— Может, об этом вам лучше поговорить с ним самим?

Грин покачал головой.

— Вряд ли. Его взяли во время очередного налета, и кто-то в суматохе отстрелил ему полголовы.

— Он мертв?

— Нет. В больнице, в Престуиче. Насколько я знаю, ведет там курсы видеозаписи, но только самые безнадежные пациенты понимают, что он там бормочет. Не думаю, чтобы Джанк мог сказать что-нибудь такое, что пригодилось бы в суде.

— Если у вас нет этих видеокассет, то на чем основано обвинение против Холлидея?

— На заявлениях, признаниях, ну и всякой прочей фигне, как обычно. А вот мне интересно, почему ты никогда ничего про это не рассказывал, ведь ты, оказывается, все знал. Ну и дерьмовый же все-таки из тебя получился доносчик.

Это было даже не смешно.

Глава шестнадцатая

Джонни кивал головой в такт музыке и барабанил пальцами по ободу руля, похожий на клубок нервной энергии, которая вот-вот фонтаном рванет наружу. Джейк ждал. Они уже полчаса сидели в темноте угнанного «фольксвагена-гольф», пытаясь оценить тяжесть металлических охранных ворот. Несмотря на клокочущую в нем энергию, Джонни, похоже, не больно торопился нажать на кнопку звонка и доставить заказ.

Впереди, в конце асфальтированной дорожки, возвышался освещенный прожекторами Колчестер-Холл, два его крыла раскинулись как на театральном заднике. Исправительный дом манил своим теплом приблизительно как душевая в палате психбольницы.

Джейк не хотел сюда ехать, но что с того. Когда Джонни его попросил, он согласился. Если Гэри Холлидей вдруг чего надумает, лучше быть вдвоем. С самого начала мальчики старались вести себя как можно более осторожно. Угнали машину, вместо того чтобы взять такси. Не хотелось бы, чтобы их имя выкрикивал в радиоэфире

диспетчер таксопарка или чтобы какой-нибудь бессонный водитель потом смутно припомнил, что высаживал где-то тут этих двоих. А если понадобится быстро смываться, меньше всего хотелось бы оказаться в заброшенной пригородной телефонной будке и дожидаться там другого такси.

Чтобы вести машину, Джонни нужна была особая музыка, так что им повезло, что машину украли раньше, чем стереосистему. От самого Принсез-Паркуэй они слушали на повторе альбом «Separates»[72] группы «999». Когда они уже припарковались, песня «Homicide»[73] все играла, уже неизвестно в который раз, и в припеве снова и снова повторялось: «гоми гоми гоми гоми». Джейк никогда не понимал, почему эта группа так популярна у скинов и маловменяемых ой-панков. В половине их песен есть что-то подозрительное, одни названия чего стоят: «Feeling Alright with the Crew» или «The Boy Can't Make It with Girls».[74] Но

---

[72] Примечания: 72

Здесь: «Отделившиеся» *(англ.),* альбом в стиле панк-рок 1978 года.

[73] Примечания: 73

«Убийство» *(англ.).*

[74] Примечания: 74

Здесь: «Мне хорошо с моими ребятами» и «У мальчика не получается с девочками» *(англ.).*

круче всего, конечно, этот припев: *«гоми гоми гоми гоми»* в «Homicide», который наводит на мысли вовсе и не о желании кого-нибудь убить, а о вожделении совсем другого рода, которое плохо скрывается за чересчур высоким голосом, насквозь пропитанным неврозом и отчаянием. Вокалист группы не похож на убийцу — если только в том смысле, в котором Уильям Берроуз сравнивал одного своего персонажа с собакой, загрызающей овец. Обыкновенный мальчик-панк этот вокалист, это же очевидно.

Еще два таких же сидели в темноте угнанной машины, в окне видны были только их профили с нимбом из яркого света охранных огней. Когда Джонни наконец кивнул, что готов, его охватила какая-то судорожная решимость. Он выскочил из машины, и Джейк наблюдал за его перемещениями в зеркале заднего вида. Кассеты были сложены в коробки и дожидались в багажнике. Джейк вышел из машины помочь.

Переговорное устройство висело на правом столбе ворот. Джейк нажал на кнопку, и некоторое время они ждали, пока сквозь динамик не пробился чей-то голос. Джейк его не узнал.

— Гэри Холлидей?

— Кто это?

— Друг Кевина Доннелли, вчера, помните?

Ворота не открылись. Мальчики стояли на морозе с картонными коробками в руках и притоптывали ногами, чтобы согреться. Только сейчас, услышав постукивание каблуков, Джейк заметил, что на Джонни новые босоножки. Под босоножками больше ничего не было, и Джонни от холода подвернул пальцы.

— Нажми-ка еще, — сказал он.

Джейк уже и сам собирался это сделать — испугался, что Джонни умрет от воспаления легких. Но тут они услышали стальное хрипенье, и автоматические ворота стали медленно раздвигаться. Мальчики вошли в образовавшуюся щель и начали подниматься вверх по холму в сопровождении света галогенового прожектора и посаженных вдоль дорожки кустов рододендрона.

Колчестер-Холл был довоенным особняком, не таким уж и старым, но стилизованным под что-то такое шотландско-баронское. По периметру крыши тянулись довольно топорно сделанные зубцы. В широченную входную дверь можно было въехать прямо на «гольфе», если не жалко боковых зеркал. У входа в дом висел еще один интерком. Мальчики позвонили и стали ждать. Пока не слышно было даже никакого звука ша-

гов, ничего обнадеживающего.

Джонни немного пожонглировал коробкой с кассетами, чтобы повернуть к себе циферблат часов на руке.

— Думаешь, они все уже в постели? — спросил он. И через несколько секунд добавил: — Вместе?

Джейк на шаг отступил от сводчатого крыльца из камня и оглядел дом. На верхнем этаже горел свет.

— Доннелли говорил, тут по восемь мальчиков в каждом отделении, — сказал он. — Итого вместе с наставниками тридцать шесть человек.

— А еще какие-нибудь служащие?

Джейк помотал головой.

— Нет. Есть повар, но он приходит только днем, а уборкой и всем остальным ребята занимаются сами.

— А что это там такое было, мимо чего мы шли? Теннисные корты, что ли? — Джонни указал в сторону кустов, за которыми было натянуто проволочное ограждение.

Джейк кивнул. Два теннисных корта.

— А, ненавижу на хрен теннис, — пробурчал Джонни.

— Да? — Джейку показалось странным, что можно иметь какое-то мнение о теннисе. Хотя,

если закрыть глаза на высокие каблуки, Джонни легко представить в кедах, он бы даже сошел за атлета, защищающего спортивную честь округа. Да они бы оба сошли, только Джейк был скорее похож на прыгуна в длину, это вот Джонни — настоящий десятиборец. Колчестер-Холл гордился своими спортивными достижениями — одно из немногочисленных сведений, которые им удалось вытянуть из Кевина Доннелли.

— Ненавидишь теннис? А что тебе нравится?

Джонни оглянулся, удивленный таким вопросом, и даже почти смутился.

— Все остальное, — ответил он. — Ну, в смысле, раньше нравилось, в школе.

Он начал говорить о командных видах спорта. Джейк попытался представить себе Джонни в роли нападающего школьной футбольной команды, участника схватки в рэгби или, может быть, питчера на бейсбольном поле. Джейку самому было четырнадцать лет, когда он осознал, что не способен играть в командные игры. В том возрасте он всерьез увлекся самоанализом и был просто поражен, что такая простая мысль не приходила ему в голову раньше. В его характере не было ни одной черты, свойственной командным игрокам. Он получил школьный значок за

плавание и выиграл медаль на соревнованиях в беге по пересеченной местности. Чемпионата по карате в школе не было, но в течение почти пяти лет — до тех пор, пока он не уехал из города, Джейк по три вечера в неделю тренировался в доме культуры Колденстолла. Он никогда не рассказывал об этом Джонни, так что, кто знает, может, и у того тоже есть свои секреты.

Дверь открылась. Гэри Холлидей улыбнулся им сквозь завесу из мягких каштановых волос.

— Прости, что заставил ждать, — сказал он Джейку, а потом слегка наморщил лоб, посмотрев на Джонни. — А это кто?

— Джонни.

Холлидей оглядел мальчика с головы до ног и, опустив глаза, задержал взгляд на десяти пальцах, почерневших от грязи и посиневших от холода.

— Ах да, — сказал он. — Главный по записи кассет? Входите.

От того, что Холлидей заговорил с ним повежливее, Джонни легче не стало, он пока не произнес ни слова. Возможно, беспокоился, что его голос не сможет тягаться с четкой, без примесей какого-либо диалекта, речью Холлидея. Джейк видел, что Джонни, несмотря на все, о чем

слышал в машине и раньше, был совершенно не готов к тому, что этот человек окажется настолько непохож на образ, который он себе нарисовал. Холлидей и в самом деле производил исключительно положительное впечатление: в джемпере с V-образным вырезом и клетчатых брюках он мог сойти за топ-модель второй лиги — такие снимаются в рекламе средств после бритья на задней обложке воскресных газет. От него даже едва уловимо повеяло одеколоном, когда он кивнул им. Отставая на несколько шагов, мальчики вслед за Холлидеем свернули направо от богато украшенной лестницы и пошли по коридору в сторону кухни, где было тепло и горел яркий свет. Хозяин указал на придвинутые к тяжелому кухонному столу стулья. — Садитесь.

Только сейчас, глядя на то, как просто ведет себя с ними Холл идей и как он одет — чуть-чуть небрежно, Джейк понял, почему им так долго не открывали: Холлидею понадобилось время на то, чтобы одеться. Он словно хотел им продемонстрировать, до чего комфортно себя чувствует. Каждый его жест и слово были направлены на то, чтобы усилить это впечатление и выбить почву из-под ног у гостей. Они ведь пришли к нему домой, в его собственную кухню — а в каком еще

состоянии они ожидали его увидеть?

Джонни подошел к столу и мрачно ухнул на него свою коробку с кассетами. Гэри Холлидей улыбнулся и подвинул коробку к себе. Кассеты лежали внутри без ярлыков, все вперемешку.

Холлидей пробежал глазами по черным корешкам, и брови его на мгновенье сурово сдвинулись. Он махнул рукой Джейку, чтобы и тот подвинул свою коробку, и эти кассеты тоже оглядел.

— А где же ярлыки?

Джонни еще не садился.

— Там разве были названия? — спросил он.

— Они были пронумерованы. — Холлидей немного помолчал и сказал: — Теперь мне придется все их просмотреть, прежде чем отдавать коллегам.

Сказав это, он тепло улыбнулся, давая понять, что ему совсем не сложно будет выполнить эту непредвиденную работу.

Джонни вынужден был отвести взгляд. Он по-прежнему так и не сел и, разговаривая с Холлидеем, все время смотрел мимо него: на половую плитку, плиту, собачью корзину, засунутую за кухонную дверь.

— Давно вы здесь? — спросил он.

— Дай-ка подумать… — Холлидей слегка при-

щурил глаз, подсчитывая. — Скоро три года. После университета я год занимался волонтерской работой за границей, а потом приехал сюда.

Так у него есть в этом деле международный опыт. Вот, видимо, откуда эта его уверенность. Джейк опустился на стул и голову тоже опустил — успел только мельком взглянуть на Джонни, который наконец понял, что нужно куда-нибудь сесть.

Холлидей тем временем хлопотал с чаем. Он поднял крышку с одной из конфорок, взял чайник и поставил его на плиту.[75] В тишине Джейк услышал, как с побрякивающим гудением завертелась центрифуга посудомоечной машины, а через секунду или около того пришла в действие другая. Этажом ниже работала промышленных масштабов стиральная машина, полная грязного белья. Со всех сторон опрятный и ухоженный дом, не подкопаешься. Вот только эти кассеты на столе.

Чайник закипел уже через минуту — видно,

---

[75] Примечания: 75

В Великобритании широко используются кухонные плиты, конфорки которых постоянно поддерживают необходимую температуру, одни — более высокую, другие — пониже. Подняв крышку с такой плиты, вы тут же получаете разогретые до нужного состояния конфорки. На более горячей можно доводить до кипения или жарить, на менее горячей — доваривать или тушить «на медленном огне», а на едва теплой — сохранять приготовленный обед горячим до прихода гостей.

был подготовлен заранее и стоял на теплой конфорке. Холлидей налил кипяток в три чашки и бросил использованные чайные пакетики в мойку. Прежде чем передать чашки гостям, он достал из кармана связку ключей, выбрал один и открыл с его помощью висячий замок на дверцах буфета над столом для готовки. Внутри оказались две бутылки виски и одна джина.

— Кому-нибудь капнуть в чай?

Джейк ждал, что скажет Джонни. Когда тот ответил: «Давайте», он просто кивнул.

Джонни нервно кусал себя за губу.

— Так кто тут у вас главный — вы? — спросил он наконец.

— Официально — нет, но, кажется, у меня всегда получается добиваться своего. Принцип фюрера.[76]

— Как у нацистов?

Холлидей помотал головой, снова недовольно

---

[76] Примечания: 76

«Принцип фюрера» (Führerprinzip) — в буквальном переводе с немецкого «правило лидера», закон, которого придерживалась гитлеровская Германия. Согласно этому принципу, в государственной системе существует некая иерархия руководителей, схожая с иерархией воинских званий. Каждый руководитель несет безусловную ответственность за вверенную ему область, требует беспрекословного повиновения со стороны своих подчиненных и отчитывается только перед теми, кто стоит выше него. А на самой вершине находится фюрер — Адольф Гитлер, выше которого уже нет никого, и он, соответственно, ни перед кем не отчитывается.

сдвинув брови.

— Нет, Джонни, это просто такое выражение. Теория о том, что лидеры возникают естественным образом, когда в них появляется необходимость. Остальные здешние наставники — они немного постарше меня, в них чуть меньше решимости.

— Так это вы их на это подсадили? — Джонни толкнул рукой коробку с кассетами.

Холлидей расхохотался.

— Господи, конечно нет! Эти молодцы уже много лет так развлекались. Когда я сюда только приехал, целый месяц прислушивался, чего это они там ночами шаркают по коридорам, стараясь не наткнуться друг на друга. Как только полночь, так все и начинается. Свистнут мальчику, который им приглянулся, и ведут его к себе в комнату. А потом, часов в шесть, у всех звенят будильники и ходьба по коридорам повторяется, только в обратном направлении.

— Вы вывели их на чистую воду?

Холлидей снова рассмеялся.

— Пожалуй. Ну то есть, вообще-то я пошел на эту должность, потому что того просила моя чувствительная натура, хотя я никогда никому в этом не признавался, даже самому себе. Только

осознав, что я не одинок в своих пристрастиях, я смог возложить на себя подобные полномочия и принять всю связанную с этим ответственность. — Он снова помахал в воздухе бутылкой с виски. — Еще?

Джейк и Джонни отказались. Холлидей пожал плечами.

— Мне кажется, — продолжил он, — в последнее время нам удалось достичь удивительной свободы. У каждого из нас есть свои любимчики — то, что, наверное, можно назвать «постоянными отношениями», но это вовсе не означает, что мы закрыты для других мальчиков. Мы рады принять любого. Все мы — и мальчики, и мужчины — готовы делиться. Но это вам, вероятно, уже известно? — Он постучал по корешку одной из кассет. — Вы ведь, наверное, видели кое-что из наших вечеринок.

Холлидей поставил пустую чашку на стол. Потер руки и спросил:

— Итак, сколько я вам должен?

— Сто шестьдесят.

— Отлично. Вам придется сходить со мной. С собой у меня таких денег нет, а оставить вас здесь одних я не могу, вы же понимаете.

— Из-за того, что мы можем увидеть?

Холлидей снова рассмеялся.

— Господи, нет же! Потому что это — закрытое исправительное заведение. У правительства все же есть кое-какие правила.

Мальчики вышли за ним из кухни и вернулись обратно к парадной лестнице. Комната Холлидея была на втором этаже, налево по коридору. Всю дорогу он продолжал говорить. Не сказать, чтобы голос его был мягким, но и никакого напряжения в нем тоже не чувствовалось.

— С самых первых дней своей работы здесь я культивирую у воспитанников и наставников ощущение того, что нас объединяет нечто необыкновенное. И пока все мы понимаем, что, объединяясь, оказываемся взаимно опутаны и повязаны, можно спать спокойно. Такие вот вечеринки и видеозаписи помогают обеспечить безопасность.

В руке у него снова появилась связка ключей, на двери висел новенький серебристый замок какой-то сложной системы. Комната была небольшой, но достаточно просторной, чтобы в ней уместилась книжная полка, письменный стол и две кровати. Сам Холлидей спал на той, что побольше — настолько широкой, что вдоль ее переднего торца встала металлическая койка.

Койка была застелена несколькими серыми одеялами. Мальчик, лежащий под ними, не пошевелился и не открыл глаза. Возможно, он спал. Джонни только мельком глянул в его сторону — как будто хотел проверить, не занял ли кто место Кевина Доннелли. Все выглядело точь-в-точь, как тот рассказывал — и приглядываться нечего. Джонни подошел к окну в дальнем конце комнаты и уставился на что-то в саду. Джейк последовал его примеру.

Внизу были теннисные корты, а напротив — одноэтажное здание раздевалки в глубине сада. Раздевалку собрали из заводских заготовок и тупо выкрасили в белый цвет, который бросался в глаза даже в темноте.

Холлидей незаметно подошел к ним сзади.

— Не хотите заглянуть в раздевалку? — Он указал на сборный домик. — Мне ничего не стоит прямо сейчас устроить вечеринку.

Они резко обернулись. Холлидей смотрел на них все с той же спокойной улыбкой. Но теперь он держал в руках пачку двадцатифунтовых банкнот и, прежде чем отдать деньги Джонни, скрутил их в плотную трубочку.

— Ну так как?

Джонни ничего не сказал. Холлидей повернул-

ся к Джейку.

— Ну так как, Джейк? Хочешь чего-нибудь? Могу разбудить для тебя Уильяма.

Джейк помотал головой, но Холлидей не сдавался.

— Ну давай же, я уверен, что тебя хватит на то, чтобы измочалить двух-трех моих ребятишек! Начать можно, например, с Уильяма. Должен признать, в последнее время я уделял ему мало внимания.

Джонни направился к двери. Холлидей отошел в сторону, чтобы дать ему пройти.

— Я только предложил — без обид.

Джейк вслед за Джонни вышел в коридор, и Холлидей сказал им вдогонку:

— И предложение остается в силе.

Джонни ушел не оглядываясь. Джейк оглянулся.

Он увидел, как Холлидей протянул руку к постели Уильяма и сказал все тем же своим ровным голосом:

— Билли, малыш, поднимайся. Давай-ка проводим гостей.

Пока они спускались по лестнице и шли к входным дверям, за ними слышались шаги двух пар ног. Уверенная поступь Холлидея и торопливый

топот голых пяток. Джонни открыл первую дверь, но, оказавшись в передней, они вынуждены были остановиться и дождаться, пока Холлидей отопрет замок на внешней двери. Услышав побрякивание ключей, ребята оглянулись. У них за спиной стоял Холлидей, на губах все та же улыбка, а в руке — ладошка худенького мальчика лет четырнадцати с совсем еще детским лицом. Из одежды на мальчике были только плавки «спидо», выступающие ребра дрожали в кафельном холоде передней.

— Может, Уильяму проводить вас до машины?

Парадная дверь открылась, и в помещение тут же ворвался вихрь лютой зимней стужи.

— Твою мать, — тихо выругался Джонни и, вжав голову в плечи, широко зашагал к воротам — если бы не высокие каблуки, на которых запросто можно было навернуться, он бы наверняка шел быстрее. Джейк поскакал его догонять. В конце дорожки медленно раздвигались ворота.

Глава семнадцатая

Джейк остановил машину перед тюремными воротами в удобно расположенной зоне парковки и задумался, почему тут так скупо используется пространство. Вокруг тюрьмы на многие мили ничего не было, территория могла бы тянуться хоть до самого горизонта. И все же расстояние от тюремной стены до внешнего забора едва достигало тридцати футов. Никакого объяснения этому не было. По крайней мере, Джейк его не находил, а инспектор Грин сказал, что он же не специалист по пенологии.[77] Ха-ха-ха!

Подросток-охранник в панельной сторожке у ворот заглянул к себе в папку и спросил:

— Свидание с Гэри Холлидеем?

Джейк кивнул.

— Хорошо… мистер Пауэл. — Охранник куда-то нырнул — то ли потянуть за рычаг, то ли крутануть телефонный диск. Ворота распахнулись. — На главном входе вас опять попросят назвать имя.

Джейк кивнул. Вряд ли он умудрится забыть

---

[77] Примечания: 77

Пенология — наука о содержании тюрем и наказании преступников.

собственное имя, пройдя от этих дверей до следующих. Он отдал честь инспектору Грину, который остался дожидаться в машине. Последнее, что тот ему посоветовал, было: «Смотри, не угоди за решетку».

Здание выглядело совсем новым, здесь содержались подследственные заключенные. Владела тюрьмой частная охранная фирма, которая сама же ее и обслуживала. Лучшего места для этого было просто не найти. Когда они подъезжали к тюрьме по единственной ведущей сюда дороге, Джейк спросил у Грина, что было в этом здании раньше. Грин думал, что ферма. Если так, то от прежнего здания совсем ничего не осталось. Джейк попытался вспомнить, не знал ли он когда-нибудь, что за здание было тут изначально, но быстро забросил эту затею. Он родился за грядой холмов к востоку отсюда и редко ходил в эту сторону. К тому же вряд ли он узнал бы местность с этого ракурса. Все вересковые пустоши выглядят одинаково, пока не найдешь какую-то определенную точку обзора.

Тот же охранник в коричневой форме, что спросил его имя на главном входе, проводил Джейка в комнату для свиданий. Они поднимались по лестнице, недоступной для заключенных, и Джейк

слегка замедлил ход, чтобы еще раз окинуть взглядом вересковую пустошь — никем не укрощенный склон Пеннин, зеленый и багровый, как синяк. Тут и там среди перезрелой травы вырывался на поверхность торф, и эти раны чернели на поверхности склона, будто широко разинутые рты. Джейк поднял глаза к центру горизонта, где небо выгибалось дугой, чтобы коснуться земли. Небо — светлое, как на передержанном фотоснимке, а земля — тяжелая, как свинец.

— Мистер Пауэл?

Охранник смотрел, как он еле-еле плетется по лестнице. Джейк кивнул и преодолел последний пролет, перескакивая через три ступеньки за раз.

— Сюда, мистер Пауэл.

У дверей в комнату свиданий Джейка поджидал другой охранник. Пока стража сосредоточенно обменивалась кивками и исполняла танец передачи ответственности, Джейк нашел себе стул и уселся.

— У скотины кормежка, — сказал новый охранник. — Явится через пять минут.

Джейк кивнул. Он тихо постукивал пальцами по меламиновой поверхности стола и ждал. Стулья тут были пластмассовые, с прямой спинкой,

вроде тех, на которых сидят в школе. Еще немного, и сидеть на таком стало бы совсем неудобно, но тут охранник ввел в комнату заключенного. Джейк присмотрелся: он или нет? Узкие плечи, широкие бедра, из-под ввалившейся грудной клетки выпирает огромный живот. И волос почти не осталось. Джейк оглядел вошедшего с головы до ног. За те двадцать секунд, что понадобились человеку для того, чтобы прошаркать по комнате и усесться на свое место, Джейк решил, что, пожалуй, узнал его. Да, это и в самом деле был Холлидей, только вот свою статную фигуру он подрастерял.

Джейк достал из внутреннего кармана пачку «Ротманс».

— Вы теперь, наверное, курите?

Предложить Холлидею покурить придумал Грин, но Джейк не стал об этом говорить. Он держал открытую пачку, выдвинув вперед одну сигарету. Протяни руку — и она твоя, стоит только захотеть. Отличная возможность завести новую дурную привычку, раз уж вынужден теперь обходиться без старых.

Холлидей посмотрел на пачку, но сигарету не взял.

— Джейк Пауэл? — спросил он.

— Помните меня?

Холлидей кивнул:

— Отлично выглядишь.

— А вы дерьмово выглядите. Что, кто-то обнаружил на чердаке ваш портрет?

Холлидей хрюкнул, видимо, подразумевая под этим звуком смех.

— Ну, — пропыхтел он. — Твой-то еще никто не нашел, да?

Видимо, он решил, что лед тронулся. Во всяком случае, взял сигарету, зажав ее между своими нервно трясущимися пальцами.

Грин позаботился о том, чтобы Джейк вошел в здание тюрьмы подготовленным. По крайней мере, чтобы у него, кроме «Ротманс», оказалась с собой еще и одноразовая зажигалка. Джейк дал Холлидею от нее прикурить. Холлидей кивнул: спасибо.

Он жадно присосался к сигарете, втянул дым туда, где тот мог причинить больше всего вреда, и на какое-то время задержал его там. Он плотно сжал губы и поднес сигарету к глазам, сконцентрировавшись на ее горящем кончике. Наблюдая за тем, как медленно догорает его сила воли, Холлидей смог наконец унять дрожь в руках. Полезный урок, может, когда-нибудь пригодится:

вот как надо курить ради удовольствия, когда это единственное удовольствие, которое тебе осталось.

Выдохнув дым, Холлидей снова поблагодарил Джейка и добавил:

— Знаешь, я ведь тут только в предварительном заключении. Могу пользоваться наличными деньгами, сигаретами пока не расплачиваюсь.

— Правда? Только в банк, наверное, не всегда получается забежать?

— Да, тут ты прав. — Холлидей развел руками. — Одно из неудобств холостого мужчины. Ну так как, Джейк, зачем ты здесь?

Джейк не ответил, он следил глазами за тем, как рассеивается над сигаретой голубоватый клуб дыма. Маленькое никотиновое привидение Каспер прилетело сюда поиграть.

— Сколько вам дадут? — наконец спросил он.

Холлидей пожал плечами.

— Кто знает? Может, вообще признают невиновным.

— Что это вы — цепляетесь за соломинку?

Холлидей снова пожал плечами.

— Почему бы и нет. Вот только полиция постоянно ставит палки в колеса моему адвокату. Если так будет продолжаться и дальше, мы можем

рассчитывать на повторный суд — кто знает? Я держу кулаки на удачу. Так почему ты здесь?

— Вы дали согласие на мой визит.

— Я просто умираю без посетителей. Но с чего вдруг именно ты? Я не видел тебя пятнадцать лет.

— Странно, что вы меня помните. Мы виделись всего два раза.

— Да, но наша первая встреча была незабываемой. Я часто вспоминал тот вечер, все прокручивал в голове его подробности. — Холлидей улыбнулся, на мгновенье обнажив зубы и застенчиво прикушенный язык.

Джейк несколько раз моргнул, но постарался не сбиться с дыхания. Ни в коем случае нельзя выдавать своего волнения.

— Да, вечер был незабываемый, — сказал он. — Но мне больше запомнилось то, что произошло после.

Холлидей кивнул.

— В ту ночь, когда ты пришел со своим другом Джонни?

— В ту ночь, когда он был убит.

— Правда, что ли? Это произошло в ту же ночь? Знаешь, мне здесь из окна видны эти хреновы пустоши.

И я почти рад, что нахожусь внутри, а не снаружи — там, где бушуют стихии.

— Джонни вряд ли было дело до стихий. Он умер прежде, чем добрался до пустошей.

— Да ну?

Джейк твердо смотрел на Холлидея, пока тот не сдался: взгляд его задрожал и он отвел глаза. Джейк этому почти обрадовался: получалось, что он и в самом деле больше не мальчик. Правда, непонятно, означает ли это, что он наконец повзрослел, или же просто потерял способность реагировать как нормальный человек.

— В полиции убийство Джонни хотят повесить на вас, — сказал Джейк.

Холлидей резко выпрямился, как будто бы к его спине поднесли электрошок на батарейках. Широко раскрыв рот, он выдохнул:

— Нет! Как? — А потом взял себя в руки и добавил: — Они ведь это не всерьез?

Джейк откинулся на спинку стула, давая Холлидею время еще разок обмозговать эту мысль. Прямо видно было, как она по второму кругу пробегает сквозь череп Холлидея — на голове росло слишком мало волос, чтобы скрыть дрожь и пульсацию под кожей.

— Так вот над чем они работают, — сказал он на-

конец. — Вот о чем не говорят моему адвокату?

— Это еще что такое? — Джейк вытянул перед собой руки, изображая недоумение. — Если вы репетируете театральный номер, который собираетесь продемонстрировать перед судом, то пожалуйста. Но что-то я не понимаю, с чего вам-то так удивляться?

— Тому, что я убил твоего друга?

— А что? Вы думаете, раз с тех пор прошло несколько лет, они не поднимут архивы? У них теперь есть компьютеры, связь между двумя преступлениями можно обнаружить за считанные минуты.

— С каким же это таким вторым преступлением они могли найти связь?

— С убийством Кевина Доннелли. Ведь это вы его убили?

Холлидей был до того потрясен услышанным, что его рука судорожно забегала по столу. И даже наконец остановившись, продолжала слегка подергиваться. Другой рукой он теребил воротник тюремной куртки.

— Я не убивал Кевина Доннелли.

— Ну конечно. Знаете, сколько человек могут дать против вас показания? Единственное, чего пока не хватает, это показаний очевидца, кото-

рый мог бы подробно описать, как вы всадили в Кевина нож… Хотя, может, вы и это тоже записали на видео?

— Господи боже мой! Да это просто… просто…

Джейк давно уже не видел двух вещей: как кто-то дрожит от страха и как кто-то не может подобрать нужные слова.

— Давайте поговорим, — предложил Джейк.

— Что же я могу сказать? Тебя расспрашивали в полиции?

— О Джонни? Да, — кивнул Джейк. — Я признал, что встречался с вами, но сказал, что это было пятнадцать лет назад. И что лучше им поговорить с кем-нибудь другим. Оказалось, они уже говорили — например, с Леди-Добрый-День.

— С Бенни? Он-то что мог им сказать?

— Гэри, кончайте ходить вокруг да около, мать вашу! Вы знаете, что он им сказал. Давайте поговорим.

— Он сказал им, что я разыскивал Кевина? — Холлидей перестал трястись, он нащупал какую-то нить и начинал понимать, из чего сложилось это обвинение — у него появилась надежда, что клубок можно распутать. — Я бегал повсюду и разыскивал Кевина. Но так его и не поймал.

Джейк настолько сильно наморщил лоб, что

почувствовал, как натянулась кожа на голове и вдобавок неприятно зазвенело в ушах.

— Не поймали? В каком смысле? Если это ваша линия защиты, то забудьте про нее. Ничего не выйдет.

— Это правда. Я не поймал его. А если бы и поймал, ты что же, правда, думаешь, что я мог его убить? Мне нужны были только видеокассеты, которые он у меня стянул. Я не убийца.

— Но раз у него были ваши кассеты, вам ничего не оставалось, кроме как убить его.

— Может быть. Может быть. Не знаю. — Он качал головой. — Это ведь был Кевин Доннелли. Его-то уж точно можно было не убивать.

— Доннелли был уже не мальчик. Мы говорим о взрослом мужчине тридцати двух лет. У него было полжизни на то, чтобы все обдумать, и вам больше не удалось бы его убедить. Да мать вашу, посмотрите на себя — во что вы превратились! Спуститесь на землю.

Холлидей сидел на стуле и твердил одно:

— Нет, нет. Совсем необязательно было его убивать.

— Да ни хрена подобного! Вы просто не могли не убить его. Кассеты — единственное доказательство вашей вины. Вам просто необходимо

было убрать Доннелли. Точно так же, как мне пришлось избавиться от Джонни.

Голос Джейка становился все монотоннее, пока не превратился в отчаянный шепот, лишенный каких-либо интонаций. Сцена их с Холлидеем разговора взорвалось неожиданной кульминацией. Руки заключенного соскользнули с блестящей поверхности стола — им просто не за что было там ухватиться.

— Так это ты убил его, — прошептал Холлидей. В его голосе не прозвучало вопроса.

— Вы знаете, что это сделал я. — У Джейка перед глазами снова возникло тело Джонни, в неловкой позе свернувшееся на полу, со сломанной шеей и нелепо закинутой назад головой.

— В ту ночь, когда мы ушли от вас, он решил во что бы то ни стало идти прямиком в полицию. Ваши кассеты он отдал вам, но себе тоже сделал копии. Так что, приди они к вам с обыском и найди эти кассеты, обвинение Джонни подтвердилось бы. Вечеринка в Колчестер-Холле, в главных ролях — наставники и ученики. И я.

— Джонни сделал себе копии?

— Да они были у него с собой, баранья ваша башка. В ту ночь они все время лежали в багажнике.

— И где же ты… где это произошло?

— Где он встретил свою смерть? — Джейк указал на зарешеченное окно. Вот где это случилось. Холлидей проследил глазами за его взглядом, устремленным к далеким холмам за Колденстолл-мур.

— Разве ты не мог… убедить его? Заставить передумать, хотя бы ради тебя?

— Он видел всего несколько секунд записи, и о моей роли ничего не знал. — Джейк потряс головой, пытаясь избавиться от металлического гудения между ушей. — К тому же я просто не нашел бы слов, чтобы его переубедить. По крайней мере в ту ночь — и в том состоянии, в каком он был. Потому-то я и знаю наверняка, что у вас не было никакой надежды переубедить Кевина Доннелли.

Джейк нагнулся к самому лицу Холлидея и прошипел:

— Так что давай выкладывай, как все было, дерьмо собачье.

Холлидей медленно начал свой рассказ. Пять сигарет обожгли ему губы, а он еще толком и не начал. Месяц назад в Колчестер-Холле произошла кража со взломом. Из всего имущества пропали только видеокассеты.

— Я хранил их в коробках под полом в бойлерной. Других копий не было. С некоторых пор я запретил другим наставникам переписывать себе кассеты. Вор попытался инсценировать настоящую кражу, перевернул все здание вверх дном. Но я был уверен, что тут не обошлось без кого-нибудь из моих мальчиков, и в конце концов мне удалось заставить маленького ублюдка заговорить. Кевин Доннелли отловил его где-то и подбил на восстание.

Джейк подумал: пятнадцать лет издевательств над детьми, все — на пленке. Наверное, Кевин Доннелли просмотрел каждую кассету от начала до конца, давя на кнопку перемотки, пока не двинулся умом от перевозбуждения.

— И тогда вы отправились искать Кевина?

— Я пытался его найти. Побывал у всех, кто, как мне казалось, мог его знать. Одна из его сестер сказала мне, что Кевин живет между Крампсоллом и Читхем-Хиллом — снимает комнату в муниципальной квартире. Отвратительная дыра: одно одеяло на полу, телевизор и видеоплейер. Но когда я туда добрался, Доннелли там уже не было — только телевизор, который, похоже, били ногами, и растоптанный в хлам видак. Немного записей я там тоже нашел — точнее, я могу толь-

ко предполагать, что это были те самые записи. Он повытягивал пленки из кассет и обмотал ими комнату как рождественскими гирляндами. Но я знал, что есть еще. Он украл такое количество кассет, что можно было украсить весь их дерьмовый районч ик. Тогда-то я и повадился снова навещать Доброго-Дня — каждый вечер, больше недели. До меня дошли слухи о том, что Доннелли бомжует где-то в Лондоне, но я выжидал. Не знаю, почему, но я нисколько не сомневался, что скоро он вернется. И вот мне повезло. Перед приездом Кевин позвонил кому-то договориться о ночлеге, и я узнал об этом у кого-то из его друзей. Я встречал его на Пикадилли — видел, как он выходит из вагона. Пришлось прождать всего каких-то восемь часов, пока прибыл нужный поезд. В руке Кевин держал одну сумку, больше ничего. Сумка была явно маловата, поэтому и направился за ним. Он подошел к камере хранения, я околачивался поблизости. Наверное, был слишком в себе уверен. Когда он открыл шкафчик, я увидел внутри сложенные штабелями кассеты и окликнул его.

Джейк явственно представил себе, каким тоном Холлидей произнес тогда имя Доннелли — голосом хозяина.

— И тут он на меня набросился. Я был настолько

ошарашен, что даже не пытался сопротивляться. Мне показалось, что он разбил мне нос, кровь так и хлестала. Я уже валялся на полу, а он все продолжал меня бить. Распорол мне лицо. — Холлидей прикоснулся рукой к розоватому шраму на брови — так себе шрам, ничего ужасного. — Ребром одной из этих гребаных кассет.

— Он убежал?

Холлидей кивнул.

— Кажется, какой-то прохожий… кто-то его от меня оттащил. Но он бросился бежать прежде, чем я смог подняться на ноги. Вокруг стояла толпа народу, все спрашивали, как я себя чувствую. Доннелли нигде не было видно.

— Кассеты он унес с собой?

— Почти все. Мне удалось выбраться из здания вокзала. Машины на улице, как обычно, стояли в пробке, и, сбегая вниз по холму, я заглядывал в каждое такси. Добежал до светофора и тогда наконец его увидел, он по-прежнему шел пешком. Наверняка я бы его и не заметил, если бы он чуть не угодил под колеса грузовика, заворачивавшего с Грейт-Энкоутс-стрит, Я догадался, что он направляется к одной из парковок. И тут мне, считай, опять повезло. Удалось поймать такси, и теперь оставалось только ждать. Движение там было

одностороннее, и вскоре Доннелли вырулил у нас прямо перед носом, на древнем желтом «капри».

— Куда он поехал?

— Сюда. — Холлидей постучал по тюремному столу. — Ну, почти. Вообще-то я потерял его в Литтлборо.

Холлидей махнул рукой через плечо, в сторону Манчестера, туда, где расположилась деревня Литтлборо, плотно впечатанная в йоркширскую границу.

— Я велел таксисту продолжать кружить. И в какой-то момент снова увидел его машину, припаркованную на центральной парковке, рядом с автобусной станцией. Я расплатился с таксистом и стал дожидаться возвращения Доннелли.

— И дождались?

— Нет. Этим все и кончилось. Я следил за машиной из паба на другой стороне улицы, все время сидел там и ждал. Но он так и не вернулся. Когда стемнело, я вышел из паба и взломал его машину, надеясь, что он оставил кассеты. Их не было.

— И все?

Холлидей кивнул. Он говорил правду.

— Так вы его упустили?

— Не знаю, что произошло. Возможно, он поймал такси или сел где-нибудь на автобус.

— Или угнал другую машину?

— Очень может быть. Ведь он же знал, как это делается?

— Это у вас был доступ к его делу, а не у меня. Но да, я уверен, что он умел угонять машины.

— Ты же понимаешь, что я его не убивал?

Джейк кивнул.

— Но гад вы все равно приличный. Просто вам повезло, что кассеты так и не всплыли.

Он подал знак охраннику. Холлидей остался на своем стуле — сидел и смотрел в окно. Надеялся на апелляцию, на повторный суд и на то, что никто не найдет улик.

Глава восемнадцатая

Несмотря на то, что было уже за полночь, Джейку и Джонни потребовалось больше часа, чтобы попасть в Литтлборо — с одного конца Большого Манчестера на другой. Дорога и без того была ни к черту, да к тому же полил дождь. А потом Джонни еще и свернул не в том месте, пришлось петлять по лабиринтам манчестерских окраин, пока наконец не выбрались на нужное шоссе уже в районе Холлинза. Джонни бешено — колотил по педали сцепления и вертел руль так, будто ведет буксирное судно через бурные воды Атлантики.

И дело тут было не только в погоде. Джонни никак не мог выкинуть из головы мальчика в плавках «спидо», дрожащего от холода на пороге Колчестер-Холла. Его образ все время стоял перед глазами, и Джонни не мог сосредоточиться на словах Джейка, который говорил, куда ехать. Джейк предложил на ближайшей заправке поменяться с Джонни местами — уж лучше оставшиеся восемь миль он поведет сам. В капли дождя начинали вплетаться зловещие завитушки мокрого снега — было ясно, что, чем выше по Колденстолл-мур,

тем дерьмовее будет становиться погода.

— Что за хрень творится с погодой-то? — буркнул Джонни.

Печка в машине работала на полную, но Джонни никак не мог согреться. Снег начал липнуть к ветровому стеклу, и его сахарные узоры становились ловушкой для «дворников». Вместо того чтобы мягко проводить на стекле полукруг, они продирались сквозь налипший снег мучительными рывками. Когда Джонни въезжал на заправку, Джейк спросил, не видел ли он тут где-нибудь незамерзающей жидкости — может, в багажнике есть? Джонни не помнил.

— Пойду куплю, — сказал Джейк. — Подожди в машине. На заправке продавали не только автомобильные аксессуары. Джейк огляделся по сторонам, увидел стойку, на которой были развешаны подарочные носки с жесткой подошвой, и купил пару для Джонни. Тот ведь так и ехал с голыми ногами — в одних босоножках. Последний отрезок пути пролегал среди холмов, но Джонни пропустил всю красоту пейзажа, так как двадцать минут занимался тем, что натягивал босоножки поверх носков. Впрочем, все равно ничего не было видно. Джейк расчистил себе на ветровом стекле иллюминатор размером с футбольный

мяч. А когда и это окошко обледенело, просто еще немного сбавил газ. Слишком поздно и слишком холодно — вряд ли встречное движение будет оживленным. Безумная поездка под названием «Осторожно, слепой за рулем».

— Блин, ну и жопа, — сказал Джейк.

— Жопа была бы, если бы мы ничего не сделали, — ответил Джонни.

У него в голове созрел план, и его необходимо было во что бы то ни стало выполнить. Джонни не сомневался, что манчестерской полиции плевать на то, что происходит — главное создавать видимость активной работы. И если уж выбирать между лицемерами, которые проводят в жизнь политику борьбы с педерастией, и человеком, который руководит их операциями, уж лучше и в самом деле предпочесть Паскаля — непреклонного фанатика своего дела.

— Мы что же, правда отдадим кассеты ему лично в руки? — спросил Джейк.

Джонни кивнул:

— Ты убедил меня, что он по-настоящему на этом повернут. А раз он так сильно ненавидит педрил, то вряд ли сможет закрыть глаза на такую улику.

Они подъезжали к Колденстоллу по ухабистой

дороге, петлявшей вдоль самого края пустоши. С другой стороны вдоль дороги тянулся песчаный обрыв, а под ним — долина, над которой стоял такой густой туман, что невозможно было определить ее глубину. От фар не было никакого толку, их свет покрывал дорогу белой пеленой, за пределами которой виднелись лишь неясные очертания чего-то огромного и серого, даже и вблизи не обретавшего четкости. Машина еле-еле тащилась, Джейк вглядывался в темноту, стараясь не пропустить развилку, после которой нужно было свернуть на дорогу, идущую вверх по холмам. Когда они наконец добрались до развилки, Джейк понял, что зря боялся ее прозевать: по обе стороны от дороги стояли криво воткнутые в землю, светящиеся в темноте знаки, предупреждающие о снежных завалах.

Джейк повернулся к Джонни и сказал:

— Дорога закрыта.

— В смысле? Там ворота, что ли?

Нет, в другом смысле. В том смысле, что выше в холмах ехать станет еще труднее. А к утру проехать будет совершенно невозможно.

— Ты хочешь сказать, что если мы сейчас поедем дальше, то, возможно, обратно на машине уже не выберемся, только пешком?

Джонни приложил ладонь к ветровому стеклу, пытаясь оценить погодные условия. Но вариантов ответа было не так уж и много. Дул такой ветер, что даже машина раскачивалась. У Джонни под френчем была одна только майка без рукавов, но, по крайней мере, френч он надеть догадался. Джейк же в тот вечер и вовсе вырядился в костюм и рубашку.

— Если нам даже удастся туда доехать, обратно точно придется идти пешком. То есть — без машины.

Вообще-то у них уже не было выбора. Джейк сделал что было в его силах, развернув машину на развилке и прокатившись на заднем ходу как можно дальше вверх по Колденстолл-роуд. В зеркало заднего вида холм казался в два раза круче, чем на самом деле. Они потихоньку ползли вверх и со стороны можно было подумать, будто машина повисла в воздухе, опрокинувшись носом в раскинувшуюся перед ней бездонную белизну. И вот наконец ровная поверхность.

— Приехали.

Мальчики вылезли из машины, и их тут же обдало волной обжигающего холода. Джейк поднял воротник пиджака и закрыл руками горло. Джонни сходил к багажнику за коробкой с кассетами

и вернулся к Джейку.

— Сколько отсюда?

— Всего четверть мили.

Не так уж и мало, если учесть, что идти придется все время в гору и чуть ли не по голому льду. У Джейка на ногах были кубинские сабо без застежек, а оторвать руки от горла, чтобы с их помощью держать равновесие, он не мог. Да еще Джонни в своих босоножках. Уже через каких-то три шага он поскользнулся и покатился обратно на спине, размахивая в воздухе ногами и выронив из рук коробку. По крайней мере, носки остались на нем.

Джонни не хотелось, чтобы его снова упрекали в неправильном выборе обуви.

— Я что, знал про эти гребаные горы?!

Джейк нагнулся, чтобы помочь ему собрать кассеты. Коробка разорвалась, раскисла и больше никуда не годилась, но кассет там было всего четыре. Они взяли каждый по две, затолкали в карманы и полезли дальше.

Джейк понял, что деревня уже совсем близко, когда вдали показалась часовня Иерихона, низенькая караульная башня, врытая в подножье холма для того, чтобы охранять единственный въезд и выезд из деревни.

Дорога понемногу выравнивалась и становилась шире, в гору карабкаться уже не приходилось, но зато снега тут насыпало куда больше. Сугробы доставали мальчикам до колен, каждый шаг давался с боем. Но было уже совсем недалеко. Джейк знал все дома здешних старейшин. Джон Паскаль жил сразу за торговым рядом на улице из примыкающих друг к другу домов черного камня. Какая-то миля от его дома — и дорога повернет вспять, чтобы тропинкой для вьючных лошадей убежать через пустоши к Хауорту, а оттуда — аж до самого Галифакса.

Джейк остановился.

— Ну, что дальше?

— Пришли?

Джейк указал на второй дом в невысокой линии домов, у входа в который задыхался под снегом «кавалье».

— Вон тот. И он дома. Это его машина.

Дверь была совсем крошечная — будто для ребенка, но по всей поверхности вколочены толстые металлические гвозди. Выглядела она такой же крепкой, как и протянутая над ней каменная балка. Окна по обе стороны от входа и на двух верхних этажах были высокие и узкие, с витражами из разноцветных ромбов.

— Охренеть, — присвистнул Джонни. — Он что, больной — жить в таком пряничном домике?

Это был ткацкий дом — чудное сплющенное здание высотой в два этажа, в которое умудрились втиснуть целых три. Джонни поглядывал за невысокий забор — осматривался на местности и обдумывал свой план.

— Есть идеи, на каком этаже он спит?

Джейк полагал, что, скорее всего, на верхнем. Там была всего одна большая комната, самая светлая в доме. Именно в этой комнате в старину работали за своими станками ткачи. Он указал Джейку на ряд окон под самой крышей и спросил:

— Что думаешь делать?

На двери висел узкий почтовый ящик, с щелью посередине, возможно, ее бы хватило, чтобы просунуть кассету, но это не входило в план Джонни. Он переступил через ограду и прижался лицом к окну с цветными ромбиками.

— У парня есть видак, — сказал он. — Я вижу, как он мигает.

Джонни хотел зарядить кассету в магнитофон, чтобы запись Холлидея стала первым, что увидит Паскаль, когда спустится к завтраку. Интересно, захочется ли ему вообще после этого есть.

— А нельзя просто оставить кассеты и записку?

Джонни помотал головой.

— Надо окунуть его в это прямо рылом.

Отойдя от окна, он посмотрел сначала на дверь, а потом — вверх, на стену дома.

— А что, если сзади? Как думаешь, там попроще?

Джейк мрачно кивнул. Он знал, что всякий, кто мог себе это позволить, пристраивал к таким домам кухню. Паскаль пристроил ее еще несколько лет назад. Вломиться в дом сзади будет намного проще, чем брать двухсотлетнюю крепость с парадной стороны. Джейк покрепче прижал воротник к горлу и повел Джонни за крайний дом на линии — туда, где задние дворы стояли последним оплотом перед поросшей вереском пустошью. Забор вокруг двора Паскаля был высокий — примерно той же высоты, что и его уличный туалет. Джонни подпрыгнул и, ухватившись за какой-то выступ на туалетной крыше, принялся карабкаться своими босоножками по стене. Джейк потянулся за ним и, схватив Джонни за плечи, стащил его вниз.

— Ты чё, охренел? — возмутился Джонни.

— Если мы его разбудим, он меня узнает.

Джонни притоптывал ногами и оглядывался по сторонам, обхватив себя за плечи и растирая их руками. Надеялся высечь немного тепла для работы мысли.

— Да, точно, — сказал он наконец.

Но если Паскаль полезет в драку, им бы лучше оказаться там вдвоем.

— А может, тебе пойти немного позади? Если он проснется, то увидит только меня. А уж если начнет чего-нибудь, ты ему врежешь.

На план это было совсем непохоже, но Джонни уже перебрался через крышу. Он упал на ту сторону неслышно — во дворе тоже лежал снег. Джейк полез за ним. И уже собирался было прыгнуть, как вдруг Джонни его остановил.

— А собаки у него нет? — Он указывал на пластиковую заслонку в нижней части двери — размером и вправду как для собаки.

Джейк пожал плечами.

— Раньше не было, а теперь — не знаю. Я тут уже почти год не был.

И вот Джонни стоял во дворе и поглядывал на дом, а Джейк смотрел сверху на заднюю дорожку, на которой отпечатались их смазанные следы — заканчиваясь у стены, они продолжались уже на крыше. Две пары: кубинские сабо и босоножки

на шпильках. Снег сам по себе излучал свечение. Стоя на крыше дворового туалета, Джейк был словно актер на сцене, на которого направлены лучи софитов — вот же он, смотрите все!

Он снова повернулся к Джонни. Черт с ними, со следами. Все, что позади, — пройденный этап.

Он спрыгнул во двор, приземлившись совсем рядом с Джонни.

— Если бы у него была собака, она бы уже залаяла. Но все-таки дай мне свой нож. Если она вдруг есть, я ее убью.

— Убьешь?

Джейк показал на заслонку.

— Судя по размеру, это никакой не доберман. Наверняка терьер, и даже не йоркширский. Тот бы уже точно лаял.

Джонни полез в карман френча и достал оттуда отвертку и перочинный ножик.

— Ну смотри, деревенский паренек.

Джейк взял нож и взвесил его в ладони. Вот уж, на что он никак не рассчитывал, когда сюда собирался, так это на то, что придется по-настоящему *экипироваться.* Но раз он приставлен защищать Джонни, лучше уж быть при оружии.

Джонни осматривал кухонное окно, выискивая, куда бы воткнуть свою отвертку, но это ведь

был дом полицейского — на каждой ручке по замку. Это Джейку пришла в голову идея забраться на крышу кухонной пристройки и попасть в дом через старые окна на втором этаже.

— А какая разница?

— Витражные окна можно разобрать без особого шума. К тому же, когда поднимемся наверх, будем точно знать, где он спит.

Когда они забрались на плоскую крышу пристройки, окно оказалось на уровне груди. Джонни протолкнул острие отвертки под свинцовую спайку между ромбовидными стеклами и начал ее расшатывать. Пальцы совсем одеревенели от холода, но очень скоро свинец стал поддаваться и стекло прогнулось.

Вынимая из окна первый ромбик, Джонни спросил:

— Как убивают собак?

— Наверное, так же, как и овец?

— А как овец?

— Сбивают машиной, но, надеюсь, я придумаю что-нибудь другое.

Джонни отламывал осколок за осколком, пока не, разобрал дыру, похожую на след от снаряда, — в такую он вполне мог пролезть. Джейк положил нож во внутренний карман пиджака и

вслед за Джонни точно так же, вперед головой, протиснулся в дыру. Когда одна половина его туловища была уже внутри, а вторая — снаружи, Джейк задел рукой за раскаленную батарею и, обжегшись, с грохотом ввалился в комнату. Приземлившись головой в мягкий и удивительно сухой ковер спальни, он только сейчас понял, до чего же сильно промокли его волосы и костюм, облепленные быстро тающим снегом.

Джонни стоял у двери и выглядывал в коридор — нет ли кого. Он махнул Джейку, чтобы тот шел за ним.

У лестницы был какой-то собственный фирменный скрип, тяжелое дыхание дома, который, несмотря на свою основательность и давно установившийся порядок, готов идти на уступки и приспосабливаться к новым требованиям. Джейк смотрел, как Джонни осторожно пробует ногой каждую ступеньку, прежде чем сделать еще один шаг вниз. Наконец он показал Джейку два больших пальца и исчез в гостиной на первом этаже. Спустившись на первый этаж, Джейк с минуту провозился у входной двери: открыл все замки и засовы, чтобы потом можно было быстро убежать. Когда он наконец толкнул дверь в гостиную, Джонни стоял на коленях рядом с

рождественской елкой, которая возвышалась над ним какой-то искромсанной башней, и был весь голубой от свечения включенного телевизора. Он держал наготове руку: из видеомагнитофона должна была выехать старая кассета.

— Ви-Эйч-Эс, — сообщил Джонни радостным шепотом.

Джонни еще был способен думать о совместимости систем видеозаписи, все у него шло по плану. Что же до Джейка, то его трясло. Он попытался было вынуть кассеты из кармана пиджака, но они разорвали подкладку, а ткань, намокнув, сначала растянулась, а потом снова сжалась — и кассеты намертво застряли внутри. Джейк никак не мог высвободить их похожими на замороженные бананы пальцами, поэтому разрезал карман ножом. Когда он протянул кассеты Джонни, тот положил их под елку вместе с одной из двух своих, и они выстроились суровой черной пирамидой на фоне праздничного блеска других подарков. Четвертая кассета была уже в магнитофоне.

Джейк вдруг почуял неладное.

— Их что, четыре? — спросил он.

— Ну да, я себе все переписал.

— Но там вроде было только три.

— Нет. Четыре.

— А, ясно, — сказал Джейк.

Наверное, он что-то напутал. Скользнув за дверь гостиной, он с ножом в руке притаился между диваном и стеной. Если Джон Паскаль вдруг спустится вниз, его он не заметит.

— Сколько времени? — спросил Джейк шепотом.

Джонни взглянул на часы и показал три пальца. Часы на передней панели видеомагнитофона показывали столько же. Джонни устанавливал таймер на семь утра. Он полагал, что Паскаль наверняка встает с петухами. Даже если нет, в десять кассета все еще будет играть. Он нажал пальцем на кнопку перемотки — проверить, на всех ли трех часах пленки есть запись. На полу рядом с ним лежала фотокопия записки, которую он целый час складывал, как похититель, из букв, вырезанных из «Ивнинг ньюс». Требование *Pistolero*:[78] «Пой-МАйТе ЛучшЕ эТогО иЗвРАщЕнцА!» А ниже — имя: Гэри Холлидей и адрес: Колчестер-Холл.

— Брось, — сказал Джейк. — Хватит. Надо уже валить.

---

[78] Примечания: 78
Бандит *(иск., разг.).*

— Да все нормально, чувак. Я почти закончил.

— Нет, правда. Надо выматываться.

Джейк старался, чтобы голос не выдал охватившего его отчаяния, но теперь он вспомнил точно: в ту ночь, когда, запыхавшись после уличной драки, он сел в машину к Холлидею, тот дал ему три кассеты. А наутро, провожая его до ворот Колчестер-Холла, Холлидей подмигнул и сказал:

— Теперь-то ты их точно не забудешь.

В пакете, который он ему вручил, кассет было уже четыре.

Джонни удивленно на него уставился.

— Чувак, угомонись. Говорю же тебе, уже почти все.

Кассета домоталась до конца и остановилась, и теперь Джонни держал палец на кнопке обратной перемотки, чтобы просмотреть последние секунды пленки и убедиться, что кассета дописана до конца.

— Не включай.

Джейк почувствовал, как рука крепче сжала нож.

Джонни поднес палец к кнопке воспроизведения.

Джейк наконец решился.

— На одной из кассет я.

— Чего?

— На одной из этих кассет… там я. Я, Холлидей и… ну и еще другие.

— Ты?!

Глаза Джонни округлились под прядями мокрых светлых волос.

Джейку не хотелось повторять.

— Пожалуйста. Брось ты это. Просто уйдем — и все.

— Нет.

Это было твердое, последнее слово Джонни, и произнес он его громко, не шепотом.

Джейк рванул через диван и протянул руки к стопке кассет под елкой. Джонни поднырнул под него сбоку и успел вмазать Джейку еще в полете. Джейк ударил в ответ, даже не заметив, что замахивается той рукой, которая сжимает нож — впрочем, он промахнулся. И упал лицом в ковер. Две руки крепко сжимали его запястья.

Он почувствовал над ухом дыхание Джонни.

— Тише, ты, придурок. Слушай меня. Хорошо, мы найдем твою кассету. Найдем, а остальные оставим здесь. Вот так.

Джейк кивнул. Джонни слез с него и вернулся к видаку, а Джейк тем временем стал пятиться обратно, пока не уткнулся спиной в край дивана.

Там он снова затаился и мрачно наблюдал за тем, как появившийся на экране мальчик переметнулся от двери к кухонному столу и в следующую секунду уже оказался на нем голым.

— Эта?

Джейк помотал головой.

Джонни ждал, пока кассета выползет из магнитофона, и уже держал наготове следующую. Его пальцы стояли в готовности на клавишах перемотки и воспроизведения. На экране долго ничего не было, а потом замелькали какие-то фигуры, плохо различимые из-за помех, забегавших сверху вниз по экрану — невозможно было даже разобрать, где там толстые мужики, а где — тощие мальчики.

— Эта?

Джейк, низко опустив голову от стыда, сказал еле слышно куда-то в складку пиджака:

— Нет.

Джонни нажал на кнопку выброса. Механизм внутри магнитофона захрипел и невероятно медленно начал выполнять команду.

И тут в тишине над их головами что-то тихонько скрипнуло.

— Что это? — прислушался Джейк.

Джонни вцепился ногтями в кассету, выглянув-

шую из щели магнитофона. В другой руке он уже держал следующую.

— Где?

Джейк готов был закричать, но удержался и сказал шепотом:

— Он проснулся. Хрен с ними, с этими двумя, бери их и побежали!

Джейк уже вскочил на ноги и стоял в дверях гостиной, уговаривая Джонни бежать за ним.

Джонни помотал головой: он не отказывался, просто был сбит с толку. Он уже не знал, как сойти с ритма, который сам себе задал: промотать вперед — включить — остановить — выброс — достать — вставить следующую. В обеих руках у него было по кассете: одна уже просмотренная, вторая — новая. Он бормотал: ладно, ладно» и растерянно переводил глаза с одной на другую.

— Джонни, скорей!

Уже слышны были шаги в верхнем коридоре, но Джонни наконец разобрался в кассетах. Засунул первую обратно в магнитофон и привычным жестом нажал кнопку воспроизведения. Непросмотренные кассеты он сжимал в руке.

— Ладно, давай.

Джейк знал, что уже слишком поздно. Ухватившись за дверную ручку, он распахнул дверь и

шагнул в снег. На лестнице за его спиной грохотали шаги Паскаля, но Джейк был уже неуязвим.

За неплотно прикрытой дверью мелькнула черная-пречерная фигура. Джейк прошел за ней вдоль дома и наблюдал в окно, как Джон Паскаль ворвался в комнату: одетый в длинный коричневый халат из терилена, напоминающего монашескую мешковину, с топором в руке.

Джонни было некуда бежать. Паскаль настиг его, когда тот пытался отползти, не поднимаясь с ковра. Паскаль возвышался над ним, замахнувшись топором и уставившись на экран телевизора, где двое мужчин прижимали к массажному столу худенького, вяло отбивающегося мальчика: один держал руку у него на спине и ягодицах, другой — на голове и плечах, а свободной рукой оба держались за члены. Пленка крутилась на обычной скорости, просто сам Паскаль застыл на «паузе». Когда он начал орать, это было похоже на тихое шипение, но с каждым вырывавшимся наружу словом оно набирало обороты.

— Дьявольское отродье! — кричал он. — Дитя Содома… Ты посмел принести это в мой дом, такой грех — в мой дом?!

Топор обрушился на ящик телевизора, трубка внутри разлетелась вдребезги и сыпнула ис-

крами.

— В мой дом. *В мой дом.*

Снизу лицо Паскаля освещалось мелкими вспышками взрывающихся деталей, а праздничные огоньки раскрасили его в красный и голубой. Рот исказила злоба, а голова казалась грубо высеченной из камня: чересчур тяжелые цвета, слишком темные тени.

— Впустить сюда этого змея, из Геенны огненной, из самого Содома… В мой дом!

Джонни скакал по комнате на корточках, увиливая от топора в руках Паскаля. Он кричал:

— Это не я!

Паскаль крушил все вокруг в праведном гневе, сотрясая комнату оглушительными возгласами, ставшими уже совершенно нечленораздельными и направленными теперь непосредственно к Господу Богу.

— Он знает тебя так же, как и Сатана знает тебя. Ибо нет у тебя ни очей, чтобы видеть, ни ушей, чтобы слышать, ни знамения праведности!

Джонни поднял руку над головой, защищая лицо от летающего в воздухе топора. Но рука сломалась под взмахом топорища, и топор в кровавой пелене врезался в голову Джонни.

— Да, так повелел Агнец Божий, плоть за плоть,

ибо согрешило око мое. Изыди!

Неизвестно откуда раздался крик женщины. Паскаль продолжал размахивать топором как клюшкой для гольфа, снова и снова опуская его обухом на шею Джонни.

— Вечный Господь наш, маяк пробуждения, Господь всеохватный.

Топор ударился лезвием в пол и опрокинулся на топорище. На полу голова Джонни лежала так, как будто он сильно наклонил ее вправо… а в дверях выла женщина.

Джон Паскаль снова поднял топор. И еще раз им ударил.

— До последнего слова!

Джейк развернулся и кинулся в снежную бурю. Пропасть тумана без пути, без дороги вскоре превратилась в широкую площадь. Он упал на колени и задыхаясь полз на карачках, пока наконец не увидел просвет в сплошной линии домов на нижней стороне улицы. Укрывшись в проходе между домами от ветра и вьюги, он дотащился до дверей часовни Иерихона. Было не заперто.

Вот оно, убежище. Джейк обошел здание под сенью круговой галереи и добрался до ризницы. Там, в углу, где стояли шесты для праздничных знамен, он обнаружил старый церковный гар-

дероб. Осторожно отодвинул шесты в сторону — только бы не упали! — и спрятался среди вышитых знамен, сложенных на дне гардероба. Плотно закрыв за собой дверцу и натянув знамена на голову, он стал дожидаться утра.

Глава девятнадцатая

Меньше часа назад Джейк высадил инспектора Грина в центре Манчестера, а теперь снова был в Колденстолле. Взятую напрокат машину он оставил на парковке, устроенной на участке земли, который прежде принадлежал церкви. Часовня Иерихона находилась в углу, дверь была на замке, а бесцветные витражи окон казались пустыми, как усталые глаза. Джейк стоял и смотрел на нее, пока и его взгляд не стал таким же пустым. Только такими глазами он решился наконец взглянуть на вересковую пустошь, что стелилась перед ним залитым солнцем покрывалом и нависала сзади, как темная сутана. Вот куда сбросил Паскаль изуродованное тело Джонни, предоставив ночному снегу его схоронить. Труп оставался там довольно долго — Джейк толком и не знал, сколько. А потом его унюхала овчарка, откапывающая в снежных полях заблудших овец.

Овец тут всегда было полно, но все какие-то худые и с потрепанными задницами. Каким бы ни было ваше представление об овечьей отаре, местные овцы ему не соответствовали. Они тупо

разбредались по пустоши и ходили туда-сюда в одиночку, страшные, как черт знает что. На обратном пути в Манчестер инспектор Грин сказал:

— Слушай, объясни ты мне про этих овец. Я вижу их каждый раз, когда сюда приезжаю, но шерсть-то у них дерьмовая и мяса их никто не ест — я знаю. Так на какие же шиши живут здешние фермеры?

Через пролом в заборе чьей-то фермы карабкалась овца. Задние ноги, тощие, точно обтянутые кожей черные кости, поднимали в воздухе облако пыли, пытаясь отыскать точку опоры. Как и все овцы в округе, эта выглядела так плохо, что глупо было возлагать на нее какие-то надежды. Но Грин просто не подумал как следует: ведь фермеры разводят не овец, а их ягнят. Когда Джейк сказал ему об этом, инспектор театрально стукнул себя по лбу:

— Твою мать, ну конечно. А еще детектив!

Впрочем, Грин признался, что кое в чем детективные способности ему все-таки помогли: он отыскал Джейка благодаря тому, что его имя значилось в адресной книге Кевина Доннелли. Грин спросил, много ли они общались в последнее время.

Джейк помотал головой: нет, совсем не общались. Но он знал, что у Доннелли был его адрес, — и даже видел Доннелли за несколько дней до его смерти.

Доннелли приехал в Лондон специально, чтобы его разыскать. Он посмотрел кассеты Холлидея и теперь хотел узнать подробности. Ну или, на худой конец, хотя бы версию Джейка. К чему Доннелли не был готов, так это к тому, что Джейк исповедуется ему в убийстве Джонни. Холлидей эту легенду проглотил не разжевывая, а вот Доннелли и слушать ничего не захотел. Джейк не мог понять, почему, ведь вроде такая правдоподобная история. Так хорошо вписывается во все, что он делал в жизни, ведь он всегда принимал решения с отчаянием убийцы. Это был его ад, он прошел через него, устремив глаза в одну-единственную точку, до которой ему никогда не дотянуться, ведь кара за совершенное преступление так его и не настигла, да и не могла настичь. Он кружился по бесконечной спирали, в мире, которому тоже не было конца. В вакууме, где его собственная смерть потеряла всякое значение, а жизнь — уж какая была — протекала на взятое в кредит время убийцы и не подлежала осуждению.

Здесь, в этом захолустном городишке среди

холмов, пятнадцать лет назад.

Джейк смотрел в окно, когда опустился топор. Давай-ка проиграем на замедленной скорости: вот топор падает раз, вот падает два, и на саундтреке гудит безумная проповедь Паскаля. PAUSE, REWIND и PLAY.[79] Джонни изо всех сил пятится по комнате, скачет на попе, а Паскаль — за ним, смешная сценка, и вдруг — ужас: топор разрубает пирамиду из кассет, а потом вдруг удар, и лезвие попадает в цель. А тем временем на экране: вечеринка у Холлидея… фигуры появляются в кадре и осмотрительно исчезают каждый раз, когда опускается топор. Во всем виноват Джейк. Сколько бы он ни прокручивал эту сцену в голове, ответ был всегда один. *Он убил Джонни.* Это ясно как день.

Джейк повернул и стал подниматься по церковной парковке к проходу, который выводил прямиком в центр деревни. Когда-то рядом с этим выкрашенным в белый цвет пабом стояла красная телефонная будка. Теперь на ее месте красовалась современная модель из алюминия. По дороге к телефону Джейк репетировал то, что собирался сказать. Автоответчик включился так

---

[79] Примечания: 79

Надписи на клавишах видеомагнитофона: «пауза», «обратная перемотка», «воспроизведение» *(англ.).* Здесь: Остановись, отмотай назад, смотри.

быстро, что он немного опешил, впрочем, звук ее голоса часто заставал Джейка врасплох, особенно если он давно его не слышал.

— Джейкоба и Сары Пауэл сейчас нет дома. Было бы здорово, если бы вы оставили нам сообщение, так что, пожалуйста, сделайте это после звукового сигнала.

Голос такой радостный, чистый и приветливый, но все равно незнакомый. Джейк успокаивал себя тем, что это междугородный звонок, и говорит она не с ним, а с телефонной трубкой — вот целых два объяснения, почему голос кажется таким далеким.

Прослушав кучу сигналов, Джейк дождался самого длинного. И после него неловко начал:

— Я сотру это сообщение, если…

Нет, это ей знать совсем необязательно. Он откашлялся и заговорил снова:

— Если, придя домой, ты услышишь это сообщение, значит, я больше не вернусь. Не знаю, где я буду. Честное слово, понятия не имею, где буду. Но хочу, чтобы ты знала, как сильно я тебя любил. Знаю, ты всегда считала, что я был добрым и внимательным только потому, что это ты мне велела таким быть. Я никогда не срывался на тебя, потому что боялся, что тогда может случиться

плохое… и еще потому, что, если бы я когда и сорвался, то не на тебя. *Я не хотел, чтобы ты стала моим оправданием.* Да, я знаю, иногда тебе было страшно, потому что я так глубоко уходил в себя. У тебя было не так уж много доказательств моей любви. Прости. Дело было вовсе не в том, как я к тебе отношусь. Просто я испытывал равнодушие к самому себе.

Он сказал даже больше, чем собирался, а про то, что ему бы хотелось, чтобы она его вспоминала, решил не говорить. Не хватало еще, чтобы кто-нибудь увидел, как он тут рыдает, в телефонной будке. Поэтому Джейк повесил трубку.

В чисто техническом плане он был хорошим мужем. Когда у нее не было работы, он держался за прибыльную должность, которую не выносил. Когда она подыскала себе приличное место, он продолжал работать, поскольку ее деньги принадлежали только ей, и он не хотел, чтобы она еще когда-нибудь так волновалась из-за их нехватки, как в те месяцы, пока у нее не было работы. К тому же она и понятия не имела, что он ненавидит казино. Она полагала, что, раз его постоянно повышают в должности за то, что он так хорошо справляется со своей работой, значит, ему там нравится. А про то, что он чувствует по

поводу всего остального, он никогда ей не рассказывал.

Когда они поженились, он ее еще не любил. Хотел полюбить, но не любил. Он был ей отчаянно благодарен за то, что она с ним так терпелива и так твердо верит в то, что любит его. А теперь, когда он любил в ней все, ему стоило огромных трудов выразить это словами. Отчасти из-за плохого начала, когда он не вполне ее любил. Но главная причина крылась в том, что случилось за много лет до того, как они встретились.

Месяц назад Джейк как-то выходил из казино часа в три ночи. На ступеньках перед входом в банк вдруг появился человек, который окликнул его по имени.

Джейк оглянулся, поднял голову и увидел, как из темной дверной ниши выходит маленький коренастый мужчина. На нем были рваные джинсы и футболка, а лицо Джейк смог разглядеть, только когда человек вплотную подошел к фонарному столбу.

Это был Кевин Доннелли. Джейк почти в этом не сомневался, разве что совсем чуть-чуть. Человек не был худым — невысокий и довольно крепкий. Футболка чуть ли не трещит на плечах. А еще разница с прежним Кевином была в том,

что теперь он носил очки, большие, круглые, в красной пластмассовой оправе, совершенно немодные и для его курносого носа чересчур громоздкие.

Но голос остался прежним — Доннелли произносил слова так, чтобы можно было подумать, будто он такой же веселый и нормальный, как все остальные.

— Здорово, Джейк. Как ты?

Первое, что пришло Джейку в голову тут, посреди улицы, было: *«Доннелли рехнулся»*. Он казался каким-то несобранным, слегка не в себе. По крайней мере, мог бы надеть пальто, ночь стояла холодная.

— У меня кассеты, на которых ты и Холлидей, — сказал он.

Он не угрожал, не пытался что-нибудь с этого поиметь — ничего такого. Но, тем не менее, кассет у него с собой не было. Вообще не было никакой сумки: только он сам в этих своих футболке и джинсах. Может, Доннелли и в самом деле двинулся умом, но не бросать же его здесь, хотя и что с ним теперь делать, Джейк тоже не мог сообразить.

Пускай Доннелли сам решает.

— Я живу тут за углом, — сказал Джейк. — Мо-

жем пойти ко мне, я не против, но моя жена сейчас спит. А можем пойти обратно в казино, у меня там есть кабинет.

— Ты женат? — спросил Доннелли. — Ты не голубой?

Джейк не знал, что ответить. Но Доннелли, похоже, как-то опечалился, поэтому Джейк выдавил улыбку и сказал:

— Нет, чувак. Би-туда-сюда.

Доннелли медленно кивнул, как будто бы обдумывая услышанное, но вряд ли такой человек, как он, вообще понимал, о чем речь.

Наконец он сказал:

— Джейк, а ничего, если мы пойдем к тебе? Мне, кажется, надо где-нибудь поспать.

На том и порешили. Кевин Доннелли никого бы не смог провести, не умел скрывать своих чувств. А еще не хотел никому доставлять неприятности. Джейк понятия не имел, как можно этого не хотеть.

Они сидели у Джейка в гостиной и пили чай. Джейк зажег искусственный камин, не спрашивая Кевина, замерз ли тот. Доннелли, похоже, был до сих пор чересчур ошеломлен, чтобы испытывать какие-то ощущения, но, глядя на огонь, на то, как танцуют огоньки пламени по выкрашен-

ным черной краской кирпичам, разговориться легче. Перед зажженным камином вопросы Доннелли из серии «давай познакомимся поближе» казались не такими уж и нелепыми. Он задавал их так, будто вел телевизионную викторину и зачитывал вопросы из области общих знаний. Он спросил Джейка, давно ли тот женат, есть ли у него дети. Ответы Джейка: три года, пока нет. Сара как-то поднимала вопрос о том, что, может, пора бы им обзавестись потомством, но Джейка одна только мысль о детях приводила в ужас — Доннелли он этого, впрочем, говорить не стал. Он вообще не был настроен на доверительную беседу. Кое-как поддерживал разговор, отвечал только «да» или «нет», а когда ни то, ни другое не подходило, выбирал самый короткий ответ из всех возможных.

Доннелли, похоже, не замечал сдержанности Джейка. Слушая его, он кивал и говорил: «Да что ты, правда?» Может, с ним никогда еще никто так откровенно не разговаривал, вот ему и кажется, что Джейк прямо-таки выворачивает перед ним душу.

Очередь Кевина:

— Я жил с парнем, но он был так себе, придурок.

— Придурок?

— Не знаю, что с ним было такое. Все равно он потом от меня ушел.

— Сочувствую.

— Ну, он был придурок.

Джейк подумал: так вон оно что, Кевин — один из тех, кому нужно нечто большее, чем просто ничего. В юности Джейку всегда казалось, что разница между мужчинами и женщинами заключается в том, что с мужчиной совсем необязательно оставаться в дневное время. Закончился секс — и можешь идти своей дорогой. Нет причин чувствовать себя виноватым из-за того, что все так резко оборвалось. Между вами никогда не было ничего более теплого, чем жар двух гарцующих тел. От мысли, что кто-то может желать большего, чем просто грубая физическая связь с другим мужчиной, у Джейка волосы становились дыбом.

Он и сейчас считал, что закоренелый гей отличается от перебежавшего на другую сторону только в одном. На женщин тратится уйма времени и усилий; остаться с женщиной — значит повесить на шею ярмо и попрощаться с независимостью. Это его собственное мнение, так что, возможно, оно гроша ломаного не стоит. Женщи-

ны всегда казались Джейку соблазнительными и привлекательными. А когда он научился не торопиться и думать не только о себе, обнаружилось, что женщины еще и сногсшибательно эротичны. Особенно его жена.

Пока они вот так сидели и пытались вести беседу, Джейк подумал, что да, он был прав по поводу Кевина Доннелли: парень так крепко погряз в своей печали, что и в самом деле свихнулся. Хотя с другой стороны — и нельзя сказать, чтобы это только сейчас пришло ему в голову — Джейк сам так близко подобрался к настоящему психозу, что Доннелли его уже не догнать. Ведь он вроде бы все правильно понимает о любви, гомосексуальности и преданности. Но все равно считает, что Доннелли заслуживает чего-то большего, чем жизнь из одного сплошного дерьма, и что для того, чтобы заполучить это большее, ему совсем необязательно меняться.

А впрочем, ведь Джейк — псих. Какой с него спрос?

Кевин Доннелли подошел к главному:

— Что произошло в ту ночь, когда вы с Джонни поехали к легавому?

— Нас застукали.

Он рассказал, как они слишком долго копа-

лись. Джонни аккуратно сложил и подписал все кассеты, включил таймер и скотчем приклеил к телевизору записку с объяснением. И только тогда, в эти последние мгновения, до Джейка дошло, что сделал Гэри Холлидей. Он купил молчание Джейка, втянув его в игру.

Доннелли слушал, кивая:

— Да, он всегда так делает. А ты думал, почему ему до сих пор все сходило с рук?

Он сказал, что Джейку не следует винить себя в смерти Джонни. Случилась трагедия, в которой никто не виноват — вот как считал Доннелли, — и прощать здесь некого и не за что. Все это — результат тонко спланированной игры Холлидея. Каким Доннелли был, таким и остался — до того засрали парню мозги, что он до сих пор убежден в том, что его бывший наставник действует на каком-то другом уровне.

В действительности же Холлидей чуть не прокололся. Он не подумал о том, что Джейк может удолбаться до такой степени, что даже и не заметит, что его снимают на видео.

После драки на улице, когда Холлидей швырнул на приборную доску свою окровавленную клюшку-дубинку, ему бы не пожалеть минутки — нагнуться и заглянуть Джейку в глаза. Джейк

так пропитался амфетамином, что подошел к полному психозу ближе, чем когда-либо. Так близко, что уже даже чувствовал его вкус…

… и к тому же оказалось, что это ощущение лучше, чем он мог себе представить.

Когда Холлидей спросил: «Куда тебя отвезти?», Джейк ответил: *«Гони, мать твою!»*

Они вывернули на развязку Кингзуэй, в ночном воздухе расплывались кляксами уличные фонари, и Джейк бешено впитывал в себя все вокруг через широко раскрытые глаза. В пакете у его ног лежала отпитая наполовину бутылка водки. Он и не думал спрашивать у Холлидея разрешения — тут же жадно накинулся. И даже не почувствовал, что это алкоголь — так, вода с запахом спирта. Пока проезжали под хитросплетением автомобильной развязки, он осушил бутылку до последней капли и зашвырнул на заднее сиденье. Холлидей попросил его не волноваться: у него дома есть еще — сколько хочешь. Скоростное шоссе ускользало из-под колес, новая дорога золотилась пятнышками лунного света, просеянного сквозь прильнувшие друг к другу кроны деревьев. Холлидей резко затормозил слева от металлических ворот и протянул руку, чтобы нажать на кнопку звонка.

Машина объехала дом кругом и припарковалась рядом с двумя теннисными кортами. Джейк открыл дверь со своей стороны и, выбросив ноги на гудронное покрытие, спросил:

— Теперь куда, начальник?

Холлидей возился с огромной связкой ключей у двери низенького белого здания.

— Подожди здесь, — сказал он. — Я принесу выпивки и организую вечеринку.

Он постучал ладонью по целому ряду выключателей, и Джейк вошел в комнату, залитую белым флуоресцентным светом. Стены и пол покрывал сверкающий кафель, в центре комнаты стоял массажный стол, а сбоку — душевые. Джейк повесил рубашку на крючок и стал с важным видом прохаживаться по комнате, прогнув спину и выпятив грудь — рок-н-ролльная походка гордого петуха. В заднем кармане джинсов еще оставались пакетики дури — много-много пакетиков. Он достал их и вернулся к сброшенной рубашке, чтобы затолкать несколько в нагрудный карман. Содержимое остальных он высыпал на массажный столик и просто слизнул, коснувшись языком прохладной поверхности кафеля.

Он шел сквозь струящийся пар душевых, вода в каждой была открыта на полную, и тут вернулся

Холлидей. Джейк услышал, как он его окликнул, и покачивая бедрами вышел из-под душа в золотистых джинсах и кубинских сабо — с зализанных волос смылась вся краска, голая грудь по-прежнему колесом.

Холлидей отступил в сторону и сказал:

— Это Дон Форд.

В дверь вошел толстый человек в халате и незашнурованных ботинках, вместо приветствия он кивнул.

— А это Уильям, Джон и Стэнли.

Рядом с ним стояли три мальчика с заспанными глазами, красными от того, что их сильно терли, в теплых куртках и с голыми ногами.

Холлидей бросил Джейку бутылку водки. Тот поймал ее, с треском открутил крышку и жадно отхлебнул. От алкоголя на глазах выступили слезы и, проморгавшись, Джейк увидел, как мальчики вешают на крючки свои куртки. А под куртками у них — одни только плавки.

— Мальчики, в душ! — скомандовал Холлидей.

Еле волоча ноги, они прошли мимо Джейка и скрылись в клубах пара. Дон Форд вешал на крючок халат и засовывал ботинки под прибитые к стене лавки. У него был круглый отвислый живот, в тени которого болтались свернувшиеся

в клубочек член и яйца.

— Ну что ж, — сказал он, хлопнув в ладоши. — Пожалуй, и я в душ!

Холлидей снял пиджак и повесил на крючок. Затем рубашку, брюки и майку. И тоже остался в плавках. Он сел развязать ботинки и при этом с улыбкой смотрел на Джейка. Джейк протянул ему бутылку водки, но Холлидей помотал головой.

— Иди-ка сюда, садись. — Он похлопал рукой по лавке. Джейк сел, и их головы оказались почти вровень.

Когда Холлидей нагнулся его поцеловать, Джейк тоже слегка подался в его сторону. Холлидей тут же с силой пропихнул язык глубоко в рот Джейка и как наждачной бумагой царапал его своей невидимой щетиной. Язык все двигался и двигался, не унимаясь. Джейк не отвечал на поцелуй, он просто держал рот открытым и пытался дышать.

Наконец Холлидей убрал язык и сказал:

— Ты — первый, на правах гостя.

Джейк проследил за его взглядом. Дон Форд степенно выходил из душа. Двое из мальчиков были уже без плавок, член у Форда встал и, подпрыгивая, ударялся о нависающее над ним пузо. Форд вел за руку одного из ребят — он повертел

им перед Джейком, чтобы тот мог разглядеть мальчика со всех сторон.

Джейк посмотрел на них: три пары глаз. Впервые, он уже не помнил за сколько времени, перед ним был кто-то, кто не хотел бы с ним переспать. Кто-то, кто хотел убежать далеко-далеко и никогда больше его не видеть.

Холлидей встал, порылся в спортивной сумке, лежащей в углу, и принес оттуда бутылочку с маслом.

— Ну что, Джейк, определился? Может, Уильям?

Он указал на того мальчика, который все еще был в плавках. Бутылочка масла была открыта, и Холлидей обильно лил из нее себе в ладонь. Закрутив крышку и бросив бутылку Форду, он засунул руку в плавки и начал массировать свой член. Джейк наблюдал за тем, как тот разбухает под плавками. Улыбка ни на секунду не сходила с лица Холлидея.

Джейк отвернулся.

Дон Форд шлепнул самого маленького мальчика по попе:

— Ну-ка, мальчуган, на стол.

Мальчик, съежившись, отступил в угол, но Форд подошел к нему и, крепко схватив за пред-

плечье, потащил к массажному столику.

— А ну залезай. А то щас побегаешь у меня!

Мальчик подошел и плюхнулся на стол. Его впалая грудь распласталась по кафелю, тоненькая и хрупкая, будто из фарфора. Дон Форд двинулся к нему, смазывая руки маслом.

Джейк встал, развязно помахивая бутылкой водки.

— Слезь-ка со стола, малыш, — сказал он.

Мальчик повернул голову и посмотрел на Джейка, но с места не двинулся.

Джейк не дергался, говорил медленно и четко.

— Слезай со стола. Сначала я.

Он пошел к столу, на ходу расстегивая пуговицу и молнию на джинсах.

Мальчик поднялся. Джейк повернулся к столу спиной и улегся. Приподняв зад, он стянул с себя штаны и ногами сбросил их на пол. Форд был сбит с толку, но Джейк широко ему улыбнулся:

— Хотите со мной? — А потом обернулся через плечо. — Может, вы, Холлидей?

Холлидей все продолжал улыбаться.

— Ладно, — сказал он. — Ложитесь поперек, молодой человек.

Джейк принял позу: ноги полусогнуты, грудь прижата к столу. Задница приподнята над одним

краем стола, голова свисает с другого. Холлидей подошел к нему сзади и положил руку на спину. Джейк почувствовал, как к его заднему проходу прижалось что-то мягкое, размером с персик. Боли он не ощутил: был пьян, обдолбан и отключен. Холлидей протолкнулся в него по самый кишечник и начал качать как насосом. Джейк застонал и попытался его отпихнуть, но получил крепкий удар по заднице.

Напротив стоял Дон Форд, он переводил взгляд с Джейка на мальчика и обратно. Когда Джейк встретился с ним глазами, у того снова встал, он взял Джейка за голову и надел его рот себе на член. Джейк зашипел и, брызгая слюной, выплюнул член обратно: он был вымазан средством после бритья. Джейк начал хватать ртом воздух и смог выдавить одно-единственное слово: «Водки». Форд кивнул, открутил крышку и влил спиртного в развернутый кверху рот Джейка. А потом запихнул член обратно ему в глотку.

Сзади и спереди — Джейку оставалось только отталкиваться в такт движению, пока он не превратился в один отзывчивый кусок мяса. А в голове крутилась «Funhouse» Игги, снова и снова повторялась одна и та же строчка: *«всю ночь напролет».*

Когда Холлидей закричал и выдернул свой член, напоследок еще раз вмазав Джейку по заднице, Дон Форд перешел на его место. Джейк поднял голову и увидел, как Холлидей идет к душевым: сейчас он не улыбался. Лицо раскраснелось, как от гнева, он с трудом переводил дыханье. Когда он прошел мимо, Джейк поймал взгляд одного из мальчиков. Мальчик просто смотрел на Джейка и был скорее *против* него, чем *за.* Джейк подумал: правильно. Не думай, что я делаю это ради вас. Он делал это для себя. Даже когда у его задницы толкался жирный Форд, Джейку хотелось, чтобы это продолжалось: бесчувственное повторение, убаюкивающее ощущение отключки, безразличная жестокость всего происходящего.

Когда Холлидей вышел из-под душа, Джейк поймал его взгляд и развернул кверху раскрытый рот. Холлидей кивнул, подошел к Джейку, поднял его голову и протолкнул свой еще не ставший окончательно твердым хрен глубоко в горло.

К тому времени, как Форд кончил и сидел, хватая ртом воздух, на лавке, чуть живой от напряжения и жаркого пара душевых, у Холлидея снова встал, и он опять обрабатывал Джейка сзади.

И теперь Джейк припоминал, что да, возможно, в какой-то момент этой бесконечной ночи — потому что он оказался по-настоящему неутомим — перед ним стоял мальчик Уильям с видеокамерой в руках и снимал Джейка на пленку. Было ли это на самом деле? Или только привиделось?

Он быстро принял душ, оделся и уже направлялся к выходу, когда Холлидей остановил его и сказал:

— Не забудь свой пакет.

— А, да, — ответил Джейк.

И, когда он взял пакет, в нем было не три кассеты, а четыре. Но Джейк этого не заметил. Он просто пошел обратно в Манчестер, пешком все десять миль.

Глава двадцатая

Джейк стоял в телефонной будке в Колденстолле и звонил в справочную. Автоматический голос произнес номер, Джейк повторил его вслух и тут же набрал.

— Мистер Джон Паскаль? Извините за беспокойство. *Я* хотел бы осмотреть старую часовню, но тут заперто. Номер вашего телефона я взял у священника.

В голосе на другом конце провода, грубом, с йоркширским акцентом, послышалась неуверенность:

— С чего бы это она стала вам его давать?

Джейку и в голову не пришло, что священник — женщина. Он не забыл заглянуть на доску объявлений у входа в часовню, прежде чем позвонить, но на пол священника там ничего не указывало.

— Она куда-то уходила, — сказал он, — и дала мне номера нескольких членов комитета.

На том конце провода — все то же подозрение.

— Она дала вам мой номер?

Джейк не мог себе представить, чтобы у Джона

Паскаля были теплые отношения с женщиной-священником. Он ухватился за первую пришедшую в голову мысль.

— Она продиктовала мне сразу несколько номеров, но у меня не было ручки. Ваш номер был последний, поэтому я только его и запомнил. Надеюсь, я не очень помешал? Если я вас отвлекаю, возможно, вы дадите мне какой-нибудь другой номер?

— Где ты находишься, сын мой? — спросил Паскаль.

— В телефонной будке возле… — Джейк запнулся — надо было выглянуть из телефонной будки и посмотреть на вывеску над входом в паб. — Возле «Барана».

Хорошо, что догадался посмотреть, раньше «Бараном» этот паб дразнили только местные жители, название на вывеске тогда значилось другое.

— Хорошо, сын мой, я буду через десять минут. Встретимся у часовни.

Джейк повесил трубку, взял с полки свой плащ и вышел из будки. Людей на улицах было не много, но машин по обе стороны дороги стояло куда больше, чем пятнадцать лет назад. Большинство из них были новенькие, буквы на номерах сви-

детельствовали о том, что зарегистрировали их совсем недавно. Казалось, тут провели грандиозную уборку, но только какую-то уж чересчур продуманную.

Джейк прошел между домами обратно к часовне. Последний раз он был здесь после того, как умерла его мать. Тянул до последнего, пока окончательно не опоздал, и свалил вину на плохую работу поездов. Он намеренно пропустил службу, похороны — все, кроме последнего обветренного бутерброда на тарелке в доме матери.

Родственники ему поверили, они кудахтали вокруг него с сочувственными лицами, приговаривая:

— Ну надо же, именно сегодня!

— Ты подай, что ли, в суд на этих бездельников из Бритиш Рейл![80]

Джейк кивал. Он подаст, ага.

Он бы не смог войти в часовню. Не смог бы — после той ночи, когда был убит Джонни и он сидел здесь, свернувшись клубочком в шкафу, под транспарантами в дальнем конце раздевалки. На следующий день он вышел из часовни и увидел, что солнце пробило брешь в крыше из серых туч

---

[80] Примечания: 80
Британские железные дороги.

и зашвыривает туда солнечных зайчиков, а они разбегаются по снегу, который лежит повсюду. И получается тот особый свет, который он не видел больше нигде, кроме Пеннин. Небесный свет, световой меч[81] надежды. Нет, шутки про мечи — не сегодня.

А на этот раз никакого снега здесь не было, только солнце светило на прежнем месте, готовое в любой момент показать свой фокус с тучами. Южнее от часовни лучи-посыльные падали на землю и, отскакивая рикошетом от земли, возносились столбами обратно в небо. Джейк поморщился и вздрогнул. Еще раз взглянул на доску объявлений у входа в часовню. Доска выглядела старой, дождь и снег не пощадили ее древесины, но сама часовня была куда более древней. Сверху поперек доски значилось: «Часовня Иерихона, Колденстолл». В центре висел старый плакат с отклеившимся уголком, который гласил: «Иисус — наш Господь» и ниже: «Не принимай это как должное, не то останешься в дураках». Слова были напечатаны черной краской на шершавой флуоресцентной бумаге фиолетового цвета. В самой нижней части доски висела написанная

[81] Примечания: 81

Традиционное древнее оружие джедаев — героев киноэпопеи Джорджа Лукаса «Звездные войны».

от руки записка с фамилией и инициалами священника. Под фамилией был указан телефонный номер, и только сейчас Джейк заметил, что он начинается с кода Галифакса. Выходит, она даже не местная.

Он повернулся и зашагал к дальней стене часовни — туда, где здание нависало над склоном холма. Холм обрывался прямо у Джейка под ногами, до равнины внизу было футов двести, если не больше. Трава на склоне холма казалась сочнее и зеленее и была вся расчерчена стенами из сухого камня. Холмы на противоположной стороне равнины выглядели точно так же. А внизу, растянувшись по обоим берегам мелкой реки, теснился конкурирующий город. Вообще-то никакой это был и не город. Просто покрупнее и магазинов побольше. И жизнь кипит.

Джейк оглянулся посмотреть на парковку. В проходе между домами появился Джон Паскаль. Джейк скользнул по нему глазами, будто никогда раньше не видел, и устремил взгляд вверх, к вершинам холмов.

Паскаль направился к нему и остановился в нескольких ярдах от старых деревянных дверей.

— Это вы хотели осмотреть часовню?

Джейк кивнул и подошел к нему. На вид лет

шестьдесят, крепкий, ничуть не ссутуленный, вот только лицо какое-то багровое. Дело тут уж никак не в выпивке, а скорее, в домашней пище и прохладных ветрах с холмов. Джейк протянул руку:

— Джеймс Остерберг.

Паскаль не подал руки. Он просто бросил Джейку ключ, и рука Джейка, приготовленная для приветствия, быстро переквалифицировалась в бейсбольную перчатку. Ключ был тяжелый и казался слишком новым, чтобы открыть такую дверь, но размер подошел и ключ легко повернулся в замке. Джейк толкнул двери и, когда они открылись, отошел в сторону. Паскаль кивнул, пропуская Джейка вперед.

Часовня Иерихона была необычной часовней. Какой-нибудь турист и в самом деле мог захотеть на нее взглянуть. Она имела форму шестиугольника, а кафедра проповедника и алтарь располагались вдоль двух из шести внутренних стен. Скамьи, как куски торта, расходились веером от двух центральных проходов, их острые концы указывали на кафедру и медные трубы органа, которые огромной короной тянулись вверх от нависающей над алтарем галереи. Сиденья на хорах и дополнительные места располагались от

органных труб по кругу, и этот круг замыкался у Джейка над головой. Слева от входа, под галереей отгороженное помещение образовывало ризницу, а дальше, в глубине, была комната для заседаний комитета. Джейк шел по центральному проходу в сторону кафедры, но на полпути остановился и посмотрел вверх на потолок и окна вокруг галереи.

— Что именно вас интересует в этой часовне? — спросил Паскаль.

— Архитектура, — ответил Джейк.

— И когда же было построено это здание?

Джейк улыбнулся.

— Я думал, это вы мне скажете. Восемнадцатый век, Георг какой-то.

— Второй. Построена во время протестантского возрождения, хотя задолго до того здесь находилась община конгрегационалистов… как минимум, с тысячи шестисот девяностых. — Паскаль говорил все это на автомате, то ли от многократного повторения, то ли просто потому что был хорошо знаком с этой темой. — Вы принадлежите к какой-нибудь Церкви?

Джейк покачал головой.

— Если только моя бабушка. И та, кажется, методистка.

— Уизли[82] читал у нас проповедь в одна тысяча семьсот восьмидесятом году. Мы всегда дружелюбно относились к другим раскольникам: у нас хоть и независимая Церковь, но весьма либеральная.

Джейк обошел вокруг алтаря.

— Да? И сколько же у вас сейчас прихожан?

— Около шести, — без особых эмоций ответил Паскаль.

Он дошел за Джейком до середины часовни и теперь наблюдал за тем, как тот входит в тень галереи.

— Шесть?

— Священник проводит службы раз в месяц. Все остальное время нам приходится самим ездить к ней — в Галифакс. Вы ведь с ней разговаривали?

— Угу, — ответил Джейк. Не хотелось бы на чем-нибудь проколоться.

— Она, кажется, родом из ваших краев, да?

Тут Джейку удалось вывернуться.

— Из Манчестера? Не сказал бы.

— А мне показалось, вы откуда-то с юга.

Джейк протиснулся за колонны, поддерживающие галерею, и шел вдоль галереи лицом

---

[82] Примечания: 82

Уизли Джон (1703–1791) — английский священник и богослов, основоположник методистской Церкви.

к стене, читая таблички, одна из которых была посвящена Уизли.

— Я живу в Лондоне. Возможно, растерял северный акцент.

— Значит, манчестерский паренек? А знаете, ваше лицо и в самом деле показалось мне знакомым.

— А мне — ваше, — ответил Джейк.

— Возможно. Но я был полицейским. Если мы с вами встречались, значит, вы что-то натворили.

— Может, я вас видел в газетах?

— Я не гонялся за славой.

Ага, он не гонялся. Джейк промолчал и продолжил свой обход. Паскаль вслед за ним повернул к выходу. Джейк уже совсем подходил к двери, его нога вот-вот должна была ступить на клин солнечного света, разлитый на пороге. Еще один шаг — и он превратился бы в черный силуэт в дверном проеме, в тень на полу, протянувшуюся до того самого места, где стоял Паскаль.

— Божий полицейский, — сказал Джейк.

Паскаль выдернул руку из внутреннего кармана пальто. В ней он держал что-то вроде пистолета.

Джейк замер между спасительной открытой дверью и колонной. Паскаль щурился от света,

но руку держал твердо. Стоит Джейку сдвинуться с места, и он попытается выстрелить.

— Я знал, что ты — один из них, — сказал Паскаль.

— Из кого «из них»?

— Еще один голубой мальчик, пришел меня искать.

— Я — турист из Лондона. Вы не посмеете стрелять в меня в здании церкви.

— Давать отпор врагам Господа Бога следует повсюду.

— Кто вы такой — деревенский сумасшедший? — спросил Джейк, приглядываясь к луже света у дверного порога — интересно, за сколько шагов можно ее перескочить? Паскаль продолжал твердо держать вытянутую правую руку, до того неподвижно, что вообще-то ей давно пора было задрожать. Может, это он на почве безумия развил такую сверхчеловеческую несгибаемость?

— Я тебя знаю, голубой мальчик. Костюмом меня не проведешь. У тебя взгляд такой же, как у тех двоих.

Джейк перескочил через проход, ведущий к двери, взмахнув за спиной плащом так, что казалось, он не бежит, а летит по воздуху в лучах

света. Когда Паскаль выстрелил, плащ вырвался из руки: пуля попала только в него.

Укрывшись в дверном проеме ризницы, Джейк дождался, пока под куполообразной крышей умолкнет эхо выстрела, а потом сказал:

— Поздравляю вас, по-моему, там на парковке свидетель.

На каменном полу послышались шаги Паскаля. По правде сказать, на парковке вряд ли кто-нибудь был. В три часа дня жизнь в деревне замирала. Да тут вообще, считай, никто не работал. Если кто и услышит выстрел — и его эхо — то посчитает, что стреляли из дробовика где-нибудь в полях или в пустоши.

Джейк нырнул в ризницу и снова забежал в ее дальний угол. Единственное оружие, которое тут было, это шесты для транспарантов, прислоненные к дверям гардероба — казалось, с тех пор, как он видел их в последний раз, никто к ним не прикасался. Джейк на бегу схватил самый короткий шест и ринулся в следующую дверь, которая вела в зал заседаний комитета. Паскаль бежал за ним, отставая всего на каких-то несколько шагов.

Стол для заседаний был накрыт чехлом, защищающим поверхность от той же пыли, которая покрывала выбранный Джейком шест и, смеши-

ваясь с потом, липла к рукам. Укрыться можно было только под столом или за накрытыми чехлами стульями, выстроенными в пирамиду у дальней стены. Ни то, ни другое не показалось Джейку надежным убежищем. Он толкнул следующую дверь и выбежал обратно в главное помещение часовни. За его спиной рука Паскаля толкнула дверь, отделяющую ризницу от зала заседаний.

Слева от Джейка, втиснутая между стеной часовни и кафедрой, поднималась витая лестница на верхнюю галерею. Джейк бросился к ней, и в часовне раздался громкий топот его ног, поднимающихся по деревянным ступенькам — топот стих, только когда Джейк добрался до самого верха. Остановившись у органа, он понял, что совершил ошибку. Это тупик — другого спуска с галереи нет. Паскаль может гонять и гонять Джейка по кругу, пока не устанет от этой игры и просто-напросто его не пристрелит. Божий полицейский уже несся, тяжело ступая, по часовне к подножию лестницы. Джейк повернулся, забрался на перила деревянной балюстрады и, стараясь не потерять равновесие, занес шест над головой как копье — он надеялся, что этой высоты хватит, чтобы воткнуть шест в Паскаля,

когда тот заберется на лестницу. Он лишь сейчас заметил медную эмблему геральдической лилии, украшающую верхушку шеста. Из трех лепестков только средний напоминал острие копья, да и то — довольно тупое. Паскаль был уже почти на самом верху.

Джейк посмотрел вниз: прямо под ним стояла кафедра. Правда, чтобы на нее попасть, пришлось бы прыгнуть не просто вниз, а еще и немного вбок, но крышка аналоя была хорошей мишенью, местом для посадки. Джейк перехватил в руке свое оружие, стараясь ухватиться покрепче. Когда над лестницей поднялись голова и плечи Паскаля, Джейк метнул в него копьем.

В воздухе шест выгнулся и вильнул: видно, древесина отсырела и деформировалась, а может, он всегда был такой кривоватый. Медный наконечник всего лишь слегка задел Паскаля и, ударившись о него, поскакал вниз по ступенькам. Паскаль, невредимый, но потерявший равновесие, выстрелил в пустоту.

Джейк прыгнул вниз. Его толчковая нога — левая — приземлилась прямо на крышку аналоя. Подошва ботинка придавила край крышки, аналой пошатнулся и наконец с хрустом отломился от перил кафедры, на которых только и

держался. Движущая сила прыжка продолжала нести Джейка вперед, и он, раскинув руки над головой, что есть мочи оттолкнулся от рушащегося под ним аналоя. Ухватился за край прохода верхней галереи, продержался так не больше секунды и всем телом повалился вперед. Больно ударившись коленом о ступеньки, Джейк без сил свалился на пол.

Паскаль был наверху. Но он укрылся за балюстрадой галереи, ни Джейк его не видел, ни он — Джейка. Послышалось ругательство, звук шагов. И тут Паскаль закричал:

— И с тобой будет так же, как с теми двумя! Хренов педик!

Джейк доковылял до подножия лестницы, где лежал шест. Он снова поднял его — может, хотя бы на костыль сгодится.

— Мне отмщение, говорит Господь, Я воздам! О да, и за очи, что согрешили, и за это последнее слово. Не быть тебе там, где место праведникам, а только там, где Агнец Божий пожрет тебя!

Джейк ухватил шест двумя руками будто синаи.[83] Паскаль, спотыкаясь, помчался вниз по ступенькам и напоролся на удар шеста. Хороший,

---

[83] Примечания: 83

Японский тренировочный бамбуковый меч для занятий некоторыми видами боевых искусств.

кстати, удар. Шест треснул, и голова Паскаля с хрустом запрокинулась назад. Джейк отдал честь, поднеся сломанный шест к носу, а затем повертел им в воздухе и воткнул острие в грудь полицейского. На этот раз Джейк навалился на копье всем весом, и оно сделало свое дело. Убедившись, что не может вонзить шест ни на миллиметр глубже, Джейк с хрустом выдернул его из Паскаля.

Он запер за собой дверь часовни и выбросил ключ из окна взятой напрокат машины где-то на отрезке скоростного шоссе между Сэлфордом и Престуичем. Тело Паскаля лежало в гардеробе, заваленное старыми церковными транспарантами. Его могут найти через несколько часов, а могут и через месяц — зависит от того, сказал ли Паскаль жене, что идет в часовню.

Проехав набережную Сэлфорд-Кис, Джейк двинулся дальше вдоль канала по Динсгейт, свернул за выставочным центром «Джи-Мекс» и всю дорогу размышлял, правильно ли он сделал, что не навестил миссис Паскаль. Возможно, кассеты по-прежнему находятся в ее доме — если даже и не те, которые Джонни оставил у них под елкой, то, может быть, те, которые принес с собой Кевин Доннелли, ведь с тех пор еще и месяца не прошло. К тому моменту, как Джейк собрал

сумку и уселся на поезд, который отходил в 19.30 со станции Пикадилли, он уже точно знал, что принял правильное решение. Пускай кто-нибудь другой находит кассеты, а ему уже с головой хватило бороться за свою безопасность. Джейк ехал первым классом, и в отупляющем ритме электрички ему вспомнилось, что сожаление — это такая странная штука, что лучше сожалеть о том, что ты сделал, чем о том, чего не сделал.

И это действительно так, он уже чувствовал себя лучше. Даже смог улыбнуться — правда, пока только потому, что вспомнил, при каких обстоятельствах слышал в прошлый раз этот совет про сожаление: с него начинается альбом «Locust Abortion Technician»[84] группы «Баттхол Сёрферз». На пластинке мальчик спрашивает, что такое сожаление. Отец впаривает ему эту вещь про «лучше сожалеть о том…», а заканчивает свой совет криком: *«САТАНА! САТАНА! САТАНА!»*

Может, надо было подбежать к дому миссис Паскаль и покричать «Сатана! Сатана! Сатана!» в щель почтового ящика? Тогда, если бы его потом кто-нибудь спросил, какое его самое большое сожаление в жизни, всегда можно было бы

---

[84] Примечания: 84

«Прожорливый лаборант абортария» *(англ.),* альбом 1987 года американской рок-группы «Butthole Surfers».

рассказать про этот случай. Ну а о чем еще ему сожалеть? Он жив, его любит жена. Пора бы перестать жить вполсилы, пробираясь сквозь туман старых сожалений. Время создавать новые.

Глава двадцать первая

Дэйви Грин выбрал «рэндж-ровер», там сзади попросторнее, а он хотел почитать отчет о вскрытии тела Джона Паскаля. Когда они въехали в Стокпорт, раскрытый отчет лежал у Грина на коленях. К первой странице была прикреплена записка с просьбой отправить отчет с тем же посыльным, но отчет лежал у Грина уже два дня. Он взял его с собой только потому, что хотелось почитать в дороге что-нибудь легкое. Нет, ну честное слово, а то еще пришлось бы разговаривать с кем-нибудь из этих двоих недоумков, которые сидят на передних сиденьях и пререкаются на тему того, где лучше игровой движок — на «плейстейшн» или на «Пи-Си».

Когда Дэйви поднял голову, констебль Дрейпер умолк на середине фразы. Видно, наблюдал за ним в зеркало.

— Эй, вы, задницы, — сказал Дэйви. — Когда будем проезжать этот их Мак-авто, кто-нибудь один пускай сбегает мне за кофе. С шоколадным пончиком.

Дрейпер энергично закивал.

— С тремя кусками сахара, шеф?

Он что, думает, заказ мог измениться с тех пор, как Дэйви в последний раз брал себе кофе полчаса назад на Бутл-стрит?

— Да, — ответил Грин. — Три куска, и возьми по пирожку себе и Коллихерсту.

— Ага, шеф.

Он заставлял свою команду съедать по пирожку каждый раз, когда они приезжали в «Макдоналдс». Ужасно смешно — эти придурки обязательно обжигали себе нёбо начинкой. Всем эта шутка давно надоела, кроме Дэйви.

Констебль Дрейпер втащил «рэндж-ровер» на макдоналдскую парковку и побежал за кофе. Дэйви никогда не пользовался услугой «покупай не выходя из машины», ему казалось, что получать еду через окно автомобиля — это как-то несолидно. Пока Дрейпера не было, Дэйви велел второму парню — констеблю Питеру Коллихерсту — достать блокнот и кое-что записать.

— Инспектору такому-то, имя и адрес — вот тут, на наклейке…

Дэйви помахал в воздухе первой страницей отчета о вскрытии. Коллихерст оторвался от блокнота, взглянул на наклейку и кивнул. Дэйви продолжал:

— …В полицейский отдел Западного Йоркшира и тэ-дэ, и тэ-пэ, данным письмом уведомляем, что смерть Джона Паскаля, главной задницы в отставке, не представляет для нас никакого интереса. Мы полагаем, что его смерть — событие местного масштаба, просто старик решил подработать охранником в местной церкви. Что ж, мы рады, что чокнутому старикашке было чем занять себя на склоне дней. Ну, и там дальше еще что-нибудь придумаешь… Сотри все ненужное, напечатай как следует и отправь по электронной почте. Все ясно?

Дэйви был спокоен. Он знал, что Коллихерст непременно сварганит что-нибудь приличное. Грин потому и держал его в команде, что, каким бы недотепой этот парень ни был, а грамоте все-таки обучен.

Дэйви перечитал записку, прикрепленную к первой странице. Да, как ни крути, невозможно представить себе, чтобы полиция Западного Йоркшира на полном серьезе решила обратиться к ним за помощью. Определенно, это не более, чем простая формальность. Дэйви отцепил записку и передал ее Коллихерсту.

— Если не сможешь придумать, что написать, переработай что-нибудь вот из этого.

— Хорошо, шеф. — Коллихерст пробежал записку глазами, запоминая особо удачные места. А через секунду спросил: — Шеф, а вы тут на обороте приписку видели? Инспектор Западного Йоркшира спрашивает, увидит ли он вас на похоронах Паскаля. Вы поедете?

— Нет. Я навестил Дорис Паскаль, чтобы принести свои соболезнования, как только узнал о смерти ее мужа.

Коллихерст этого не знал. Да вообще-то никто не знал.

— Как она, шеф?

— Ох, сам понимаешь. Что тут скажешь? Сходил к ней, погоревали вместе. Думаю, она почувствовала себя лучше после моего визита, я как бы забрал себе часть ответственности за произошедшее.

Часть ответственности, а еще — видеокассеты, которые миссис Паскаль обнаружила в письменном столе погибшего мужа. Старая ведьма знала, что на этих кассетах. Она наверняка была в курсе того, как умер Джон Конуэй, про Кевина Доннелли могла и не знать. Возможно, она даже поверила в воображаемые оправдания Паскаля — что какой-то голубой бродяга забрался к нему в дом с намерением развратить и осквернить

его жилище, его святое убежище и добродетель. А может, и нет — она хоть и выглядела чокнутой, но все-таки не настолько сумасшедшей, как Паскаль.

Дрейпер вернулся с тремя чашками кофе, пончиком и двумя яблочными пирожками. Дэйви сказал ему:

— Эй, аккуратней, не хватало еще тут все вокруг залить кофе. Если почувствуешь, что проливаешь, уж лучше лей себе на штаны, чем на сиденье. Чтобы никакого кофе там, где он может что-нибудь испортить.

Он дождался, пока констебли начнут жевать свои пирожки, и только тогда спросил, как там дела с отпечатками.

Коллихерст заговорил первым, разбрызгивая вокруг целый фонтан фруктовой дряни:

— Офефяфками?

— На машине Кевина Доннелли, ты, чучело!

Это была чистая импровизация: рассказав команде о том, что он называл *предчувствием*, Грин потребовал, чтобы те обзвонили местные участки и нашли машину Доннелли. Она обнаружилась, как Грин и предполагал, в Литтлборо.

Коллихерст с трудом проглотил кусок. Дэйви дал ему передохнуть.

— Ну так как, сынок?

Пирожок комом выпятился у Коллихерста в горле и исчез.

— Не думаю, что у криминалистов уже готов ответ по машине, шеф.

Что ж, когда он будет наконец готов, там обнаружатся отпечатки пальцев Гэри Холлидея. Если нет, Дэйви отправит их обратно к машине. Холлидей рассказал Джейку Пауэлу, что взломал ее, должны же там были остаться хоть какие-то следы. Дэйви даже не беспокоился на этот счет. Он мог связать имена Гэри Холлидэя и Кевина Доннелли и каким-нибудь другим способом. Ему уже удалось разыскать парочку свидетелей, которые помнили драку Доннелли и Холлидея на вокзале Пикадилли.

Когда они снова выехали на дорогу, Дрейпер спросил:

— Дело почти закрыто, да?

Дэйви кивнул. Почти.

— Как думаете, шеф, удастся вам отыскать кассеты?

Дэйви оторвался от кофе. Сыграл под дурачка.

— Какие еще кассеты?

— Ну, те, из-за которых Холлидей и Доннелли сцепились на вокзале.

Дэйви пожал плечами.

— Почем я знаю? Пара свидетелей думают, что вроде бы что-то видели — но что с того? Я поверю, что там были какие-то кассеты, только когда увижу их своими глазами.

Или когда ему вздумается сообщить об их местонахождении. В настоящий момент они лежали в вещмешке на полу «рэндж-ровера». Дэйви все дорогу держал на них ногу.

— Тогда зачем мы возвращаемся в Колчестер-Холл? — спросил Коллихерст.

Дэйви уставился на него, не мигая и медленно пережевывая шоколадный пончик. Коллихерст наконец отвел глаза, но парню следовало отдать должное: он был не так уж туп.

В Колчестер-Холле уже проводили обыск, и не раз. Последние два дня Грин раскочегаривался, а потом устроил редкостное представление с криками и бранью, обвиняя своих подчиненных в том, что объект не был должным образом обыскан. А раз так, придется ему туда поехать и сделать все самому… *Только на этот раз — как следует.*

Они припарковались у центрального входа, пришлось обходить здание кругом, чтобы попасть к теннисным кортам на заднем дворе.

Дэйви окинул взглядом корты — казалось, там собрался весь уголовный отдел Скотленд-Ярда: стоят, подпирают сетчатый забор.

— Это кто напригласил сюда столько пидоров? — прошипел Дэйви через плечо Коллихерсту.

— Вы просили провести новый обыск. Это все добровольцы.

— Сами вызвались? Охренеть!

По другую руку от Грина шел Дрейпер.

— Им хотелось взглянуть на то, как работает легендарный полицейский, движимый одним из своих знаменитых предчувствий.

Дэйви недовольно хрюкнул, стараясь не смотреть в сторону добровольцев. Он просто прошел прямиком к зданию душевых, размахивая рукой, в которой нес вещмешок. Дрейпер и Коллихерст не отставали от него ни на шаг. Полицейские выстроились вдоль теннисных кортов, напряженно вытянувшись в струнку, и с трепетом ожидали великого события.

Дэйви вскинул руки над головой.

— К черту этот цирк! — сказал он.

Он швырнул вещмешок Коллихерсту.

— Иди и обыщи тут все, — сказал он. И, оглянувшись на толпу полицейских, бросил Дрейперу:

— А мы, давай-ка, покараулим двери, чтобы эти парни своими дерьмовыми ножищами не нарушили неприкосновенность места происшествия.

— Где искать? — спросил Коллихерст.

— Да просто переверни всю эту додбаную каморку вверх дном! Только смотри, не возись слишком долго.

Коллихерсту понадобилось меньше десяти минут. Увидев, что он уже выходит, Дэйви начал делать ему знаки, намекая, чтобы убирался, мать его за ногу, обратно, прошло слишком мало времени!

Но Коллихерст проплыл мимо него с широкой улыбкой на лице, которая означала что-то вроде: «шеф, отвали»; кассеты он держал над головой. Остальные сотрудники уголовного отдела стали отклеиваться от сетки теннисных кортов, с топотом и улюлюканьем окружая Коллихерста.

— Спасибо, спасибо… — Коллихерст, похоже, думал, что получает «Оскара», и он *так потрясен, что просто… просто слов не хватает.*

Дэйви понимал, что они перегибают палку.

— А НУ ЗАТКНИТЕСЬ, НА ХРЕН, ВСЕ!

Хорошо, что хоть голос у него такой громкий. Все стихли, и Дэйви смог перейти на тон пониже.

— Коллихерст, отличная работа. Я всегда говорил: чтобы изловить этих козлов, нужно мыслить, как один из них. — И, повернувшись к толпе: — Конечно, Коллихерсту не пришлось особенно напрягать воображение, но давайте все-таки и его тоже поблагодарим.

Вернувшись в Манчестер, Дэйви смог наконец вздохнуть свободно. Он сообщил Дрейперу и Коллихерсту, что считает дело закрытым, и спросил, кто из них хочет заняться сбором информации и подготовкой отчета для Королевской прокуратуры.

Это вызвался сделать Коллихерст. Он был не очень-то уверен, что приводить в порядок и классифицировать улики для отчета в прокуратуру — достойное занятие для настоящего детектива, но, с другой стороны, до большего он пока не дослужился. К тому же, если он сам будет составлять отчет, можно расписать получше финальный обыск в душевом блоке Колчестер-Холла. Кстати, еще один девиз Дэйви Грина: половина успеха работы детектива — в том, как ты ее представишь.

Кассеты будут проходить как улика сразу по двум делам, которые в настоящий момент ведет Дэйви. Запись на пленке утяжеляла обвинение в растлении малолетних. А пятна крови на новых

кассетах могут выявить причастность Холлидея к одному из убийств… чья бы кровь там ни оказалась. Может, это даже кровь самого Холлидея. Ведь Кевин Доннелли вроде как вмазал парню в нос видеокассетой, когда они дрались на станции Пикадилли — по крайней мере, так сказал Холлидей Джейку Пауэлу, когда тот навещал его в тюрьме. А свидетелей, которые подтвердили бы эту сцену в суде, найти не проблема.

— Очень убедительные доказательства, — сказал Дэйви.

— И никаких хвостов?

Он помотал головой.

— А если какие и есть, ничего не желаю о них знать. — Дэйви произнес эти слова как можно более выразительно, но знал, что Коллихерст ни за что не уловит намека.

Завтра где-то в районе обеда он наверняка заявится к Дэйви и скажет:

«По поводу этого дела с растлением, мне кажется, мы еще не со всеми участниками разобрались».

Дэйви вскинет брови: «Да?»

«Там на кассете есть еще один парень постарше, которого Форд и Холлидей уделывают с обеих сторон».

На это Дэйви скажет так: «И что? Кому какое на хрен дело? Как ни крути, парню наверняка меньше двадцати одного. Теперь законы другие, но в те времена он, выходит, был несовершеннолетним. С другой стороны, малолеткой его тоже не назовешь, так что непонятно, чего он вообще там делал. Короче, какая-то фигня получается, черт ногу сломит. Так что давай-ка мы лучше про это забудем».

Сработает.